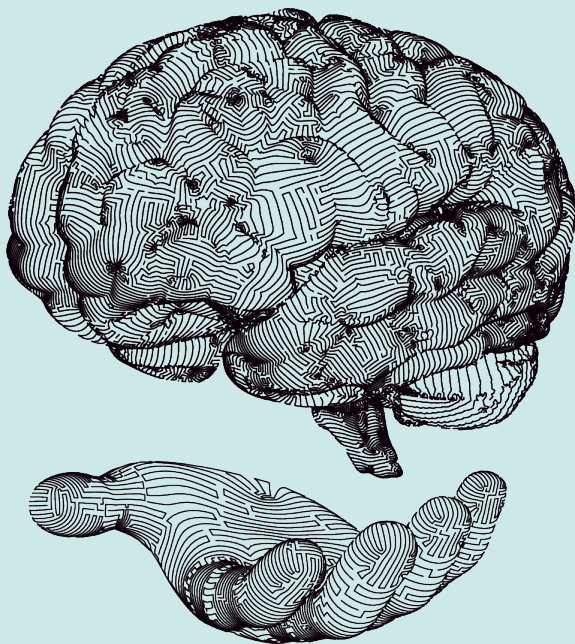

Граница как историко-психологическое явление

(ГРАНИЦА В СОЗНАНИИ, ТВОРЧЕСТВЕ, НРАВСТВЕННОСТИ;
ГРАНИЦА НА ЗЕМЛЕ, В ВОЗДУХЕ И ПОД ВОДОЙ)

Материалы
LV Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г.

Санкт-Петербург
2024

«Граница как историко-психологическое явление»

Материалы
LV Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г.

Санкт-Петербург
2024

ББК 63.3(0)

И 73

**Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Сергея Николаевича Полторака**

Граница как историко-психологическое явление: Материалы LV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторака, 2024. 255 с.

В сборник материалов LV Международной научной конференции Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева вошли доклады и сообщения ученых из России и США. В публикациях рассмотрены историко-психологические аспекты границы. В работе конференции приняли участие историки, культурологи, политологи, психологи, философы и другие специалисты. Материалы конференции представляют интерес для широкого круга читателей – любителей истории.

ISBN 978-5-6050229-3-0

© Авторы статей, 2024
© ООО «Полторака», 2024

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУР

On the Question of the Borders of Culture and Cultures

Аннотация. Автор статьи предлагает модель трактовки понятия «культура», разделяя культуру в традиционном понимании и обозначаемые тем же термином явления Нового и Новейшего времени, служащие носителями ценностей, этики и эстетики современной массовой цивилизации, и определяет заданные их различием границы.

Ключевые слова: культура, высокая культура, массовая культура, цивилизация, общество, идентичность, творчество, эстетика, этика, эволюция, инволюция

Abstract. *The author of the article proposes a model for interpreting the concept of “culture,” distinguishing its traditional sense from what the same term describes among historically New and Contemporary phenomena that embody the values, ethics and aesthetics of modern mass civilization. The author defines the boundaries set by these different kinds of culture.*

Keywords: *culture, high culture, mass culture, civilization, society, identity, creativity, aesthetics, ethics, evolution, involution*

За последнюю сотню лет понятие «культура» претерпело ряд значительных изменений и модификаций, в определённых слоях значений став практически заменителем, если не синонимом, различных более подобающих наименований, порой достигая в этом почти необъяснимой степени абсурдности. Данный процесс приобрел характер далеко не односторонний и заметно выходящий за пределы лингвистической загадочности. Порой создается впечатление, что основное и общее понимание термина «культура» находится на грани исчезновения, параллельно подводя к готовности и расположению общества фундаментально переопределить само это понятие в согласии с принципами глобализованного по западному образцу существования.

Подтверждением такого опасения может служить предложенное в 2020 году Стэнфордской энциклопедией философии толкование [1], которое полностью устраняет из термина понимание Культуры в единственном числе и едином для всех значении, заменяя его представлением о бесконечной множественности существующих «культур» и рассматривая исключительно вопросы их общественных форм и правовых сторон отношений с политической (демократической) властью. Возникает предположение, что нашим современникам предстоит приобрести безграничное количество безоценочно равных «культур идентичности»

(или, как уточняет статья энциклопедии, «идентичностей культуры») в современном мультикультурном мироустройстве ценой утраты одинаково необходимой всем «культурам» общечеловеческой культуры.

Но попробуем рассмотреть предметно этот общечеловеческий феномен, все еще привычно называемый культурой за неимением более инновационного наименования. Его прочтение тоже вызывает немалые затруднения своей неоднозначностью. Простейшее и всем знакомое дробление делит представление о культуре по вертикали: есть культура высокая, или элитарная и пр., а есть низкая, чаще всего обозначаемая как массовая. Хотя понятие «культура» (возможно уже устаревшее) включает целый ряд видов деятельности и сфер выражения (в их числе наука, образование, религия и т.п.), о существовании высокой и низкой степеней обычно упоминается, когда речь заходит об искусстве во всех его видах. Поэтому, говоря здесь о культуре в целом, имеет смысл ограничиться вниманием именно к этой творческой сфере как носителю общедоступного понимания культуры.

Актуальным манифестом той культуры, которую принято называть массовой и которая призвана удовлетворять простейшую потребность homo sapiens в развлечениях, то есть в получении удовольствия, сравнимого с удовольствием испытывать чувство сытости, остается древний клич «хлеба и зрелищ!». С этой точки зрения единственным оценочным критерием ее деятельности является достигаемая степень развлекательности и разнообразия. Характер и средства массовой культуры определяются текущим состоянием и взглядами общественного контекста, черт эпохи, служащими моделью, которую массовая культура стремится отражать в положительном или отрицательном значении. Исходя из этого, можно утверждать, что массовая культура берет на себя функцию непосредственного исполнителя социального заказа. Массовую культуру характеризуют этико-культурный релятивизм и инерционный, нуждающийся в периодических энергетических толчках, тип динамики, что является показателем инволюционности вектора движения.

Отличие от нее культуры элитарной, которую точнее было бы называть культивированной, заключается в том, что она возникает из внутренней потребности в развитии и реализации наиболее человеческого в человеке (как в себе, так и в обществе). Это же является одновременно и ее целью независимо от идентификационной ориентации. Успешным результатом подобной культурной (творческой) деятельности можно считать создание эталонной модели восприятия и оценки действительности, модели, превосходящей текущий социальный контекст данной эпохи и побуждающей его принять таковую в качестве вектора эволюции. Главным критерием культуры культивированной служит оценочная

сторона деятельности ее носителя, прежде всего его этическая позиция, а также требовательность к степени совершенства собственной продукции. В качестве двигателя такого вида культуры выступает внутренний императив личности, что снимает условие обязательного внешнего стимулирования.

Разделение культуры на высокую и низкую возникло не сразу. Долгое время последняя, за исключением редких прецедентов, не расценивалась как культура вообще. Только ближе к рубежу XIX-XX веков в цивилизованной среде стран Европы, а также в России стал замечаться интерес к образцам творчества «некультурного» происхождения. Пробуждению этого интереса во многом способствовали отдельные радикально настроенные представители творческой культуры. В качестве примера можно вспомнить Аполлинера и Пикассо, пропагандировавших примитивное творчество, во Франции, а также Василия Андреева, создателя первого оркестра русских народных инструментов, в России. До этого периода низкая культура представляла собой скорее естественную составляющую общего цивилизационного процесса, внося эстетическую черту в удовлетворение утилитарных нужд, трудовых, бытовых и обрядовых, этим способствуя объединению людей на уровне социального взаимодействия и взаимопонимания и одновременно служа сырьем и первичным слоем почвы для возникновения и развития культуры как таковой.

Пока традиционная, культивированная культура сохраняла свое доминирующее положение, а вместе с ним и эволюционную направленность вектора, подчиняющего все культурные слои и градации, для разделения не было причин. Но став частью, вначале прикладной с экзотическим оттенком, а затем и полноправной, общей культуры, низкая культура, т.е. неразвитая этически и эстетически и, как было показано выше, постоянно стремящаяся к инволюции, начала претендовать на первенство, своим влиянием закрепляя формы социальной зависимости и серьезно сдвигая представление о культуре вообще, свидетельством чему как раз и служит нынешняя тенденция поставить знак равенства между «культурами» привычек и вкусов любого происхождения («культура спортивных болельщиков, любящих пиво» — один из примеров).

Многие уже привыкли считать такое равенство нормой, и достаточно общим стало расхожее мнение, что нет высокой и низкой культуры/искусства, а есть только плохие или хорошие отдельные направления, образцы или авторы. С этим можно было бы соглашаться при наличии возможности отодвинуть то, что заслуживает плохой оценки, за пределы понятия культуры. Однако мнение о том, что хорошо и что плохо, никак не может быть единым для всех. Кто-то считает плохим китч и авангард,

кто-то, наоборот, любое академическое искусство, находя его скучным и устаревшим.

Другой возникающий в этом контексте вопрос: куда переместить, к чему отнести отвергнутые искусством/культурой явления-узурпаторы, каковыми должны стать их принадлежность и определение? И где и по каким признакам проложить границу, отделяющую их от культуры как таковой?

Вертикальность прежнего деления выглядит обоснованной — высокое, как правило, вырастает из низкого (хотя ни одно из этих обозначений и не полно, и не точно). Однако стоит помнить, что настоящая культура питается не только снизу, но и сверху — ее образует в превосходящей степени представление о недостигнутом еще идеале, что и объясняет направление ее вектора. Возможно, это и есть единственный и единственно надежный критерий ее отличия от всех прочих «культур». Именно этим определяется разрыв и необходимость разделения с культурой массовой, которой свойственно гравитационное тяготение к снижению, по сути возвращению к исходной позиции одного из аспектов цивилизации. Цивилизация — это еще не культура, хотя и создает для нее условия. Если представить их отношения графически, вовсе не обязательно выстраивать вертикаль. Можно вообразить взаимоотношения культуры и цивилизации как отношение центра к периферии. Цивилизация вместе с ее творческой составляющей создает фон, общую — массовую — среду нахождения культуры, занимающей центральное положение и имеющей центральное влияние. Это вполне соответствует закономерностям predisposedности периферийной/массовой культуры ориентироваться на обслуживающие, вспомогательные — периферийные — признаки центральной/культивированной культуры, заимствуя их и разрабатывая в качестве уже центральных для себя.

Разнонаправленность цивилизации и культуры создает необходимую диалектическую основу для развития того и другого, при этом сохраняя пропорциональную действенность столь же необходимых иерархических механизмов.

Литература и источники

1. Lenard, Patty Tamara. Culture // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 02.12.2020. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/culture/> (дата обращения: 14.04.2024).

ЯЗЫК ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ГДЕ ГРАНИЦА МЕЖДУ СТРОГО НАУЧНЫМ И ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ СТИЛЕМ?

The language of historical and psychological research: where is the border between strictly scientific and artistic style?

Аннотация. В статье представлено авторское дискуссионное видение некоторых методологических аспектов проблемы соотношения в историко-психологических исследованиях строго научного и художественных стилей подачи материала. Автор пытается ответить на вопрос: где граница между стилями, указанными выше, насколько она жесткая или все-таки относительно прозрачная?

Ключевые слова: язык историка, научный стиль, художественный стиль, метафоры, жанры исторических трудов, образность

Abstract. The article presents the author's debatable vision of some methodological aspects of the problem of correlation in historical and psychological research of strictly scientific and artistic styles of presenting material. The author is trying to answer the question: where is the boundary between the styles indicated above, how rigid is it or is it relatively transparent?

Keywords: historian's language, scientific style, artistic style, metaphors, genres of historical works, imagery

Мудрено пишут только о том, чего не понимают...

В.О. Ключевский [1, с.19]

Главное достоинство научного языка — ясность

Д.С. Лихачев [2, с.144]

Мысли великих ученых-гуманитариев, приведенные в качестве эпиграфов к настоящей статье, показывают, что проблема языка исторических исследований (в том числе и историко-психологических) — одна из тех проблем, которые всегда будут проходить по разряду актуальных. Приведем в подтверждение данного тезиса такие аргументы:

во-первых, в отношениях между историей и литературой сегодня налицо глубинная диалектика. С одной стороны, историческое произведение — литературный текст, который имеет литературно выстроенный сюжет; с другой стороны, историческое произведение — научный текст. Следовательно, внутри него, нет места недостоверным фактам. Он должен отличаться систематизированностью, жесткой ло-

гикой убедительностью аргументации, обоснованностью суждений, выводов, обобщений. Авторам же литературной прозы исторических жанров не следует пренебрегать знанием детализированного исторического материала. При этом здесь остается незыблемым право писателя на вымысел. Между тем, и ученый-историк должен владеть соответствующими литературными приемами. И лучший хрестоматийный пример здесь — творчество патриархов отечественной историографии Н. М. Карамзина (1766 – 1826), С.М. Соловьева (1820 – 1889), В.О. Ключевского (1841 – 1911). Они были воистину блестящими мастерами русского литературного слова, которым научно излагали историю Державы Российской;

во-вторых, разнообразием жанров исторических трудов: крупные фундаментальные обобщающие труды; монографии; исторические очерки; источниковые публикации; статьи; рецензии; научные доклады и сообщения; тезисы выступлений на научных форумах; диссертационные исследования, и их авторефераты; энциклопедии; словари; библиографии. Плюс к этому имеются еще и научно-популярные, и научно-художественные, и научно-публицистические работы исторического характера; а также и историческая эссеистика. Понятно, что каждый из подобных трудов имеет свои языковые особенности, стиль изложения материала;

в-третьих, так называемый постмодернистский вызов, брошенный российской исторической науке на стыке XX и XXI веков. Это предмет отдельной дискуссии или даже полемики. Поэтому заметим лишь, что язык у постмодернистов выступает, по мнению Л.П. Репиной, с которым автор этой статьи, солидаризируется, *не средством отражения и коммуникации, а «главным смыслообразующим фактором, детерминирующим мышление и поведение»* [3, с.26-27];

в-четвертых, терминологические последствия усиления интереса к какому-либо историческому явлению или процессу. С одной стороны, увеличение потока исследований по какой-либо теме уточняет понятия и категории, обозначающие данное явление. С другой стороны, в том же темпе происходит некое размывание этих понятий, так как высказываются разные точки зрения, выдвигаются различные гипотезы, предлагаются подчас несовместимые решения назревших проблем. Одним словом, налицо не только двоякость, но и множественность толкования различных терминов, что не может не вызвать затруднений (думается, что историку вообще следует осторожно подходить к отбору понятийно-категориального аппарата);

в-пятых, отдельные современные исследователи пренебрегают в своих работах проблемой оттачивания языка изложения материала.

Например, автор этих строк, рецензируя одну из рукописей кандидатской диссертации, прочитал, что некий руководитель государственного учреждения по умолчанию (!) возглавлял еще одну организацию (из соображений элементарной научной этики не называется ни фамилия соискателя, ни тема кандидатской диссертации. Тем более что диссертант после критики подобную абракадабру исправил. – Г. И.).

Наиболее сложный аспект проблемы языка как исторического, так и историко-психологического исследования — сочетание в его архитектонике литературно-художественных фрагментов и сюжетов с фрагментами и сюжетами, выдержанными в строго научном стиле. Именно здесь и проходит та граница, о которой говорится в названии данной статьи. Особенно же эта граница четко прослеживается, когда исследуются исторические персоналии. А их исследования не представляются возможными без теоретико-методологического инструментария исторической психологии [4;5]. Вот пример, почерпнутый из монографии крупного современного отечественного ученого С.Н. Полторака, посвященной анализу исторической персоналии генерала А.И. Верховского (1886 – 1938). Анализируя историографию об исторической персоналии, которую исследует ученый, он осуждает менторский тон советского историка В.С. Васюкова, допускаемый им в его монографии в отношении А.И. Верховского [6, 463-475]. С.Н. Полторак пишет: «Автор научной монографии позволил себе, например, небрежную реплику типа: «Верховский наивно полагал...». И исследователь исторической персоналии А.И. Верховского, делает очень тонкое ироничное замечание: «Представляется наивным полагать, что А.И. Верховский мог полагать наивно» [7, с.6]. И далее С.Н. Полторак разясняет свою ироничную фразу: «Первый выпускник Пажеского корпуса и Академии Генерального штаба, офицер, прошедший через две войны и получивший уникальный боевой опыт управления войсками, был эрудитом и многоопытным человеком. Пытаться уличить его в наивности – означает ничего не понимать ни в военном деле, ни в истории событий 1917 года» [7, с.6].

Как видно, данная фраза – научная, с элементами публицистики, преломлённой сквозь дискуссию, и вполне легко читаемая. Даже не специалистами. Заметим, что Сергей Николаевич Полторак – мастер сочетания в своих работах порою даже трудно сочетаемого.

Сложный аспект рассматриваемой проблемы – образность языка историка. Та образность, что повышает уровень читабельности исторических исследований. Та образность, что обеспечивает (в значительной степени) для автора умение одинаково говорить с учеными и со школьниками. В качестве примера, приведу цитату опять же С.Н.

Полторака: «История Гражданской войны в России сейчас многими забыта. Поначалу, в 1920-1930-е годы, она была очень востребована. Сказывались потребности политического, идеологического характера. Молодая советская страна тогда походила на даму, только-только вступающую во второй брак: пыталась навсегда забыть «первый брак» – свою имперскую историю и старательно собирала свидетельства новой успешной жизни» [8, с.485].

Спрашивается, а где самые укрепленные места границы, о которой идет речь выше? Ответ мы находим у Д.С. Лихачева: «Метафоры и разные образы в языке научной работы допустимы только в случаях необходимости поставить логический акцент на какой-нибудь мысли. В научной работе образность — только педагогический прием привлечения внимания читателя к основной мысли работы» [9]... И далее: «Наука требует однозначности, в художественном же языке первостепенное значение имеет обратное – многозначность» [9]. Вряд ли стоит пытаться опровергать маститого академика.

Между тем, порою забывается, что историк, являясь исследователем, все-таки становится, в какой-то мере и писателем, ибо нет другой формы реализации научного продукта, полученного им, только как литературное его изложение. И невольно в данной связи вспоминается мысль, высказанная крупным отечественным историком Ю.А. Поляковым (1921 – 2012), который сам отличается в своем научном наследии блестящим колоритным литературным языком: «Выражения красочные, яркие, сравнения редки в наших трудах. Казенные слова, стертые фразы, используются чаще. Для многих он служит кольчужкой, защищающей от возможной критики. И заполнять ими страницы, куда легче и быстрее. – Подчеркнуто автором статьи – Г.И.» [10, с.3]. И далее: умнейшие, правильные мысли, «выраженные избитыми, стандартными, общими, казенными фразами, – забываются тут же» [10, с.3] (прошу обратить внимание на подчеркнутые фразы. В них изложена та самая суть соблазна исследователя, о которой идет речь выше. Вот и получается, что ученый сделал большое дело – написал серьезный научный труд, но обрек себя на известность, главным образом, в узком кругу специалистов. А ведь именно исторические труды (причем, не только научно-популярные) любят читать не только те, кто входят в узкий круг специалистов. Но читатели, именуемые, к примеру, знатоками и любителями истории, не смогут дочитать до конца произведение, написанное строгим научным языком. Если вообще за него возьмутся. А если и найдутся энтузиасты и дочитают до конца, то пользы извлекут для себя мало).

В историко-психологических исследованиях «нарушителями гра-

ницы» являются цитаты из эго-документов. Причем, эти цитаты могут иногда очень образными, красивыми, афористичными. И таких «нарушителей» не стоит отлавливать. Просто не надо допускать чрезмерно количественного роста подобных «цитатных бойцов». То есть речь идет о чувстве меры. Оно будет соблюдено тогда, когда литературно-художественные фрагменты и сюжеты станут усиливать существенное значение фрагментов и сюжетов, выдержанных в строго научном стиле. Ведь история, даже при всем ее описательном характере, является все-таки точной наукой. Вымысел историка недопустим, ибо это ни что иное, как насилие над правдой истории. Главное – пройти без потерь между Сциллой (серость) и Харибдой (непонятность). Но подобная задача не так проста, как может показаться в первом приближении. Поэтому сохраняют полезность старые шутки-рекомендации: «Или вы пишете лучше, или лучше не пишете» и «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего».

Литература и источники

1. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Отв. ред. акад. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1968. – 524 с.
2. Лихачев Д.С. Записки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель : Ленингр. отд-ние, 1989. – 605 с.
3. Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М.: Наука, 1996. С.26-28.
4. Исторические персоналии: мотивация и мотивировки поступков Материалы Всероссийской научной конференции. 16-17 декабря 2002 г. Санкт-Петербург/ Под ред. С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2002. – 353 с.
5. Ипполитов Г.М. Как трудно избежать соблазна биографию писать, или Размышления о некоторых теоретико-методологических основах исследования исторических персоналий // Клио. Журн. для ученых. 2011. №6. С.143-149.
6. Васюков В.И. Внешняя политика Временного правительства. М.: Мысль, 1966. –496 с. С.463-475.
7. Полторака С.Н. Военная и научная детальность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб.: Остров, 2014. 298 с.
8. Полторака С.Н. Гражданская война как повод к размышлению (вместо послесловия) // Ипполитов Г.М. Летопись братоубийства (Очерки советской историографии Гражданской войны на юге России. 1918–1985 гг. / Г.М. Ипполитов; послесловие С.Н. Полторака. Самара: АС Гард, 2009. С. 484-490.
9. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном Изд. 3-е. М., 1989. Большая универсальная электронная библиотека. [Электронный ресурс] URL: http://www.many-books.org/auth/14699/book/100198/lihachev_dmitriy sergeevich/pisma_o_dobrom_i_prekrasnom/read/23 (дата обращения 2.11.2014).
10. Поляков Ю. Историзмы (мысли и суждения историка). М.: ИРИ РАН, 2001. 103 с.

БЕЗГРАНИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ: ОБЩНОСТЬ ЭВОЛЮЦИИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СТРОЯ У РАЗНЫХ НАРОДОВ

The boundlessness of historical patterns: the commonality of the evolution of the republican system among different peoples

Аннотация. В статье кратко рассматривается возникновение и эволюция республиканского строя в разных полициях Древнего мира, Средних веков и Нового времени. В результате сравнения преобразований политического строя выясняется общность его деформации.

Ключевые слова: Афины, Новгород, адыги, средневековая Италия, коммуны, республика, демократия

Abstract. The article briefly examines the emergence and evolution of the republican system in different polities of the Ancient World, the Middle Ages and the New Age. As a result of comparing the transformations of the political system, the commonality of its deformation becomes clear.

Keywords: Athens, Novgorod, Circassians, medieval Italy, communes, republic, democracy

Начавшись в античном мире, явления республиканизма и демократии охватили огромные территории Европы (Греция, Рим и Италия, Иберийский полуостров) и Африки (Карфаген), ненадолго заглохнув в поздней Античности и раннем Средневековье, они снова проявились в городских коммунах Северной Италии и Германии, в Новгороде и Пскове, в тингах скандинавского мира, в зарождающейся конфедерации швейцарских кантонов. В Раннее Новое время демократия переживала кризис, пока на рубеже XVIII – XIX вв. не началось мощное республиканское движение в Америке, революция во Франции и, наконец, массовая демократизация вт. пол. XIX – XX вв., когда образовались государства современного республиканского типа.

Все эти явления отдалены друг от друга во временных рамках, однако все они имели коренное сходство, а именно общую эволюцию республиканского строя и закономерность перехода к демократии. Особенно красноречив пример эволюции трех видов республиканских политий: древнегреческой, городской средневековой, и вольных обществ Кавказа. Они будут рассмотрены на примере Афин, итальянских городов-государств и Великого Новгорода, а также «демократических племен» натухайцев, шапсугов и абадзехов.

В гомеровской эпоху греки имели монархическое правление при

значительном влиянии знати, которая находилась при царе и принимала вместе с ним все важнейшие политические решения. В VIII в. знать оттесняет от власти царей, и монархия преобразуется в аристократию. Это время господства крупных землевладельцев, у каждого из которых была обширная клиентела. Вместе они составляли конное войско. Они устраивали пиры, на которых славили храбрых воинов в героических песнях, а в повседневную жизнь вошел своего рода рыцарский этикет с представлениями о «благородном» и «подлом» сословиях.

Но господство знати не продолжалось долго, уже на рубеже VIII-VII вв. пробуждается новая сила – народ (единственный перевод слова δῆμος). В это время активно развивается торговля и ремесленное производство, которые обеспечили вертикальную мобильность низшим слоям общества – купцам и ремесленникам – тем самым «подлым». Многие аристократы предпочитают жениться на богатых представительницах демоса и наоборот, высшее сословие размывается и одновременно между усилившимся народом, не имеющим политических прав, и аристократией начинается ожесточенное противостояние, часто переходящее в открытую войну. Например, в Милете народ изгнал аристократов, а их детей, оставшихся в городе, бросил на току под ноги быков, вернувшиеся же аристократы сожгли детей демократов заживо. Поэт-аристократ Феогнид писал – «топчи ногами пустоголовый демос, коли его острым жалом, надень тяжелое ярмо на его шею!». Но демос побеждал все чаще и чаще, пока наконец, в результате народных движений «носильщики стали властвовать, чернь – выше благородных».

Таковую же, характерную для многих греческих полисов, эволюцию прошли Афины. Сначала в Аттике правили цари (одним из них был Тесей), резиденция которых располагалась на Акрополе. Затем царская власть была заменена властью архонтов. Первыми архонтами могли стать только члены царского рода Медонитов, их должность была пожизненной, затем, с середины VII в., она ограничивается 10 годами. Потом разрешили избираться всем эвпатридам, пока наконец не стали избирать раз в год 9 архонтов [1, С.33-48. 2, С.246, 267, 248-255, 340-343]. Архонтов избирал ареопаг, бывшая царская «дума», то есть собрание всех аристократических родов страны, в руках которых сосредотачивалась вся власть и государственные дела. Под действием тех же причин, что и в остальной Греции, в Афинах начал усиливаться демос, избравший Драконта для издания законодательства, призванного ограничить власть знати. Если раньше аристократы судили по своему усмотрению, теперь они вынуждены были руководствоваться законом. Однако этих уступок народу было мало. Следующее народ-

ное движение закончилось избранием в архонты Солона, которому было «поручено устройство государства». Он «освободил демос», запретив долговую кабалу, уничтожил долговые обязательства [1, С.83]. Также был изменен доступ к государственным должностям и введен ценз. Если раньше государственные должности занимали только аристократы, теперь их мог занять любой гражданин, обладающий необходимым состоянием. Народ был допущен к суду, а сила народного собрания значительно возросла. Установившийся режим Аристотель называет «демократией» [1, С.90, 92]. Однако аристократия сохраняла влияние в филах, которые были преобразованы следующим вождем народа – Клисфеном, что по словам Аристотеля еще более «усилило демократию» [1, С.114]. Таким образом, народ полностью захватил власть в государстве, и сложившийся режим стал считаться образцово демократическим.

В XI на севере Италии правила крупная аристократия, маркизы и графы, наместники «немецкого императора», как тогда называли правителя Священной Римской империи. С конца XI в., города начинают объявлять независимость от феодалов, подчинять округу и устанавливать аристократический режим во главе с консулами. Возникает *comuna consulare* – «консульская республика». В таких новообразованных государствах власть принадлежала консулам, число которых варьировалось от двух до нескольких десятков. Избирали этих правителей группы знатнейших городских патрицианских кланов. Городские «патриции» назывались *boni homini*, т.е. лучшие люди, передавшие свой статус по наследству. Именно им, посредством власти консулов, принадлежала власть во всем государстве. На рубеже XII – XIII вв. консульская коммуна эволюционирует в коммуну подестатную. В ней власть принадлежала приглашенному правителю подесте и контролировавшему его совету, отбор в который проходил по такому же принципу, как и на консульскую должность. Подеста, выступавший в качестве арбитра аристократических споров, не ограничивал власть аристократии, которая продолжала управлять коммуной через избираемой ей самой совет. Так продолжалось почти весь XII в., однако со временем ситуация начала меняться, городские купцы и ремесленники богатели, их число увеличивалось, а вместе с численностью росли и политические амбиции. В коммуне начинается так называемое народное движение, целью которого было получение политических прав обделенным до этого народом. Параллельно с аристократическими коммунальными советами создаются советы народные, которые порой приглашают своего народного подесту. Между двумя сторонами, коммунальной (представленной аристократией) и народной (пред-

ставленной «народом»), начинается непримиримая война, результат которой зависел от ситуации непосредственно в коммуне. Где-то аристократия подавляла народное движение полностью. В итоге, власть аристократии восстанавливалась, и против народа начинался террор. Где-то возобладал компромисс: советы объединялись и делили места. Одни места доставались аристократам, другие – народу. Были же коммуны, где всецело побеждал народ: изгонял аристократов, а против оставшихся вводил дискриминационные законы. В большинстве случаев народ побеждал, и чаще всего устанавливался именно народный режим, а аристократия везде отодвигалась на второй план, что и способствовало установлению нового этапа в жизни североитальянских городов – народной коммуны [3, С.3-4, 9, 26, 33-36, 55-57, 63. 4, С.67, 165, 175-178, 187, 193-194].

Очень схожая эволюция произошла и в Новгородской республике. С момента независимости Новгородской земли власть в ней принадлежала боярству, однако с начала XIII в. (а в отдельных случаях и раньше, в XII) все чаще себя начинает проявлять новая сила – новгородский народ – называемые в источниках «меньшие», «черные люди», «торговые» и собственно «народ». С начала XIII в. новгородский народ, в вооруженной борьбе отвоевавший политические права у боярства, прочно держал в своих руках внешнюю и внутреннюю политику всей огромной республики. Именно от настроений «черни» зависело заключение мира или объявление войны, отправка воинских контингентов, смена неугодных должностных лиц, посадников, тысяцких и даже новгородского архиепископа. [5, С.307-308, 355-356, 366, 379, 409.] Тем не менее, новгородское боярство никогда полностью не сдавалось, и Новгород так и не стал полностью народной коммуной.¹

В Средние века у приморских адыгских племен натухайцев, шапсугов и абадзехов власть принадлежала князьям, которым подчинялись дружины дворян. Крестьянство, делящееся на государственное и частновладельческое, им подчинялось. Дворянство считало своим главным делом «править простым народом» и запрещало крестьянам даже выращивать лошадей, а если крестьянин вырастит жеребенка, дворянин принудительно менял его на быка со словами «это тебе пойдет больше, чем конь».

Примерно в первой половине XVII в. сразу несколько источников фиксируют политический переворот, в результате которого власть аристократии была поколеблена, и помимо княжеских съездов, управлявших до этого страной, появляются народные собрания. На них решались все важнейшие политические вопросы, проходил суд. Огром-

ным влиянием пользовались ораторы. Решения народного собрания, по свидетельству одного из адыгских аристократов, были направлены «всегда во вред дворянству». Дуализм власти порождал борьбу, и всю дальнейшую историю западных адыгов дворяне активно боролись с народом, пока в конце XVIII в. не состоялся съезд, на котором народ был окончательно уравнен в правах со знатью, и последние потеряли всякое политическое влияние. Дворяне регулярно пытались вернуть власть, чему народ сопротивлялся, изгоняя их и разрушая усадьбы. [6, С.137-138. 7, С.257.] Ни в одном демократическом племени, князья и дворяне больше никогда не становились правящей элитой.

Все рассмотренные народы разделены как в пространстве, так и во времени, но историческая закономерность дотянулась до каждого из них. В каждом из представленных случаев тип государственного устройства эволюционировал по одному и тому же образцу, от монархии через аристократию к демократии. Такая схожесть обусловлена действием исторической закономерности, сила которой преодолела границы эпох и народов.

Примечания

1 Как собственно и не стали народными многие другие коммуны Италии.

Список источников и литературы

1. Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб., 2003.
2. Сергеев В.С. История Древней Греции. М., 2008.
3. L. Tanzini, A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma, 2014.
4. D. Waley, The Italian City-Republics. London, 1969.
5. Полное собрание русских летописей. Том III. М.: ИД Яск, 2024.
6. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
7. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ ГРАНИЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

On the interpretation of the concept of borders in Russian post-Soviet philosophy

Аннотация. Исходя из сократического понимания философии как совокупного знания о человеческом незнании, формулируется вывод о маргинальном характере философской деятельности. Рассматриваются работы представителей отечественной постсоветской философии, в которых философствование истолковывается как мыслительный процесс, ориентирующий познающего на выход к границам разного типа: между рациональностью и иррациональностью, бытием и небытием, наукой и не-наукой, добром и злом, истиной и ложью и т.д. При этом в постсоветской философии явственно преобладает апофатический, негативный и деструктивный компонент в противовес позитивному утверждению истины посредством системостроительства.

Ключевые слова: граница, ограниченность, модерн, постмодерн, знание о незнании, проблема демаркации, границы науки, моральная философия, ложь, истина.

Annotation. Based on the Socratic understanding of philosophy as the total knowledge of human ignorance, a conclusion is formulated about the marginal nature of philosophical activity. The works of representatives of the Russian post-Soviet philosophy are considered, in which philosophizing is interpreted as a thought process that orients the knower to reach the boundaries of different types: between rationality and irrationality, being and non-being, science and non-science, good and evil, truth and falsehood, etc. At the same time, the apophatic, negative and destructive component clearly prevails in post-Soviet philosophy, as opposed to the positive affirmation of truth through system-building.

Keywords: border, limitation, modernity, postmodernity, knowledge of ignorance, the problem of demarcation, boundaries of science, moral philosophy, lies, truth.

Вопрос о границах и ограниченности может быть отнесен к одному из «вечных» вопросов философии, поскольку он периодически поднимается мыслителями различных исторических эпох в контексте существенно отличающихся друг от друга культурных и цивилизационных традиций. В данном аспекте заслуживает внимания опыт интерпретации соответствующего концепта в современной российской постсоветской философии, сформировавшейся в эпоху, последовавшую за распадом СССР, когда рушились одни границы, к примеру, между ГДР и ФРГ, и возникало множество других («цивилизированный развод» Чехии и Словакии, отделение посредством перманентных бомбардировок странами блока НАТО Косова от Сербии и т.д.).

Следует отметить, что, начиная с известного положения Сократа «я знаю, что я ничего не знаю», философия понимается как нечто маргинальное, стоящее на границе между знанием и незнанием, т.е. как совокупное *знание о незнании*, о тех проблемах, которые человечество явственно осознает, будучи не в состоянии их решить. Отсюда определение философии Бертраном Расселом как Ничейной Земли между наукой и теологией [1, с. 7], а также апофатическое определение Мартина Хайдеггера: «Философия – ни наука, ни мировоззренческая проповедь» [2, с. 117].

Данную традицию понимания философии как маргинальной, т.е. пограничной деятельности продолжают и современные постсоветские представители философской мысли. Например, в статье Г. Н. Мехеда с красноречивым названием «Философия как граница рациональности», рассматриваются два типа рациональности – открытая и закрытая, и если в науке, по мнению автора статьи, соседствуют оба типа рациональности, то в философии, по его мнению, представлена исключительно первая: «Наука стремится к познанию объективных закономерностей, к позитивному знанию, которое выразимо в значимых научных результатах – интерпретациях экспериментов, научных теориях, законах, гипотезах. Философия же – скорее «подрывник», представитель «пятой колонны», чем системостроитель» [3].

Здесь, однако, следует отметить, что в рамках классической философской традиции явственно преобладала тенденция к основательности и систематичности, которая в контексте философии постмодерна считается избыточной и излишней, и потому большей частью исследователей воспринимается как архаика. Ведь система, требующая завершения, это всегда закрытый тип рациональности, по мнению Г. Н. Мехеда, чуждый современной философии, но придающий ей некоторую *научообразность*.

О. В. Тимофеева в своих работах выделяет три типа границ: 1) между качественно однородными нечто, например, между двумя государствами; 2) между качественно различными нечто (между мужчиной и женщиной, бедными и богатыми, добром и злом); 3) между нечто и ничто. По ее мнению, «онтологический смысл философской работы заключается в том, чтобы удерживать топос этой третьей границы, в котором бытие встречается и совпадает с ничто, быть тем местом, в котором происходит выворачивание бытия наизнанку» [4, с. 98].

В данной связи примечательна эволюция *проблемы демаркации*, т.е. разграничения науки и не-науки, которую С. А. Лебедев справедливо определяет как одну из основных проблем философии и методологии науки [5, с. 80]. Первоначально постановка данной проблемы

была вызвана стремлением отделить «подлинную науку» от всех прочих видов человеческого знания (обыденного, художественного, философского, религиозного, морально-этического и т.п.), которое при этом существенно гносеологически обесценивалось, вплоть до полного его отрицания как «бесмысленного». Однако в эпоху постмодерна соответствующая проблема «выворачивается наизнанку», приобретая форму положения об ограниченности самой науки.

В данной связи заслуживает внимания коллективная монография «Границы науки», изданная Институтом философии РАН в 2000 году. В одном из разделов данной монографии «Границы новоевропейской науки: модерн / постмодерн» В. П. Визгин констатирует, что «человек постмодерна все еще опирается на науку, но по-настоящему в нее уже не верит» [6, с. 221]. В результате возникает парадоксальная ситуация характерная для постмодерна. Наука утрачивает доминирующее в культуре положение, которое она занимала в эпоху модерна, однако ранее занимаемое ею место остается вакантным. Последнее объясняется процессом, который можно обозначить как перманентное понижение гносеологического идеала. Для классической науки Галилея-Ньютона данный идеал остается сократическим: истина объективна и одна для всех людей. Однако в неклассической науке модерна, по сути дела, происходит откат к релятивизму наиболее серьезного оппонента Сократа – Протагора, который учил, что человек есть мера всех вещей, т.е. у каждого своя истина и нет истины, общей для всех людей: «Как оно кому кажется, так оно и есть». Наконец, в эпоху постмодерна релятивизм трансформируется в нечто новое: у каждого своя ложь. *Постмодерн – это время когда все друг другу лгут, и никто ни во что не верит.*

Весьма симптоматично, что пограничная тематика затрагивается также в изданном Институтом философии РАН сборнике «О праве лгать», посвященном анализу небольшой по объему работы Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» [7]. На первый взгляд не вполне ясно, чем вызвала эта «дежурная» заметка основоположника классической немецкой философии столь пристальное внимание современных отечественных постсоветских философов, отделенных от Канта двумя столетиями. Ответ можно найти в статье Б. Г. Капустина, который приходит к выводу, что критика соответствующей заметки позволяет выявить границы моральной философии вообще, а не только кантовской в частности.

Правда вопрос о моральных границах решается у большей части авторов сборника обсуждаемого сборника скорее в модернистском, нежели в постмодернистском ключе. Кант рассматривает гипотетиче-

скую ситуацию, когда человека преследует некий злоумышленник, от которого беглец скрывается в доме своего знакомого с согласия последнего. Однако через какое-то время на пороге этого дома появляется злоумышленник, который интересуется у домохозяина, нет ли в его жилище преследуемого им человека. По мнению Канта, домохозяин должен сказать правду, несмотря на то, что она может серьезно повредить преследуемому, потому что лгать ни при каких обстоятельствах нельзя, ибо ложь – это всегда зло, а правда – всегда добро, поэтому всегда говорить правду – наша священная обязанность.

Однако один из величайших умов человечества почему-то упускает из внимания очевидный факт. Сказав правду злоумышленнику, домохозяин *предает* человека, попросившего у него убежища. Но предательство, в существующей системе моральных координат, – это тоже зло, причем, в любой мыслимой ситуации. Тем самым человек вынужден осуществить *выбор одного из двух зол*, что типично именно для постмодерна, но весьма нетипично для классической эпохи с ее стремлением к некой абсолютной общечеловеческой истине. Другими словами границы моральной философии начинаются там, где больше нет выбора между добром и злом, и человеку остается лишь поиск меньшего из двух зол, причем, при любом выборе человек будет чувствовать себя виноватым, сознательно совершающим аморальное действие, потому что *в задаче, поставленной Кантом, правильное решение вообще отсутствует*.

Но не в этом ли суть сократического понимания философии как совокупного знания о человеческом незнании, т.е. о тех проблемах, которые наш разум не в состоянии решить? Причем на границе между нечем и ничто, где располагается философия, возможно и такое «выворачивание бытия наизнанку», когда философский разум, ориентирующийся на выявление в универсуме объективно существующих неразрешимых проблем, искусственно синтезирует их в своем сознании, предлагая их для решения окружающим.

Литература и источники

1. Рассел Б. История западной философии в 2-х ч.: Ч.1. - М.: МИФ, 1993. – 509 с.
2. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. // Вопросы философии, 1989, № 9, с. 116-163.
3. Мехед Г. Н. Философия как граница рациональности // Философия и культура. 2018. № 6. С. 1-16. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26304 (дата обращения: 05.04.2024).
4. Тимофеева О. В. Существование на границе (размышление над книгой) // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 96-108.

5. Лебедев С. А. Проблема демаркации научного знания и её эволюция // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 79–89.
6. Границы науки. М.: ИФ РАН, 2000. – 276 с.
7. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 232-237.
8. Капустин Б. Г. Критика кантовской критики «права лгать» как выявление границ моральной философии // В сборнике: О праве лгать. Российская академия наук, Институт философии; под редакцией Р. Г. Апресяна. Москва, 2011. С. 128-150.

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА УКРАИНЕ: ОТ «ОРАНЖЕВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ» ДО МАЙДАНА (ПО СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ
ОПРОСАМ)**

The differentiation of Russian and Ukrainian identities in Ukraine: from the “Orange Revolution” to the Maidan (according to opinion polls)

Аннотация. В статье определены предпосылки роста радикального этнонационализма на Украине в контексте социокультурного раскола общества, углублявшегося в 2005–2014 гг. Исследование выполнено на основе материалов социологических опросов, сравнивающих этнополитические ориентации региональных сообществ страны.

Ключевые слова: *русская идентичность, украинская идентичность, Украина, социологические опросы, символические границы, 2005–2014 гг.*

Abstract. *The article defines the prerequisites for the growth of radical ethnonationalism in Ukraine in the context of the sociocultural split of society, which deepened in 2005–2014. The study is based on the materials of sociological surveys comparing the ethnopolitical orientations of the country’s regional communities.*

Keywords: *Russian identity, Ukrainian identity, Ukraine, opinion polls, symbolic borders, 2005–2014.*

Современная политика укрепления единства российской нации имеет отчётливую специфику в новых регионах России – Крыму, Донбассе и Северной Таврии, которые долгое время подвергались влиянию украинского этнонационализма. В данном контексте важно установить предпосылки углубления социокультурного раскола украинского общества в 2005–2014 гг., выявить маркеры символического разграничения русской и украинской идентичностей. Тема важна не только для исторических исследований, но и для более эффективного противодействия украинскому этнонационализму в новых субъектах федерации.

Баланс национальной и региональных идентичностей анализировали украинские эксперты Д. Кирюхин, С. Щербак, М. Погребинский, А. Попов и А. Толпыго [1], М. Рябчук [2], А.В. Радченко [3], Е.В. Князева [4]. Крымская школа исследований представлена работами В.Е. Григорьянца, А.В. Мальгина, А.В. Ишина и др. [5], А.В. Ставицкого [6]. Сложилась школа анализа региональной идентичности в Донбассе (работы С.Н. Барышникова, С.Ю. Бунтовского, И.В. Гречко и др. [7], Г.О. Коржова [8]). Важное значение сохраняют работы рос-

сийских исследователей С.С. Савоскула [9], Л.В. Савина [10], созданные до переворота 2014 г. Они доказывают глубокую фрагментацию этнических, языковых и региональных сообществ Украины. Напротив, евроатлантический унификационный курс политики аргументируется в работах украинских экспертов под редакцией Л.В. Губерского [11] и А.И. Кудряченко [12], статье С.О. Переходы [13], интервью И. Тодорова [14].

Преобладающий фактор размежеваний идентичности – языковой. Украинское общество было расколото примерно пополам по приверженности государственному языку в повседневном общении. По данным анкетного опроса 2004 г. (Киевский международный институт социологии), в семье 45% жителей страны говорили по-украински, 10% – на обоих языках, 45% – на русском [15]. В западных областях считали украинский язык родным все респонденты (свыше 95%); в центральных областях и Киеве – половина опрошенных; на востоке и юге предпочитали русский язык.

Важный аспект – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – лишь бытовой язык этнического меньшинства, 74,5% жителей западных областей, 44,3% – центральных, 17,7% – восточных и 14% – южан (по данным Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова) [16, с. 219]. С государственным статусом обоих языков (их равноправием) соглашались 53,3% южан, 55,3% жителей восточных областей, 30,2% в центральных областях и 7,9% – в западных. Судя по опросу 2006 г., во всей Украине поддерживали статус русского языка как второго государственного 56,2% респондентов, против выступали 35,9% [17, с. 134]. По данным опроса, проведенного Центром региональных исследований и стратегий, на юге Украины весной 2011 г. доля считающих родным языком русский достигала 95–97%, а выступали за русский язык в роли регионального 43%, второго государственного – 41% респондентов [18]. По итогам опроса социологической службы «Рейтинг» в октябре 2013 г., за предоставление русскому языку государственного статуса выступали 43% респондентов, против – 51%. Но государственный статус русского языка пользовался безоговорочной поддержкой в Донбассе и Крыму – по 85%, на юге страны – 69%, на востоке (не считая Донбасса) – 57% [19, с. 34]. Решение Верховной Рады Украины об отмене регионального статуса русского языка (22 февраля 2014 г.) углубляло этнокультурный и языковой раздел общества, принуждало к украинизации.

Важно также восприятие качеств украинского общества и ори-

ентиров его развития в общественном мнении. Прочная украинская идентичность и в государственном, и в этнокультурном смысле не сформирована. Вряд ли она может быть успешно закреплена на основе ориентаций, присущих только западу или востоку страны. По итогам анкетного опроса 2002 г., считали себя прежде всего гражданами Украины – 41,0%; жителями своей местности – 31,6; гражданином СССР – 12,7; жителями региона – 5,9; представителями своего народа – 3,0; «гражданином мира» – 2,7% [20, т. 2, с. 343].

Представляет большой интерес анкетный опрос, проведенный в июне 2011 г. Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в Николаевской, Одесской и Херсонской областях, Автономной Республике Крым (АРК) (гнездовая пропорциональная выборка – 2500 чел., погрешность – 3%). Гражданами Украины в первую очередь считали себя 46% респондентов, жителями города или местности – 31, области или группы областей – 10, гражданином СССР – 9%. Но баланс сильно различался по регионам: в АРК и на Херсонщине гражданами Украины считали себя 37–38%, а в Николаевщине – 66%. Очевидна зависимость распределений от этнической идентичности. Относили себя к русским 62% крымчан, 24% жителей Одесской области, 18% херсонцев и 14% жителей Николаевской области. Государственная украинская идентичность в этих регионах преобладала у 68% украинцев и 26% русских. Установлена зависимость между уровнем приверженности Украине и поддержкой прозападной геополитической ориентации [4, с. 272–273, 282–283].

Жители Украины сохраняли близкую этнокультурную дистанцию с русскими. Опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в ноябре 2012 г. (выборка – 2048 чел.), показал индекс этнокультурной дистанции украинцев с русскими в 2,7 балла (в сравнении с 2,5 в 1992 г.). Никакой другой народ не рассматривался жителями Украины как столь близкий. Но вследствие пропаганды наблюдался рост национальной идентичности и спад региональной, локальной. 59,6% опрошенных уже считали себя в первую очередь гражданами Украины, региональная идентичность была основной для 25,1%, а удельный вес «граждан СССР» составлял 8,3%. Характерен повышенный уровень региональной и «советской» идентичности среди этнических русских, жителей Востока и Юга страны, лиц среднего и пожилого возраста [21; 22, с. 63]. Данные долгосрочные факторы делали Украину глубоко расколотым государством, воспринимаемым как объект международного соперничества, а не самостоятельный субъект.

Таким образом, локальная и региональная идентичность весомо

ограничивали влияние общеукраинской идентичности. В русскоязычных регионах Юга и Востока жители считали себя частью переходных сообществ. Так, значительная часть жителей Донбасса и Одессы осознавала себя особыми территориальными общностями. Жители Закарпатья относили себя к русинам, а не к украинцам и не галичанам. Даже во Львове считали себя прежде всего украинцами лишь 32,0% респондентов, горожанами – 22, галичанами – 17, а европейцами – 17% [20, т. 2, с. 343].

Следовательно, политико-региональное деление Украины на Запад, Центр, Юг и Восток приблизительно. Скорее, речь должна идти о центрах (ядрах социокультурных ареалов) и об их перифериях, плавно переходящих от одного типа ориентаций к другому. Для запада таким ядром выступала Львовская область, для юга – Крым, для центра – Киев, для востока – Донецкая область. Ярко выражены политико-культурные лакуны. Идентичность в них значительно отличалась от окружающего ареала (Закарпатье, Севастополь). Социокультурные факторы делили Украину на макрорегионы с противоречивыми политическими ценностями и ориентациями по осям: прозападные – прооссийские ориентации, активность – пассивность.

Литература и источники

1. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М., 2013. 400 с.
2. Рябчук М. Долання амбівалентності. Дихотомія української національної ідентичності – Історичні причини та політичні наслідки. Київ, 2019. 252 с.
3. Радченко О.В. Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення. Харків, 2009.
4. Князева Е.В. Самоидентификация населения южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. Одесса, 2013. С. 267–284.
5. Федерализация Украины: к единству через разнообразие / В.Е. Григорьянц, С.С. Жильцов, А.В. Ишин, А.В. Мальгин. М., 2011. 228 с.
6. Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь, 2013. 184 с.
7. Проблемы региональной идентичности Донбасса: сб. аналит. ст. / авт.-сост. А. Иванов, А. Мартынов. Донецк, 2011. 174 с.
8. Коржов Г.О. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. Киев, 2006. № 4. С. 38–51.
9. Савоскул С.С. Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Вестник Евразии. 2002. № 2. С. 46–74.
10. Савин Л.В. Национально-политическая идентификация в Украине и формы репрезентации власти // Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 105–115.
11. Інтеграція України в європейські правові, політичні та економічні системи / за ред. Л.В. Губерський. Київ, 2007.

12. Україна в Європі: контекст міжнародних відносин / кер. авт. кол. і наук. ред. А.І. Кудряченко. Київ, 2011. 632 с.
13. Перехода С.О. Утро по Гринвичу: украинская «евроинтеграция» и современные проблемы Западной Европы // Вести.ua. URL: <http://vestiua.com/ru/press/20130112/19151.html> (дата обращения: 12.02.2022).
14. Тодоров И. Евроинтеграция глазами донецких экспертов // Портал не-політичних новин. URL: <http://www.ngo.donetsk.ua/articles/ievrointegraciya-ochima-doneckih-ekspertiv-ukrainivisunuli-unikalni-politichni-umovi-dlya> (дата обращения: 19.02.2022).
15. Миллер А.И. Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза // Политическая наука. 2008. № 4. С. 109–124.
16. Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь, 2005. 231 с.
17. Попов Э.А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 125–137.
18. Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! // Сетевое издание km.ru. URL: <http://www.km.ru/ukraina/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/> (дата обращения: 06.04.2024).
19. Фесенко В.В. Кризис в Украине в восприятии украинцев // Pro et Contra. 2014. Т. 18. Май – авг. С. 26–35.
20. Кремень В.Г., Табачник Д.В., Ткаченко В.М. Україна: проблеми самоорганізації. Київ, 2003. Т. 2. 463 с.
21. Аналитический отчет по результатам исследования «Региональная толерантность, ксенофобия и права человека в Украине в 2012 году» // Institute of Human rights and prevention of extremism and xenophobia. URL: <http://www.ihrpex.org/ru/docs/> (дата обращения: 22.02.2022).
22. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий / О.И. Вендина, В.А. Колосов, Ф.А. Попов, А.Б. Себенцов // Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67.

Дж. Мантеит
J. Manteith

ГРАНИЦЫ БЕЗГРАНИЧНОСТИ: К 25-ЛЕТИЮ “КАЛИФОРНИЙСКИХ ПСАЛМОВ”

Boundaries of Boundlessness: For the 25th Anniversary of "California Psalms"

Аннотация. Историческо-психологический контекст влиял на сочинение русскоязычной поэмы «Калифорнийские псалмы» в природной среде на крайнем американском западе на рубеже нового тысячелетия. Переводчик стихотворного цикла на английский рассматривает разнообразное отношение автора к явлению границ, ставших средствами для уточнения места и долга человека при смене эпох в мире и культуре. Внимание автора Татьяны Апраксиной к роли границ связано с мыслями о том, что именно в человеческом опыте и наследии заслуживает сохранения и может служить залогом для будущего, при этом обеспечивая человеку и творению необходимую долю целостной безграничности для сложной системы взаимоотношений, определяющей вселенную.

Ключевые слова: «Калифорнийские псалмы», Татьяна Апраксина, Хуниперо Серра, Робинсон Джефферс

Abstract. Historical and psychological context influenced the composition of the Russian-language poem "California Psalms" in nature at the edge of the American West at the turn of the new millennium. The translator of the poem cycle into English examines the author's varied approaches to the phenomenon of boundaries, perceived as clarifying a person's place and duty as eras change in the world and culture. Author Tatyana Apraksina's attentiveness to the role of borders is connected with thoughts about what in human experience and heritage deserves preservation and may serve as a guarantee for the future, while allowing humanity and creation the necessary share of holistic boundlessness for the complex system of interrelationships that defines the universe.

Keywords: "California Psalms", Tatyana Apraksina, Junipero Serra, Robinson Jeffers

Смена тысячелетия является границей, потенциально связанной с еще более серьезной историческо-психологической нагрузкой, чем смена века. В культурном контексте наиболее крупные смены единиц времени часто служат поводом попыток переосмысления прошлого и составления программ на будущее, включая представления о желательности разрыва с прошлыми устоями или вплетения их в ткань нового времени согласно определенным этическим настройам. Прохождение времени после наступления новой эпохи может способствовать оценке характеристики проявлений культуры, появившихся к осевому периоду. Написанный на грани нового века и тысячелетия поэтический цикл «Калифорнийские псалмы» Татьяны Апраксиной [1] соот-

ветствует закономерностям приоритетов переходного времени, излагая точку зрения, предпочитающую укрепление общечеловеческих традиций премудрости, а не непосредственное прогнозирование или проповедование материальных перестановок. Этот духовный взгляд прослеживается в том числе в обращении автора к теме границ. Для произведения существенно личное осознание значения границ в геополитике, биографии, природе, времени и этике. Во всех случаях идет работа над обозначением этих границ и над установлением мысли на уровне, способствующем обобщенному восприятию плодотворной реальности синтеза границ и безграничности. Раскрывая эту линию прочтения, автор данной статьи опирается на размышления, возникшие по ходу его многолетнего осуществления англоязычного перевода «Калифорнийских псалмов».

Определенные геополитические границы лежат в основе «Калифорнийских псалмов» как произведения, написанного в конкретном американском штате и в какой-то степени признающего частичным посвящением этому штату значимость фиксированных государством пределов. Эти границы сосредоточивают внимание автора, который на протяжении произведения во многом оставляет в стороне упоминание своей российской гражданской принадлежности. Зато сочинение номинально американской поэмы на русском языке уже является заявкой на трактовку полноправной языковой многогранности американского культурного пространства. Не приметы политической численности решают это право, а предположительная норма свободы сознания пришельца любого языкового происхождения. К тому же для культурного воображения автора наиболее актуальный слой этого пространства населяется памятью не только о коренных американских фигурах, таких, как индейцы, золотоискатели и поэт Робинсон Джефферс. Межнациональные герои тоже оказываются духовными авторитетами в этих пределах независимо от того, бывали ли они в данных краях — как в случае испанского монаха Хуниперо Серры, основателя францисканских миссий в штате в XVIII в. — или заочно созвучны с содержанием, возникающим на пути автора в Калифорнии. Примеры таких проводников — отголоски и библейских псалмопевцев, и знакового даосско-конфуцианского «великого мужа», и Вергилия-Данте, и Баха, и Бетховена, и Моцарта, и Гомера, которому посвящается отдельный псалом, как и Серре и Джефферсу. Для осмысления калифорнийского опыта автор считает уместным привлечь и мысли о собственных корнях, но исключительно касательно примет, освященных особой личной связью: «Храню невысказанное признание / далёкой северной реки гранитных вод и мраморных колонн / Большого Зала».

Признавая государственные границы, автор настаивает на приоритете в них личного культурного начала, которое определяется влияниями, достигшими уровня безграничности в своем значении для мира. В конце произведения, заявляя: «Создам Америку свою — другой не надо», автор предельно ясно утверждает, что та территориальная преданность, о которой идет речь, зависит от выбора самоопределения.

В «Калифорнийских псалмах» также отражена граница в биографии автора. Само обращение к крупной стихотворной форме знаменовало перемену для автора со сложившейся репутацией художника. Степень новой творческой причастности к американской тематике тоже образовала границу в жизни автора — необходимость считаться с откровениями, подсказанными природой фундаментального масштаба, прежде всего диким калифорнийским побережьем. Мощность столкновения с этими реалиями оказалась полной неожиданностью: «Я столько лет жила / не зная что судьба пошлёт меня предстать / перед таким бесчеловечным совершенством», «Привыкнув к строгостям / регламента работы прославленных оркестров, не брала в расчёт, / что попаду на это представленье.». Автор воспринимает задачу ответа на новые впечатления, как дело чести: «Я принимаю вызов, / поскольку отказаться от него дерзнуть — ещё страшней, / чем расписаться в собственном бессильи.» Сложность управления материалом и условиями переживается не умозрачительно, а насквозь, часто болезненно: «Когда решу, что выжила», переворачивает, делает во многом другим человеком с новым наполнением («Мой донор не уменьшился / не ослаб / от пересадки безграничности в раздвинутые перспективы / моих размеров сердца.»). На самом деле преодоление этой биографической границы, которая могла бы выглядеть разрывом, являлось естественным творческим развитием. Выбор формального жанра, позволившего сочетать привычные философские и дневниковые формы с образными зарисовками, наложился на основу тесного знакомства с классическими литературными примерами. Естественной являлась и тематическая подоплека произведения, характерная для автора, интересующегося философией музыки и музыкального исполнительства как эталона, берущего камертон у самого бытия. Прежний опыт автора в изучении «прославленных оркестров» пригодился применительно к калифорнийскому природному «бесчеловечному совершенству», свободному от условности идеального воплощения, присущей даже лучшим музыкантам. Чтобы на этом природном фоне оправдать человеческий элемент, пришлось потрудиться. Нанизывание культурных прозрений, полученных в европейском контексте XX века, на ось величественной природы стало способом очищения их смысла для но-

вого века и тысячелетия. Автором утверждаются глубинные духовные основы традиционной культуры, границы которой всегда останутся актуальными для «пересадки безграничности» в человеке.

Природа в «Калифорнийских псалмах» — среда ярко проявленных границ, которые поддерживают многозначное восприятие границ как таковых, в том числе геополитических и биографических. Самые масштабные природные границы, обозначенные в поэме, могут казаться абсолютными: между океаном и материком, небом и землей, совокупностью природы и человеком. Стихийные силы порой выглядят автономными и даже оппонентами друг друга, как и человека, но отношения прочной взаимозависимости между ними и человеческим видом очевидны. Из океана выходят туманы, увлажняющие огромные секвойи, и облака, поливающие горы и образующие реки, возвращающиеся в океан же. Деревья и горы, как земные явления, стремящиеся к небу, служат и онтологическими, и метафизическими образцами, пока человек переживает строгости словно педагогического воздействия природы. В границах дикой природы, непригодной для типового хозяйства, можно успешно устроиться, чтобы изучать и прославлять земные и небесные связи. Тесные щели каньонов дают приют «людским поселениям», а берега и леса оставляют просторы для созерцания. Даже на «треугольнике сцены» ограниченного вида с каньонского участка, где стоит избушка автора, происходит много событий, разворачивается много речей на природных языках, которые становятся тем более вынятными для человека, чем больше он им внимает. Сама природа наделена подобием мысли, чувства, осмысленной выразительности, вложенной в границы внутренней динамики, похожие на прообразы языка. Эти природные границы бывают и видимыми («как волна, на горбу возносящая письменность граней») и невидимыми, что воплощается особенно красноречиво в явлении звука: «звучанья неземного земных стихий», «лишь посредством звуков / пространство сохраняет связь, чтоб оставаться общим: / для волн и для людей.» Звуки природного и человеческого происхождения, имея единый эталон в понятии музыки, служат напоминанием об общем начале («одна рука лепила нас с тобой и этих исполинов, поющих Глорию»). Мировоззрение «Калифорнийских псалмов» раскрывает суть природы в образах инструментов и исполнителей, у которых известные границы стираются и смешиваются друг с другом в контексте общего звучания. Поэма свидетельствует о том, что когда человек следует наводкам природы, в границах обыденной жизни развивается вкус к тому, как умело природа вкладывает сообщения о безграничности в явные границы («Моя отрада — острота невыразимости простора.»),

вместе с желанием, рационально и надрационально, найти адекватный ответ на эту откровенность.

Границы времени, отмеченные в «Калифорнийских псалмах», выявляют общими для цивилизации и ее единиц меры, что связано с ощущением некоторой стесненности («я смотрю на часы...сокрушаюсь, что не все дела сделаны, а время проходит»). При этом общее время сочетается с временем космическим, природным и психологическим («в ночь равноденствия», «Весь март и весь апрель Земля и Небо страсти предавались», «На башенных часах калифорнийских лет — горячий камень августовских будней», «Пусть это будет день, пусть это будет сон...»), «Это время вечерней молитвы.»). Просьба автора о приобретении способности к восприятию, которое расценивается не жесткими логическими категориями, а «только временем и сердцем», подтверждает склонность к осознанию времени как орудия жизни. Разные меры времени свойственны мирозданию, и все эти меры самодостаточны, но и вписаны в ткань биологическо-метафизической согласованности друг с другом, при которой каждая из частей остается действенной. Прямолинейность событийного времени сочетается с циклическим временем то строго, то гибко. Бесконечно разнообразная верность бытия своей природе включает тонкое взаимодействие индивидуальных микровремени, которые осуществляют смены макровремени и макрореальности («Волна спешит по делу, / не забываясь, какие изменения она собою вызовет / в общественном устройстве, и просто принося своим приходом / иное время и возобновлённый мир.»). Сама природа, вместе с ее Дирижером, показывает, что возможен и надежен баланс строгости и свободы при переживании времени («Начальник хора / слышит их слова, их каждый знак и каждый звук, определяя / в значеньях память слов, как память вод, и позволяя / воплощаться в нужный срок, приносит каждую волной / одно замкнувшееся время.»). Музыкальность многослойной последовательности времени является высшим оправданием принадлежности миру хронотопов, в котором разворачивается «живая наглядность искусства фуги.». К концу «Калифорнийских псалмов», когда автор заявляет, «Пожалуй, время встать. / Пожалуй, / время снова обещанное исполнять», ограниченность времени уже воспринимается не нарицательно, а как благодатные ворота для фаз необходимого закономерного становления.

Все эти виды отношения к границам, выраженного в «Калифорнийских псалмах», отражают соответствующую этику. Эта этика не одобряет ни низких, плотских, массовых интересов (глушащих «призыв небесной искренности с праведным терпением / казарменной морали»), ни подавления страхом («не позволено исчезнуть / по соб-

ственному разумению из одного желания не быть помехой на пути»). Мерило для этических суждений — представления о «строгости закона, мне явленного свыше», о «справедливости Закона», который в природе «все соблюдают». Высший Закон, которому на вид больше под стать «правдивость громад» каменных скал и других массивных природных явлений, неизбежно способен смущать человека. Ориентируясь на этот Закон, известный с разными оттенками по всем классическим традициям морали и премудрости, человек номинально все еще принадлежит тому же роду «бренности тела...и ограниченности сознания», что и те, кто не внимает ни небесному порядку, ни его земным воплощениям в природе и среди людей. Этический противник «Калифорнийских псалмов» — тот, кто считает, что можно найти себе оправдание и будущее в бездумном, неограниченном удовлетворении чувств («помнит тело тоску по сну, по пренатальной идиллии незнания, / неведенья, по чувствам, воспитанным физиологией») и праздного, расчетливого любопытства («странствуя по свету...прозренья ожидая по указке»). По контрасту, герои поэмы ставят себе границы подобно монаху Серре в келье или Гомеру, для которого биологическая ограниченность слепоты компенсируется зрением воображения и свободой от обыденного уровня зрительных впечатлений («Ему проникнуть не мешает зренья в глубины, недоступные для глаз»). Среди природных матриц, в которых автор находит вершины возвышенной ограниченности — волна («Волна всегда права», «Вся ограниченность волны — конкретизация её движения, / решимость до конца пройти судьбу.»). Эта ограниченность — не холостяцкая. Этика «безразличности, беспристрастности / и отчуждения», признанная автором и в том числе проявленная волной, представляется необходимым условием для полноценного установления отношений с другими, подобно тому, как образцовые волны «друг друга не искали и не готовили себя для встречи, / но путь их сам привёл к законному союзу / их нескрываемо эгоистических натур, глухих и безучастных / к жарким спорам мира...». Такой эгоизм, отражающий «единый эгоизм гармонии» Закона мироздания, разделяемый любым субъектом бытия, является предпосылкой подлинной любви, совмещающей послушание лично заданным границам и открытость к естественным преобразованиям этих границ в ответ на соответствующие контрдействия по линейно-циклическому плану «партитуры / сезонной справедливости.». Выход из одних границ осуществляется не ради пустой новизны, а для перехода в другие. Наличие целостности при смене свидетельствует о безграничной гармонии, которая проникает, насыщает и направляет все ее составляющие. Как волны, «Перемешавшись, / возрождаются

великим целым, соединив в одно, что каждая имела, / и вечный свой транзит обогатив кредитом нового разбега», так и все, что отдается послушанию Закону. С людьми — то же самое, как это иллюстрируется монахом, удаляющимся для молитвы и **созерцания**, и так получающим необходимый противовес для жизни, в которой «всегда едва хватает суток, чтоб долг свой выполнять.» Поэт Джефферс, затворившись для творчества в каменной башне собственной постройки, подобным образом создает себе благоприятные условия для раскрытия писательского дара. Этика «Калифорнийских псалмов» приветствует лишь ту внешнюю активность, которая основана на ответственно очищенном внутреннем ядре. Ответственность такого рода дает возможность приобретения новой невинности по образу «милой игривости выдры» или «лёгкой непринуждённости / природы облаков под ветром.» Моральный кодекс этих псалмов, как и библейских, включает страх перед Богом, заставляющий лихорадочно исповедаться, как в «Ночи равенствия», и спокойное наслаждение сиюминутными радостями, тем слаще воспринятыми за счет их осознания в более развернутой шкале («Когда идём вдвоём / дорогой своенравной, петляющей в горах, и землянику рвём — / я постигаю путь сокровищ веры, как путник, / перешедший Иордан.»).

«Калифорнийские псалмы» изучают границы, не отрицая их, но свидетельствуя о том, что любые границы плавают в состоянии постоянного преобразования («Как завязь из увядшего цветка, / всё происходит друг из друга, превращено, пронизано друг другом.»). Лучше всего это видно Господу Богу и показано Его заместителями в природе («Владыка-океан не знает горизонта, / он отрицает горизонт, на небо сразу возносясь туманом, / нагромождением подвижным беспокойным своих тягучих / непрерывных дум.»). Покой поэмы возникает именно среди напряжения пересекающихся границ, которые вдруг превосходит новое понятие, манящее бескрайностью и подвергающее среду действия переосмыслению, как во время литургии или других особых торжеств и праздников. Многим известно, как в новогоднюю ночь может казаться, что на недолгий момент мир обретает новое качество единства и гармонии среди всего, что в обычное время может казаться разнородным. Потом интегральное сознание проходит очередное испытание каверзами будничной жизни. При этом мимолетное ощущение доступа к гармонии может составлять материал для дальнейшей практической ориентации на истину.

Любопытно сравнить суть «Калифорнийских псалмов», написанных в Америке в 1999, с посланиями научно-популярных книг, изданных в Америке в том же году к смене тысячелетия. Мало из того,

на что могли бы уповать авторы этих книг, сбывается с тех пор в однозначном плане. Проблемы мирового развития, сформулированные тогда, остаются неразрешенными. В «Лексусе и оливковом дереве» политический журналист Томас Фридман пропагандировал блага глобализма, перекрывающие его недостатки [2]. С тех пор уже наступившая эпоха постглобализма отражает усугубление непростых геополитических и культурных разногласий, мешающих человеку достойно варьировать между разрозненными территориями и трактовками личности и творения. В 1999 научный журналист Джеймс Глейк издал «Быстрее: Ускорение фактически всего», исследование явления темпа, характерного для современной жизни и вписанного в определенные слои научной реальности [3]. Действительно, с тех пор наиболее буквальный, общецивилизационный слой времени остается беспощадным и навязчивым. И в 1999 изобретатель и футуролог Рэй Курцвейл издал «Эпоху духовных машин», предсказывающую будущее, в котором приборы будут наделены свободной волей и духовным опытом [4]. Это направление внимания осталось модным в последующие десятилетия, пока представления о духовности как таковой у многих из человеческих обитателей Земли делались все более туманными и условными. Соответственно, этика новой эпохи по большому счету выглядит вопросом выбора из мимолетных желаний, без признания абсолюта. Инерция общей траектории мира мешает держаться на другом пути, на который намекают высшие инстинкты человека.

Не ища актуальности, «Калифорнийские псалмы» предпочитают «привычку помнить назначение маршрута». К их программности можно продолжать обращаться, как к примеру приоритета культивирования места в душе и действиях для целостности. В них слышны отголоски других способов подготовки к границам смен и вечности, упорядочивающим восприятие вещей и времен и укрепляющим проверенные веками представления о надежных основах для человека и его мира.

Литература и источники

1. *Апраксина Т.И. Калифорнийские псалмы / California Psalms // Astoria, Oregon: Radiolarian Press, 2013.*
2. **Friedman T.** The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization // New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999.
3. **Gleick J.** Faster: The Acceleration of Just About Everything // New York: Pantheon, 1999.
4. **Kurzweil R.** The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence // New York: Penguin, 1999.

К ВОПРОСУ О НАПАДЕНИИ ФИЛИППА V НА КИОС: ИСТОРИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЯ

*On the issue of Philip V's attack on Cius: history and
interpretation of the event*

Аннотация. Автор разбирает один из пассажей Полибия о действиях македонского царя в 202 г. до н.э. и считает, что правда и объективность в истории с захватом Киоса отсутствует. В интерпретации ахейского историка, а затем и римлян это событие преподносилось как аргумент в политических дебатах, настраивавший государства против Македонии.

Ключевые слова: историческая память, македонский царь, Филипп V, социальный конфликт, идеологическая война.

Abstract. The author analyzes one of Polybius' passages about the actions of the Macedonian king in 202 BC and believes that there is no truth and objectivity in the story of the capture of Cius. In the interpretation of the Achaean historian, and later of the Romans, this event was presented as an argument in a political debate that set the states against Macedonia.

Keywords: historical memory, Macedonian king, Philip V, social conflict, ideological war.

Современная ситуация в мире наглядно демонстрирует откровенное переписывание исторических фактов, но и древняя история дает примеры, продемонстрирующие, как негативное отношение древних авторов может повлиять на восприятие исторической личности последующими поколениями [1]. Рассмотрим один из таких примеров. В конце III в. до н.э. социальный вопрос в Греции принимает часто острую форму и играет значимую роль в политике соседних государств. Традиционно македонские правители опирались на аристократические круги Греции. Однако есть предположение, что предпоследний македонский царь Филипп V иногда обращался к поддержке народных масс [2, р. 164 ff.; 3, р. 190; 4, р. 363; 5, р. 53; 6, р. 149; 7, р. 142]. Например, при нападении на Киос.

К сожалению, наши источники не содержат полную информацию. Известно, что незадолго до 202 г. в Киосе некий Молпагор поднял народные массы против богатых. Полибий пишет (XV. 21. 1–2): «Среди кианов был некто Молпагор, человек, умевший красиво говорить и ловко действовать, по характеру льстивый перед народом и корыстолюбивый. Занскивая у толпы, он возбуждал ее подозрение против людей достаточных, из коих одних погубил, других вынудил покинуть

родину, имущества же их присваивал государству и раздавал народу». Далее следуют рассуждения Полибия о неразумности людей, приводящих город к гибели (XV. 21. 3-8). Но конкретных сведений автор не дает, лишь из следующего параграфа становится ясно, что македонский царь Филипп V завладел городом, оказав помощь родственнику – царю Вифинии Пруссию I (XV. 22. 1), сам же получил пленных и деньги.

Указание, что Филипп совершил «благородное и славное дело» и «навел страх на всех своих недругов» (Ibid.) не дает однозначного ответа на вопрос, какую фракцию в городе поддержал македонский царь. Признавая это, Ф. Уолбэнк все же полагает [8, р. 457], что Филипп действовал на стороне народных масс. Однако, гораздо убедительнее контраргументы Д. Мендельс [9, р. 167 ff.], считающей, что македонский царь поддержал тех, кто пострадал от режима Молпагора, то есть представителей зажиточных слоев населения.

По мнению П. Тревесы, после вмешательства Рима в греческие дела македонский царь обращается ко всем недовольным силам, намереваясь извлечь в суматохе событий собственную выгоду [10, р. 119]. Однако, едва ли это утверждение правильно. Не следует забывать позицию самого Полибия. Он не был сторонником «популярнов», поэтому даже с его точки зрения Филипп совершил «благородное дело». К числу безответственных и честолюбивых политиков, пользующихся неустойчивостью народной массы Полибий относит Клеомена, Хилона, Набиса, но Филиппа историк все-таки не ставит в один ряд с этими спартанскими лидерами.

Вероятнее всего, вмешательство царя было вызвано не столько социальным переворотом, сколько политическими причинами: македонский царь не мог отказать в помощи своему союзнику – вифинскому правителю. В ходе первой римско-македонской войны царь Прусий оказал помощь Македонии. Тогда вифинский царь напал на владения Аттала, поэтому пергамский царь был вынужден бросить союзников и вернулся в Азию (Liv. 28. 7. 10). Фактически, вывод Аттала, союзника Рима, из войны был значительной дипломатической удачей Филиппа [2, р. 95; 11, с.36], который, видимо, незадолго до этого выступил инициатором нормализации отношений между Македонией и Вифинией [12, с. 241]. Македонскому царю были необходимы союзники за пределами Балкан, царь Прусий оказался перспективной кандидатурой, поскольку между ним и правителем Пергама существовало соперничество за влияние в Малой Азии. Ход боевых действий в Азии и итоги борьбы неизвестны. Но к 205 г. между Вифинией и Пергамом был заключен мир, оба государства упомянуты

при подписании договора в Фенике [12, с. 243].

После нападения Пруссия на Пергам, Филипп также активизировал свои действия. Он захватил Троний, Титроний и Друмии, доридские крепости (Liv. 28. 7. 13). Затем выступил против Маханида, который предпочел вернуться в Спарту, узнав о намерениях царя (Liv. 28. 7. 16–17). Решающей кампанией стал поход на этолийские земли. По версии Ливия, Филипп отплыл к Эрифрам и высадился в Эвпалии (Liv. 28. 8. 8). Этолийцы бежали в леса и горы, бросив имущество и скот, который достался македонцам (Liv. 28. 8. 8–10). Полибий, однако, излагает несколько иную версию событий. По его свидетельству, македонское войско вновь напало на Ферм. На этот раз (Polyb. XI. 7. 2–3) разгром, учиненный македонцами, превзошел те разорения, которые они нанесли противнику в свое первое нападение на центр Этолийской федерации в 218 г. [13]. Весной 206 г. Этолия, разбитая и обескровленная, пошла на сепаратное соглашение с Филиппом (Liv. 29. 12. 1).

Таким образом, царь Вифинии серьезно облегчил положение Македонии, напав на пергамские территории и заставив царя Атгала покинуть Балканы. Вероятно, после войны Пруссий потребовал от Филиппа выполнения союзнических обязательств со стороны Македонии: теперь Филипп должен был помочь шурина, стремившемуся [12, с. 245 сл.] расширить свои границы в западном направлении и включить в свое царство Киос. В отношении Македонии Киос нельзя считать дружественным городом, поскольку между Киосом и Этолийским союзом (старым противником Македонии) были союзные связи [8, р. 478], а в городе находился этолийский военачальник (XV. 23. 8).

Тем не менее, вмешательство Филиппа нельзя рассматривать как самостоятельную агрессивную акцию македонского правителя. Напротив, вифино-киосский конфликт начался задолго до появления македонян в Азии. Скорее всего, именно под давлением Пруссия в городе возникли такие трудности, что произошел переворот, и к власти пришел Молпагор [12, с. 246 слл.]. Пруссий, вероятно, сам попытался воспользоваться внутренней смутой в Киосе, но не добился результата, поэтому и обратился к своему союзнику. Вполне вероятно, именно об этом говорит Полибий, отмечая, что Пруссий был очень рад осуществлению своего плана и досадовал лишь на то, что плоды победы достались не ему (XV. 23. 10).

Фактически, у македонского царя не было другого выхода в сложившейся ситуации. Союз с Прусией был необходим как противовес римско-пергамскому соглашению, поэтому Филипп не мог ответить

отказом царю Вифинии. Примечательно, что Киос вошел в состав Вифинского царства (Strabo. XII. 4, 3), но разрушение Киоса стало поводом для обвинений, в которых упражнялись и греки, и римляне (Polyb. XVIII, 3, 12; Liv. 32, 21, 22; 33, 16) в адрес не Пруссия, а Филиппа. Оправдываясь перед Фламинием, Филипп подчеркивал, что он лишь помогал союзнику (Polyb. XVIII. 4. 7), но противники не захотели прислушаться.

Напротив, Полибий использовал этот конфликт как доказательство вероломства македонского царя. Якобы македонский посол перед родосцами рассказывал о великодушии Филиппа, который пощадил город и этим оправдывался от наветов врагов. Но в этот момент пришло известие, что жители города проданы царем в рабство (Polyb. XV. 23. 2-5). Возмущение родосцев сделало их врагами Филиппа (Polyb. XV. 23.6). В этом пассаже примечателен один факт: история изложена так, чтобы показать подлость царя. Однако стоит задуматься, мог ли посол откровенно врать родосцам? Едва ли, ведь правда все равно стала бы явью. Какова же была цель его выступления? Как отмечает ахейский историк, причина в слухах, обвиняющих царя. Более того, из пассажа следует, что притан сразу озвучил и новое известие, как нельзя более кстати принесенное кем-то. Официальное лицо, даже не получив подтверждений, тут же обвиняет царя (Polyb. XV. 23.4).

Фактически, Филипп V столкнулся с идеологической войной. Его противников, видимо, не очень интересовали реальные действия царя, они с готовностью верили слухам, наветам и обвинениям. Даже Полибий, по необъяснимой причине, не раскрывает весь ход событий. Он ограничивается намеками, двусмысленными комментариями, которые не позволяют точно ответить на вопросы: осаждал ли Филипп город один или вместе с Пруссией, поддерживал ли он какую-то группировку в городе или нет, послов каких городов Филипп сначала обнадеживал, а потом заставил быть свидетелями «тягостнейшего зрелища» (видимо, разгрома города).

Вероятнее всего, македонский царь не поддерживал ни одну из политических группировок города, более того, ему не было дела до социальных проблем горожан. С одной стороны, он был верен своему союзнику Пруссии. С другой стороны, Киос был стратегическим пунктом вблизи Македонии. Важно и то, что с городом у Филиппа не было соглашений, поэтому обвинять его в вероломстве не вполне справедливо. Социальный конфликт в городе стал удобным предлогом для вмешательства. Однако в интерпретации ахейского историка, а затем и римлян история с захватом Киоса преподносилась как аргумент в политических дебатах, настраивавший против Македонии.

Литература

1. Сивкина Н.Ю. Восприятие исторической личности в цифровую эпоху // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике. Чебоксары, 2023. С. 97-99.
2. Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.
3. Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B.C. L., 1932.
4. Larsen J.A.O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968.
5. Briscoe J. Rome and the class struggle in the Greek states 200–146 B.C. // Studies in ancient society. L., 1978. P. 53–73.
6. Forrest W. G. A history of Sparta 950–192 B.C. L., 1980.
7. Fine J. The Antigonids // The Greek Political Experience; Studies in Honor of William Kelly Prentice. NY, 1969. P. 125–146.
8. Walbank F.W. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. Oxford, 1967.
9. Mendels D. Polybius, Philipp V and the Socio-economical Questions in Greece // Ancient Society. Louvain, 1977. Vol. 8. P. 154–174.
10. Treves P. Walbank's Philip V of Macedon // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 63. 1943. P. 117–120.
11. Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998.
12. Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005.
13. Сивкина Н.Ю. Разгром Ферма в 218 г. до н.э.: упадок нравов или экономический расчет // Античный мир и археология. 2010. № 4. С. 94-104.

ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО ВО ВРЕМЯ ФРОНДЫ: БУНТ АРИСТОКРАТОВ ВО ФРАНЦИИ

*The limits of what is permitted during the Fronde: the revolt of the
aristocrats in France*

Аннотация. В статье кратко рассматриваются действия аристократов-«оппозиционеров» во время Фронды во Франции (1648–1653) и реакция властей на них. Важным представляется рассмотреть, как были наказаны фрондеры и оценить причины относительно мягких мер со стороны правительства.

Ключевые слова: Франция XVII в., Фронда, королевская семья, аристократы

Abstract. The article briefly examines the actions of the “opposition” aristocrats during the Fronde in France (1648–1653) and the reaction of the authorities to them. It seems important to consider how the frontiers were punished and assess the reasons for the relatively mild measures taken by the government.

Keywords: France of the 17th century, Fronde, royal family, aristocrats

Дени Крузе в работе «Шарль де Бурбон, коннетабль Франции» приводит описание французского плаката с изображением короля и придворных, увлеченных игрой. Анализируя визуальный источник, историк пишет: «сила короля Франции в этом игривом сражении, объясняется именно тем фактом, что он осознает: его окружают люди, которые используют лишь уловки и предательства, которые действуют только для удовлетворения своих личных амбиций» [1, С. 122]. Эта цитата хорошо подходит и для характеристики Фронды (1648–1653) – гражданской войны, в которой приняли участие многие родственники короля и видные аристократы.

Середина XVII в. была бурным временем во Франции. Сначала парижский парламент и народ, затем недовольные дворяне активно сопротивлялись политике непопулярного первого министра – кардинала Джулио Мазарини (1602–1661). Они организовывали строительство баррикад в Париже, сотрудничали с иностранными войсками, воевали против королевской армии, вербовали сторонников среди мазаринистов ради личных выгод и интересов. Одним словом, их действия напоминают государственную измену, но нельзя сказать, что королевская власть жестоко покарала таких участников и участниц Фронды, как принца Конде¹, кардинала де Реца², герцога де Ларошфуко³, герцогиню де Монпансье⁴ и других – они были заключены под стражу или сосланы. Это сравнительно мягкие меры, если сравнить с казнью Франсуа де

Бутвиля-Монморанси⁵ в 1627 г. за многократное нарушение королевского эдикта о запрете дуэлей или с казнью его родственника Генриха II де Монморанси⁶ в 1632 г. за то, что он дал приют Гастону Орлеанскому⁷, взбунтовавшемуся против Ришелье. Возникает вопрос, где проходила граница «дворянской вольности»? Что было «дозволительно» для близких к юному Людовику XIV и к королевской семье людей, а что нет?

Начать анализ стоит с несерьезных «провинностей» аристократов-«оппозиционеров». К примеру, герцогиня де Монпансье стала избегать поездок с двором и негласно позволила своим людям устроить драку со слугами Мазарини, когда тот уезжал из Тюильри [2, С. 298]. Гастон Орлеанский и принц Конде, чтобы показать несогласие с действиями двора, демонстративно не наносили визитов королю и королеве около 10 дней, хотя они были в Париже. Принц не явился даже на церемонию, посвященную совершеннолетию Людовика XIV 7 сентября 1651 г. [2, С. 307, 315]. Мероприятия, связанные с придворным обществом, были важной частью жизни французских аристократов XVII в., так они должны были проявлять лояльность монархии и готовность служить ей. Никаких упоминаний наказаний аристократов за эти фронтдерские проявления я не нашла в источниках.

Далее рассмотрим более дерзкие действия участников гражданской войны. По кодексу Мишо, своду законов, принятому при Людовике XIII в 1629 г., было запрещено «вступать в какие-либо лиги или ассоциации с нашими (французскими – С.М.) подданными или с иностранцами по любой причине» [3, С. 275]. Из этого следует, что образовывать «оппозиционные» партии против первого министра, естественно, было незаконно, однако во время гражданской войны их было минимум две – партия парижского парламента (фрондеры) и принца Конде (кондеанцы). Последние активно сотрудничали с иностранцами и вели с их помощью военные действия против мазаринистов. Герцогиня де Лонгвиль⁸ заключила несколько договоров с испанцами и стала подлинным лидером коалиции, которая мобилизовалась, чтобы добиться освобождения принцев⁹ [4, С. 104]. Мадемуазель де Монпансье, верная союзница Конде, многократно упоминала в «Мемуарах» швейцарцев, которые ее любили, но без жалования воевать отказывались [2, С. 66], испанцев, многих из которых принцесса даже запомнила в лицо [2, С. 85, 167, 168] и ирландцев – «плохих солдат», которых «можно было отметить только из-за их волынок» [2, С. 78-79].

Сведения о сотрудничестве с Испанией подтверждаются «Мемуарами» еще одного кондеанца – герцога де Ларошфуко: «он (Конде) больше не колебался, начинать ли войну, я в тот же день набросал простран-

ную инструкцию на предмет заключения *договора с королем Испании* (курсив мой – С.М.), *причем учел в ней интересы как своей ближней родни*, так и главнейших своих приверженцев» [5, С. 379]. Герцог писал, что обращение к иностранцам за помощью было вынужденной мерой, так как группировка Конде была разобщена [5, С. 396]. С точки зрения автора, испанцам было выгодно продолжение гражданской войны во Франции, поэтому они соблазнили принца выгодными предложениями [5, С. 428].

Возникает вопрос, как «бунтовщики» воспринимали сотрудничество с иностранцами против официальной власти? Стоит отметить принципиальный момент: участники Фронды выступали не против монархии, а против министра, не против Людовика XIV, а против Мазарини. Девизами кондеанцев было: «Слава королю и принцам!» и «Долой Мазарини!» [2, С. 2, 359]. Мадемуазель де Монпансье приехала в семейные угодья – в Орлеан, чтобы не допустить его перехода на сторону мазаринистов. В речи, произнесенной в мэрии Орлеана, Мадемуазель де Монпансье открыто обвиняла кардинала в том, что он заботится только о своей выгоде, а не об интересах государства. [2, С. 4–5]. Герцогиня отметила, что приехала для борьбы с вредоносными замыслами Мазарини. К слову сказать, укреплять города без прямого разрешения правительства было запрещено по 176 статье кодекса Мишо [3, С. 275].

Из этого следует, что участники Фронды не воспринимали первого министра как легитимного представителя королевской власти по причине его множественных злоупотреблений, поэтому считали себя вправе с ним бороться. Ларошфуко, описывая контакты с испанцами, отметил, что многие воспринимали это как государственную измену Конде. Однако сам он не стал «ни осуждать его, ни защищать» [5, С. 391]. Судя по его воспоминаниям, он не одобрял «коллораацию» его партии с иностранными войсками, но не видел другого выхода в сложившейся ситуации. Что касается герцогини де Лонгвиль, для нее было естественно искать помощи для освобождения мужа и братьев. Аристократы отстаивали свои интересы против кардинала Мазарини, который, как видно по его фамилии, тоже не был французом.

Однако отношение участников Фронды и к самому королю не было однозначным и постоянным. На словах они не противились ему, но на деле Конде и его сторонники вели военные действия против королевской армии. Существует версия, по которой Монпансье приказала открыть огонь из пушек, зная, что Людовик XIV находился в зоне обстрела. Мемуаристка опровергает эту информацию. Она сообщает, что после получения сообщения глашатая о местоположении монарха кондеанцы «приняли меры», но мазаринисты распространили слух о том,

что «бунтовщики» стреляли в сторону юного монарха [2, С. 71].

Итак, «дозвоительным» для членов королевской семьи и аристократов во Франции середины XVII в. оказалось очень многое, но не все. Открытое сопротивление правительству привело к подавлению гражданской войны и к относительно гуманным мерам по отношению к участникам событий. Герцогиня де Монпансье, принц Конде, герцог де Ларошфуко получили приказы отправиться в ссылку в семейные владения, кардинал де Рец был арестован, но затем бежал и эмигрировал. Наказывая «бунтовщиков» ссылками и тюремным заключением, король порицал их за неблагодарность и непомерность притязаний. К примеру, в Декларации, объясняющей мотивы ареста принцев в 1650 г., от лица Людовика XIV сказано о злоупотреблении принцем Конде его славой. Приведу показательную цитату: «У нас были все основания полагать, что не существует такой жадности к обладанию (территориями и титулами – С.М.) <...>, которая не могла бы быть полностью удовлетворена огромным изливанием всевозможных благ» [6, С. 178]. Имелось в виду, что принц получил от двора многочисленные земли¹⁰ за военные подвиги, но не умерил притязаний и стал фрондировать.

Подводя итог, отмечу, что у «гуманности» наказаний за активное участие во Фронде, как я думаю, было несколько причин. Во-первых, аристократы не предали короля, они боролись с представителем власти, которого считали нелегитимным. Во-вторых, несомненно, Мазарини не был таким жестким политиком, как Ришелье, он не настаивал на казни провинившихся. В-третьих, бунт был направлен не на раздел государства и не на захват власти в стране. В-четвертых, многие участники событий были близкими родственниками короля. Например, Гастон Орлеанский, которого не казнили и за бунт при Ришелье в 1632 г., был дядей Людовика XIV, принцесса де Монпансье – его кузиной, Конде – его кузеном. Таким образом, бунт во Франции, главной идеей которого было «царь хороший, бояре плохие», был усмирен железной рукой, но без лишней жестокости. Королевская власть очертила аристократам границы дозволенного, укрепившись на «пепелище» гражданской войны и став теоретически абсолютной.

Примечания

¹ Людовик II де Бурбон-Конде, Великий Конде, глава Фронды принцев (1621–1686).

² Поль де Гонди, коадьютор парижский, кардинал де Рец (1613–1679), автор известных «Мемуаров».

³ Франсуа VI де Ларошфуко (1613–1680) – политический деятель, участник Фронды, автор «Мемуаров» и «Максим».

⁴ Анна Мария Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье (1627–

1693) – принцесса королевской крови, дочь Гастона Орлеанского, внука Генриха IV, кузина Людовика XIV. Носила титул «Старшая Мадемуазель». Активная участница Фронды принцев на стороне Конде.

⁵ Франсуа де Бутвиль-Монморанси (1600–1627) – французский аристократ, граф де Люсс, участник многочисленных дуэлей.

⁶ Генрих II де Монморанси (1595–1632) – французский аристократ, участник заговора Гастона Орлеанского против кардинала де Ришелье, последний представитель рода Монморанси из Шантийи. Вероятно, истинной причиной его казни было желание создать собственное государство у границ с Италией.

⁷ Гастон Жан Батист Французский, герцог Орлеанский и Анжуйский (1608–1660) – принц крови, младший сын Генриха IV.

⁸ Анна Женестьева де Бурбон-Конде, герцогиня де Лонгвиль (1619–1679) – активная участница Фронды принцев, сестра Конде и Конти, жена герцога де Лонгвиля, любовница герцога де Ларошфуко.

⁹ 18 января 1650 г. по приказу двора были арестованы принцы де Конде, де Конти и герцог де Лонгвиль. Фронда принцев началась при деятельном участии герцогини де Лонгвиль, которая сбежала из столицы в Руан и стала активно искать союзников в провинциях для освобождения братьев и мужа.

¹⁰ Конде получил Шантийи и Даммартен, должность Великого Магистра Франции, губернаторства трех провинций: Бургундии, Бресса и Берри, в дополнение к должности в Шампани, которая у него уже была, три крепости: замок Дижон, Сен-Жан-де-Лон и Бурж, а также Бельгард и Стенэ.

Список источников и литературы

1. Crouzet D. Charles de Bourbon connetable de France. P., 2003.
2. Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. Т. 1-2.
3. Ondonnance (Code Michaud) sur tes plaintes des états assemblés à Paris en 1614, et de l'assemblée des notabtes réunis à Rouen et à Paris, en 1617 et 1626 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 Т. 16 / édité par Jourdan, Decrusy, Isambert. P., 1821-1833.
4. Constant J.-M. C'était la Fronde. P., 2016.
5. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865.
6. Déclaration contenant les motifs de l'arrestation des princes // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 Т. 17 / édité par Jourdan, Decrusy, Isambert. P., 1821-1833.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА ЯКОВА ВИЛИМОВИЧА БРЮСА

On the question of the activities of Field Marshal Yakov Vilimovich Bruce

Аннотация. В статье кратко раскрывается деятельность Я.В.Брюса в период руководства им русской артиллерией и инженерными подразделениями. Автор обращает внимание на тот факт, что Я.В.Брюс был одним из высочайшего уровня интеллектуалов того времени, имевшим обширные познания во многих областях науки и техники, что, несомненно, положительно сказывалось на уровне развития отечественной артиллерии и инженерного дела в первой четверти XVIII столетия.

Ключевые слова: *Пётр I, Яков Вилимович Брюс, А.Д. Меншиков, первая четверть XVIII в., русская артиллерия и инженерное дело, руководство.*

Abstract. *The article briefly describes the activities of J.V. Bruce during his leadership of the Russian artillery and engineering units. The author draws attention to the fact that J.V. Bruce was one of the highest level of intellectuals of that time, who had extensive knowledge in many fields of science and technology, which undoubtedly had a positive effect on the level of development of Russian artillery and engineering in the first quarter of the XVIII century.*

Keywords: *Peter I, Yakov Vilimovich Bruce, A.D. Menshikov, the first quarter of the XVIII century, Russian artillery and engineering, management.*

Практически на протяжении всей первой четверти XVIII в. артиллерия и инженерные подразделения находились в ведении генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса, исполнявшим обязанности главного начальника русской артиллерии начиная с 1704 г. и окончательно утвержденным Петром I в этой должности 3 августа 1711 г. [1] после смерти первого генерал-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчиловича. Необходимо заметить, что как самой личности Я.В.Брюса, так и его деятельности в чине (должности) главнокомандующего русской артиллерией посвящена довольно обширная отечественная историография [2,3,4,5,6,7]. В первую очередь здесь необходимо упомянуть о наиболее крупном исследовании, посвященном личности Я.В.Брюса, ставшей уже классической работу М. Д. Хмырова «Главные начальники русской артиллерии: Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс (1704-1726)» [8].

Мы не ставим перед собой цель в данной статье вновь провести детальный анализ и разбор деяний Я.В. Брюса длительное время исполнявшим обязанности главного начальника русской артиллерии и инженерных войск. Тем не менее, для сохранения логичности из-

ложения материала и полноценного раскрытия заявленной темы исследования, считаем целесообразным упомянуть лишь о некоторых малоизвестных и малоизученных фактах его биографии и служебной деятельности. Хорошо известен тот факт, что Я.В. Брюс пользовался особенным расположением и доверием, которое оказывалось ему со стороны Петра I, который высоко ценил Я.В. Брюса как энергичного, европейски образованного и обладавшего самыми разносторонними научными знаниями. Основу многих указаний и распоряжений, отдаваемых Петром I по артиллерийскому и инженерному ведомствам, составляла точка зрения или соображения генерал-фельдцейхмейстера по тем или иным вопросам [9, с.106]. После воцарения Екатерины I, её благосклонность и расположение к Я.В. Брюсу была не меньшей чем у её покойного супруга. Тем не менее, несмотря на милости, оказанные Я.В. Брюсу императрицей, он понимал, что лишившись поддержки такого мощного и влиятельного покровителя в лице Петра Великого – его влияние и участие в управлении государственными делами неизбежно должно было ослабнуть. Тем более, что недоброжелатели Якова Вилимовича, озлобленные на него за его самостоятельность и настойчивость в период правления Петра I, стали ему, что называется, «мстить» по мелочам. Можно предположить, что одним из таких недоброжелателей был всесильный фаворит Екатерины I – А.Д. Меншиков. Они не были, что называется, «злейшими врагами». Но более тесные и уважительные отношения Я.В. Брюса с первым русским императором определялись не результатами каких-либо политических интриг, а тем багажом обширных научных и практических познаний которыми обладал Брюс и которые высоко ценил Петр I. Вот какая характеристика Я.В. Брюса приведена в рукописи финляндского шведа Ларса Юхана Эренмальма (Л.Ю. Эренмальма), служившем в Выборгском гарнизоне и в июне 1710 г., после сдачи шведами крепости, оказавшимся в русском плену [10]. «...Царь очень его любит за большое искусство, усердие и энергию в делах, неутомимость и неусыпную бдительность. Он лучший среди своих и иностранных [специалистов] в России по артиллерийской и инженерной наукам, будь то в теории или практике. Он также не упускает случая постоянным прилежным чтением и частыми опытами приобрести ещё большие познания. Это часто побуждало царя отличать его большими почестями и пожалованиями» [11, с.74-87]. Видимо опасения А.Д. Меншикова по поводу уменьшения степени влияния на императора из-за его благосклонного отношения к Брюсу и послужило поводом для возникновения какой-то напряженности в отношениях между Меншиковым и Брюсом. По всей видимости и у Я.В. Брюса накопились какие-то затаенные

обиды и огорчения, полученные им от могущественного светлейшего князя которые не позволяли Брюсу поддерживать более тесные и доверительные отношения со светлейшим князем.

История полна примеров, когда после смерти того или иного правителя государства его ближайшие приближённые и соратники, игравшие важную и значимую роль в управлении государственными и военными делами, попадали в опалу или отдвигались от государственных дел. Так произошло и с Я.В. Брюсом. Его опасения, что его попытаются постепенно отстранить от управления военными и государственными делами стали воплощаться в жизнь. Так, например, при учреждении 8 февраля 1726 г. (по старому стилю – В.Б.) Верховного тайного совета, в его состав вошли наиболее известные и заслуженные сподвижники Петра Великого – Меншиков, Апраксин, Головкин, Толстой, Голицын и Остерман [12, с.568-569]. Я.В. Брюс, как один и ближайших и преданных сподвижников Петра I в состав совета включен не был. Я.В. Брюсу также стало известно о содержании записки «О состоянии России» поданной графом П.И. Ягужинским Екатерине I [13, с.815-819] (*точная дата и время подачи этой записки неизвестно – В.Б.*). В пункте четвертом указанной записки велась речь о генерал-фельдцейхмейстере, которым на тот момент являлся Я.В. Брюс. Автор записки смело утверждает, что «Не малый апартамент в государстве артиллерия, а генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослаблен...» (*здесь и далее стиль и орфография документа сохранены – В.Б.*). Заметим, что на момент описываемых событий Якову Вилимовичу было всего 56 лет.

Таким образом, интриги А. Д. Меншикова и П.И. Ягужинского против достаточно самолюбивого Якова Вилимовича вызвали у него желание подать в отставку и отойти от государственных и военных дел [7, с.35]. 4 июня 1726 г. последовал указ императрицы об увольнении генерал-фельдцейхмейстера Я.В.Брюса «...от службы и от всех дел» и за многолетнюю и добросовестную службу отечеству пожаловании ему звания генерал-фельдмаршала [14]. После своей отставки Я.В.Брюс поселился в усадьбе расположенной в деревне Глинки (*ныне усадьба Я.В. Брюса расположена недалеко от города Лосино-Петровский Московской обл. – В.Б.*), которую он купил в апреле 1727 г. у князя Долгуροкова. Здесь же Яков Вилимович Брюс скончался 19 апреля 1735 г. и там же был похоронен. К сожалению, до наших дней могила Я.В.Брюса не сохранилась.

Подводя итог деятельности Я.В.Брюса в должности генерал-фельдцейхмейстера, осмелюсь оценить значение и роль этой деятельности в истории развития и совершенствования артиллерийского и инженер-

ного дела в первой четверти XVIII столетия. То, что среди сподвижников Петра Великого – Яков Вилимович был одним из высочайшего уровня интеллектуалов того времени, имевшим обширные познания во многих областях науки и техники, факт бесспорный и не подлежит сомнению. Огромная заслуга генерал-фельдцейхмейстера Я.В.Брюса и в области преобразований русской артиллерии и инженерного дела. На наш взгляд, результаты реформ и изменений, проведённых Я.В. Брюсом как под руководством Петра I, так и самостоятельно в сфере развития и укрепления боеспособности и боеготовности отечественной артиллерии и совершенствования её организационно-штатной структуры, в модернизации и разработке новых образцов артиллерийского вооружения и боеприпасов, в формировании системы подготовки артиллерийских и инженерных кадров – заслуживают самой высокой оценки. Немаловажным итогом преобразований в области артиллерийского и инженерного дела явилось то, что под руководством Я.В. Брюса была упорядочена деятельность главного органа артиллерийского и инженерного управления, сосредоточившего в своих руках управление всеми отраслями артиллерийского и инженерного дела. Результаты упорядочения структуры и организации деятельности главного органа управления артиллерийскими и инженерными делами в первой четверти XVIII в. оказалось настолько полезными и рациональными, что их основы оставались неизменными почти на всём на протяжении XVIII столетия.

В заключение отметим, что после увольнения генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса в отставку обязанности главного начальника артиллерийского инженерного корпусов формально стал исполнять генерал-лейтенант Иван Яковлевич Гинтер (*Johan Gunter, родился в 1670 г. в Данциге – В.Б.*) являвшийся на тот момент старшим по воинскому чину (званию) в артиллерийском ведомстве. Никаких распоряжений со стороны верховной власти об утверждении И.Я.Гинтера в должности генерал-фельдцейхмейстера не последовало. Такая неопределённость в должностном положении И.Я.Гинтера сохранялась вплоть до сентября 1728 г. когда Пётр II утвердил Гинтера в должности генерал-фельдцейхмейстера с жалованием по 3600 р. в год [15].

Литература и источники

1. Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф.2 Оп.1 (Приказ артиллерии) Д.230. Л.4.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. 8-й генерал-фельдмаршал граф Яков Вилимович Брюс // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I. М., 1840. С. 147-154.

3. Забелин И.Е. Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Т. I. Смесь и библиография. С. 28-62.
4. Хлебников Л. М. «Русский Фауст» // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 195-200.
5. Синдеев В. В., Ерофеева А.Ф. Усадьба Глинки и ее владелец // Памятники Отечества. 1989. № 2. С. 68-75.
6. Ефимов С.В., Маковская Л.К. Яков Брюс в начале Северной войны (По материалам Походной канцелярии 1704-1705 гг.) // Материалы Всероссийской научной конференции. Ч.I. СПб., 2004. С.16-31.
7. Чернухин В.А., Юркевич Е.И., Вапилин Е.Г. и др. История отечественной артиллерии в лицах: военачальники, возглавлявшие артиллерию (ракетные войска и артиллерию) в 1700-2019 гг. М.: Издательство «Горизонт», 2019. 455 с. С.22-35.
8. Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии: Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс (1704-1726) // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 81-136; № 3. С.153-194; № 4. С. 249-291.
9. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. СПб.: Тип. М.О.Вольф, 1902. 574 с.
10. Беспятовых Ю. Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмалъм) / Ю. Н. Беспятовых; РАН. Ин-т рос. истории. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998. 479 с.
11. Савельева Е.А. К вопросу о взаимоотношениях петровских военачальников А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса // Меншиковские чтения. 2008: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. Вып. 6. 128 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г. (ПСЗ. Собр.1-е.). Т.7 (1723-1727). СПб.: в типографии II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 922 с.
13. Записка П.И. Ягужинского «О состоянии России» // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание. 1860. Кн.4. (октябрь-декабрь). М.: в университетской типографии, 1860. 885 с. (в оглавлении указаны страницы 269-273 – В.Б.).
14. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.2 Оп. Арсенальная Д.261. Л.2.
15. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д.3392. Л.2.

ОБРАЗОВАНИЕ ПИТОМЦЕВ СТОЛИЧНЫХ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII - НАЧАЛО XX В.)

Education of pupils of the capital's Foundling Houses: opportunities and boundaries (the second half of the XVIII - early XX century)

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о том, как на протяжении полутора веков изменялись возможности получения образования питомцами воспитательных домов и те границы, в рамках которых, получая образование, безродные сироты могли повысить свой социальный статус. Автор показывает, что эти границы резко сузились в результате жесткой сословной политики Николая I, который по сути запретил детям неизвестного происхождения получать образование, от чего воспитательные дома не смогли оправиться до 1917 г.

Ключевые слова: *воспитательные дома, питомцы, возможности получения образования, ограничения возможностей получения образования*

Annotation. The article is devoted to the study of how, over the course of a century and a half, the educational opportunities of Foundling Houses and the boundaries within which, while receiving education, rootless orphans could improve their social status changed. The author shows that these boundaries were sharply narrowed as a result of the harsh class policy of Nicholas I, who in fact forbade children of unknown origin to receive education, from which Foundling Houses could not recover until 1917.

Keywords: Foundling Houses, pupils, educational opportunities, limitations of educational opportunities

Генеральный план Московского воспитательного дома, подготовленный И.И. Бецким в сотрудничестве с Екатериной II в 1763 г., предполагал свободный и анонимный прием новорожденных детей, как это было в европейских заведениях, и как требовал в свое время Петр I. С 7 лет детей собирались учить закону Божьему, чтению, письму и арифметике, домоводству и ремеслам. Воспитанников хороших способностей планировалось «отсылать для наук» в Московский университет или в Академию художеств, а в доме обучать по расширенной программе [1, т. 16, № 11908].

В третьей части Генерального плана, утвержденной в 1767 г., положения об образовании питомцев были уточнены. Их полагалось учить «познанию веры», рисованию, чтению, письму, арифметике, географии, «искусству вести счетные книги». Кроме того, они должны были получать профессиональные навыки: учиться работе на мануфактурах

и фабриках, овладевать коммерцией и правилами садоводства. Девушкам следовало освоить женские рукоделия, а способным воспитанникам – «изящные художества». Законодатель отстаивал необходимость учить девочек – будущих матерей – тому же, что и мальчиков [1, т. 18, № 12957].

Прием питомцев начался 21 апреля 1764 г., а их обучение – уже на следующий год. Среди малышей явно были те, кто поступил в дом в возрасте 3 – 5 лет. К этому времени сложилось правило, согласно которому можно было принимать в дом таких детей, которые не могли рассказать о сословии, к которому принадлежат их родители. Только при этих условиях могло существовать бессловное воспитательное заведение. 30 июля 1765 г. учитель Ф. Соколов доложил главному надзирателю дома Г.-Ф. Миллеру, что 38 детей (21 мальчик и 17 девочек) состоят «при словесном учении», а по «младости лет ныне более от них требовать учения нельзя» [2, л. 267].

В конце 1760-х – начале 1770-х гг. опекуны озаботились приобретением учебной литературы и наймом учителей [3, л. 8 – 8 об.; 4, л. 4, 36; 5, л. 125; 6, л. 10 об. – 11]. Сведения о первых успехах воспитанников «в рукоделиях и науках» сообщались И.И. Бецкому после празднования очередной годовщины дома 22 апреля 1769 г. Главному попечителю послали «реестр детям,.. которые в чем упражняются и кому из них даны призы». В список включили имена 39 мальчиков, из них двух призов удостоились два человека, а по одному получили 15. Список сообщал: все 39 мальчишек «рисуют», а также «чулки, колпаки и душегреи вяжут», 35 – «пишут и читают по-русски», столько же овладевают «цифирью», 27 – «читают по-немецки», 20 – пишут по-немецки, 7 – «ленты и тесьму ткут». «Рукоделиями и науками» занимались также 63 «девицы». 5 из них удостоили двух призов, 20 получили по одному призу, в том числе, немая воспитанница Анна Иванова, которая научилась рисовать, писать, вязать и прясть. Список утверждал, что 62 девочки (все, кроме немой), «читают по-русски», 39 – «пишут по-русски», 38 – «рисуют», 24 – преуспевают в освоении «цифири», 40 человек «чулки и тесемки вяжут», еще 22 «шурки плетут», 37 – «спрядут», 14 – «ленты и тесемки ткут». После экзамена 1770 г. главному попечителю отправили «от трудов питомцев наших рисунки и фор-шрифты российские и немецкие» [7, л. 15 об. – 18; 4, л. 19 об.].

В РГИА сохранилось расписание занятий питомцев Московского воспитательного дома (апрель 1778 г.) Оно свидетельствует об относительно высоком уровне образования детей и довольно широком круге изучаемых предметов. Воспитанники были разделены на 7 классов.

Их учили 50 учителей, часть из них служила также надзирателями. Всех детей 2 и 3 классов обучали читать и писать по-русски; мальчики возвращались к предмету в 7 классе. Арифметикой занимались девочки первых трех классов; мальчики – с 1-го по 4-ый класс, а также в 7-м классе. Российскую грамоту (грамматику) изучали четвероклассники, пятиклассницы и некоторые семиклассницы. Познание веры осваивали ученики всех классов. Важное место в обучении занимали иностранные языки – немецкий (165 мальчиков и 145 девочек), французский (79 и 61), итальянский (25 и еще неназванное число мальчиков и еще 10 девочек) и латынь (98 мальчиков). В воспитательном доме энергично взялись за формирование людей «третьего чина или сословия». Все девочки-первоклассницы осваивали рисование и писали акварельными красками, азам рисования учили и всех мальчиков, 48 из них продолжили совершенствовать свои навыки, а еще 10 человек обучались живописи. Итальянский специалист обучал способных детей – 26 девочек и 28 мальчиков из разных классов – балетным танцам, 4 мальчика и 5 девочек профессионально учились пению. Игру на духовых и струнных музыкальных инструментах осваивали 113 человек, из которых стоит выделить 59 скрипачей и 6 человек игравших на клавинодах, в том числе, 2 девочек. Всех младших воспитанниц обучали рукоделию, а кружевница прививала им навыки своего мастерства. Еще 18 малышей (1 класс) учились «золотом шитье», а немногие воспитанники портняжную работу (11 человек), перчаточное мастерство (6), учились ткать (8), плести сети и чистить пеньку (5) [8, л. 1].

Внимательно относились к образованию питомцев и во второй ветви воспитательного заведения – Петербургском воспитательном доме. В 1785 г. там было 260 питомцев, 108 из них достигли возраста 6 лет или были старше, и все эти дети уже учились. Для них в дом приняли не менее 17 учителей. Кроме предметов начального цикла, ребятам преподавали русскую грамматику, немецкий и французский языки, историю (в том числе, русскую) и географию, рисование, «для стройности тела» обучали танцам (рисование преподавал выпускник Академии художеств московский воспитанник П. Преснов, а танцевать также учили питомцы-москвичи: два танцовщика под аккомпанемент двух музыкантов). Кроме того, детям начали прививать навыки домоводства или будущей профессии. Они познавали рукоделие, вышивку, парикмахерское искусство, прядение, «чулков», механику, токарное дело. 8 способных ребят осваивали балет под руководством танцовщицы Сабioni, 12 детей занимались музыкой. Обучение актерскому мастерству И.И. Бецкой не считал обязательным, но некоторые из его танцовщиков стали известными актерами. 12 мальчиков учили латынь

для подготовки к медицинскому образованию [9, с. 378 – 381].

Планы И.И. Бецкого «отсылать для наук» самых способных воспитанников в университет в XVIII в. не были реализованы. Очевидно, проще было пристроить молодых людей в то заведение, которое курировал сам главный попечитель – в Академию художеств. В документах РГИА удалось обнаружить имена 75 отправленных туда мальчиков. Далеко не все из них задержались в специальном учебном заведении надолго и тем более завершили образование. Подростки обучались как живописи, скульптуре и графике, так и художественным ремеслам, несколько воспитанников стали хорошими художниками, работали в самой Академии, один - П. Семенов (Шумин) был произведен в академики [10, л. 23 – 26; 11, л. 1 – 1 об.; 12, л. 5 - 11]. Несколько их скромных, но симпатичных полотен можно было видеть на замечательной выставке «Покой и радость» в Манеже (2021 – 2022 гг.).

Питомцы воспитательного дома, освоившие латинский язык, готовились к получению медицинского образования. Врачевание еще отчасти продолжало считаться особым видом ремесла. Высшее медицинское образование находилось в стадии становления. Центром подготовки медиков считался Сухопутный военный госпиталь в Петербурге, в нем служители-ученики слушали лекции и имели постоянную медицинскую практику. При госпитале и стали медиками несколько воспитанников в 80 – 90-е гг. XVIII в. Девушки, в отличие от юношей, тогда могли получить специальное медицинское образование при доме. Согласно архивным документам, обучение повивальному искусству в Петербургском воспитательном доме началось не позднее 1781. В 1784 г. по инициативе и на деньги И.И. Бецкого в Петербурге официально открылось повивальное училище. До 1785 г. из Москвы в училище отправились более 40 девушек, ставших акушерками [13, л. 18; 14, л. 339; 10, л. 30 об., 32 об., 34 об.; 83, 86., 105–105 об.: 183 об.–184 об.; 15, л. 9 – 9 об.; 16, л. 8 – 8 об.; 17, л. 2–44; 18, л. 2, 29 об.–30; 19, паг. 1, с. 5].

В целом, возможности образования всех питомцев воспитательного дома ограничивались только индивидуальными способностями и особенностями своего времени. Взрослых воспитанников свободно принимали на государственную службу, и они могли сделать карьеру чиновника.

Ситуация изменилась, когда после смерти И.И. Бецкого и Екатерины «главноначальствующей над воспитательными домами в обеих столицах» стала императрица Мария Федоровна. 23 декабря 1797 г. Павел I утвердил «Установления по воспитательным домам». Они значительно изменяли «Генеральный план» И.И.Бецкого и рационально

потребовали «в каждой столице иметь не более 500» штатных питомцев, а остальных отправлять в деревни и приучать к «сельскому домоводству» [20, гл. 4, прил. 23, с. 71].

В 17 лет молодых людей полагалось обеспечить домом, землей и записать в «казенные поселения». Мария Федоровна необходимость новых правил, бросив камень в огород предшественников: «Неизвестность питомцев служит дому поводом быть в неограниченности своих издержек, развлеченность же множеством наук или невнимательный за всем тем призор были поводом, что доньше... не замечено, чтоб который-нибудь из них по наукам, художествам и ремеслам сделался известным» [21, л. 3]. Последнее было не вполне справедливо. Она не могла не знать о питомцах-актерах, выпускниках Академии художеств, учителях и чиновниках самих домов.

При этом Мария Федоровна сохранила анонимный прием детей и потому имела возможность внедрить широкую образовательную программу, но только для тысячи штатных питомцев. Остальные дети остались за бортом созданной ею системы. Императрица использовала свое высокое положение в государстве. Ее повеления выполняли все учебные заведения, и опекунские советы смогли направлять юношей в академии и университеты.

В 1805 г. Мария Федоровна повелела Петербургскому совету отобрать 20 мальчиков, которых дополнительно предполагалось обучать латыни, чтобы из них «можно было выбрать для отсылки в Московский университет или в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию таких, которые, будучи уже достаточно снабжены сими первоначальными познаниями, тем скорее и лучше успевают во врачебной науке» [21, л. 1 – 1 об.]. В 1807 – 1811 гг. латинские классы появились в Московском доме и в Гатчинском доме, подразделении Петербургского [21, л. 2 – 9; 22, л. 1 – 53; 23, С. 3].

Первый выпуск из латинских классов состоялся в 1811 г. В медицинских вузах появились питомцы воспитательных домов. Списки воспитанников, поступивших в Медико-хирургическую академию в 1811 – 1831 гг., называют 131 имя. С учетом студентов медицинского института Московского университета и Московского филиала МХА (в филиале, к примеру, в 1819 г. обучались 20, а в 1823 г. – 18 питомцев [24, л. 9; 25, л. 33]) можно говорить, вероятно, о 200 – 250 студентах-медиках из воспитанников. Многие из них впоследствии стали известными врачами.

В Петербургском, Московском и Дерптском университетах прошли обучение несколько десятков питомцев воспитательных домов. Самым известным универсантом стал выпускник Дерптского университе-

та ученик В.Я.Струве астроном В.Ф.Федоров, участник двух крупных научных экспедиций (на Арарат в 1829 г. и по Сибири в 1832 – 1837 гг.), профессор и ректор (1843 – 1846 гг.) Киевского университета [26, с. 129 - 142].

В 1809 г. для лучшего устройства будущей судьбы воспитанниц» императрица организовала в обоих домах так называемые французские классы. Девочкам преподавали школьные дисциплины, педагогику, музыку, танцы и женские рукоделия. Воспитанницы проходили педагогическую практику в младших классах дома и в женских институтах. Выпускницы получали аттестат со званием кандидаток и по договору с опекунским советом воспитательного дома отправлялись на службу в помещичьи семьи в качестве домашних учительниц. Собранные сведения примерно о 200 кандидатках Петербургского дома, выпускницах 1819 - 1842 гг. Почти все они работали «с особенным усердием и к совершенному удовольствию» нанимателей» и участвовали в формировании дворянской культуры первой половины XIX в. [27, с. 62 - 66].

Мария Федоровна возобновила работу Петербургского повивального училища. С 1811 по 1835 г. училище распределило по губерниям 104 повивальные бабки из воспитанниц. Еще раньше, в 1801 г., по инициативе императрицы был открыт повивальный институт Московского дома. С 1803 по 1835 г. из института было выпущено 187 повивальных бабок. Императрица контролировала их распределение. По ее требованию министр внутренних дел извещал губернаторов о направлении к ним юной «бабушки». В пути ее сопровождал «надежный зрелых лет чиновник». Воспитанниц отправляли во многие губернские и уездные города Европейской России [23, с. 235 - 237].

В 1827 г. императрица утвердила проект учреждения писарских классов для учеников латинских классов, признанных «неспособными продолжать науки». Их выпускники служили в опекунских советах и других учреждениях. Многие из них со временем получили классные чины [28, л. 3 – 3 об.].

В том же году Мария Федоровна предложила обучать некоторых воспитанников «инструментальной музыке». Вскоре в обоих в домах появились музыкальные классы «для приготовления хороших учителей... музыки». В Москву императрица лично пригласила «отличного искусством» учителя. Ее планы были реализованы: в 1833 г. из 11 петербургских выпускниц музыкального класса двое работали в частных домах, 9 служили в воспитательном доме [29, л. 3 – 5 об.; 30, л. 3; 31, л. 2 – 26 об.].

В 1816 г. императрица решила открыть в Павловске, в своей люби-

мой загородной резиденции, училище с целью «отвратить недостаток в ученых садовниках». В 1819 г. его перевели в Гатчину. Было подготовлено несколько десятков квалифицированных садовников [32, л. 1 – 1 об.; 33, л. 2, 5, 13 – 17, 58 – 59 об.; 34, л. 3 – 173; 23, с. 216 – 217].

Таким образом в воспитательных домах, которыми руководила Мария Федоровна, питомцы имели широкие возможности для получения образования. Они жестко ограничивались рамками штата – по 500 воспитанников в каждом доме. Деревенские питомцы образования не получали вовсе и в подавляющем большинстве оставались неграмотными. Начальные познания могли приобрести лишь деревенские воспитанники, ставшие работниками Александровской мануфактуры, текстильного предприятия, которое императрица открыла в 1799 г. на окраине Петербурга.

Правовой статус многих питомцев воспитательных домов, получивших образование, ограничила сословная политика Николая I. 14 октября 1827 г. император подписал указ, утвердивший Положение о канцелярских служителях гражданского ведомства. Первая статья Положения воспрещала принимать на государственную службу мещан и представителей других податных сословий [35, т. 2, № 1469], а молодых людей, вышедших из воспитательных домов полагалось записывать в податные сословия. Впрочем, выпускники вузов получали классный чин по Табели о рангах, так что под действие этого закона не попадали. Зато на службу теперь не могли попасть юные писари из питомцев. Руководителям домов удалось добиться разрешения поступать на службу при опекунских советах тем, кто уже готовился в писари.

Мария Федоровна скончалась в 1828 г., после чего Николай I создал IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (ведомство учреждений императрицы Марии) и соответственно сам стал высочайшим попечителем воспитательных домов. Восемь с лишним лет организация воспитательных домов не менялась. Наконец, 25 июня 1837 г. император подписал указ «О мерах к уменьшению приноса в воспитательные дома детей». Согласно указу, всех приносимых в дом «незаконнорожденных детей и круглых сирот» отсылать в деревни на воспитание на иждивении опекунского совета и «никогда уже и ни под каким видом обратно в воспитательный дом не брать». Деревенских питомцев разрешалось переводить только на Александровскую мануфактуру, в созданное в Москве Ремесленное учебное заведение. Вакансии воспитанников в учебных классах следовало заполнять обер-офицерскими сиротами [35, т. 12, № 1390]. Возможности получить образование для питомцев на четверть века, по сути,

ограничились Ремесленным заведением в Москве. Оно было открыто по инициативе Марии Федоровны уже после ее смерти в 1830 г. По уставу 1844 г. число учащихся из питомцев воспитательного дома, по словам историков МВТУ им. Н.Э. Баумана, преемника Ремесленного заведения, «10 – 12-летних неграмотных мальчиков, которые не обладали способностями, а часто и не испытывали особого желания обучаться техническим специальностям», было сокращено с 300 до 250, а в 1856 г. – до 150 человек. С 1849 г. выпускникам института стали присваиваться звания инженера-технолога или практиканта-технолога [36, с. 3 - 5]. Возможно, обучение питомцев воспитательного дома сдерживало развитие технического образования, но для самих ребят это была единственная возможность изменить социальный статус.

Лишь в пореформенную эпоху в деревенских округах воспитательных домов стали создаваться сельские школы для питомцев (1864 г.). В том же 1864 г. начала работу и учительская семинария (позднее – Мариинская учительская семинария принца Петра Ольденбургского, в которой из питомцев готовили учителей для этих школ, а в Петербургском доме – в 1868 г. – женское училище, (в 1891 г. оно было преобразовано в училище нянь) для девочек-воспитанниц [37, с. 63 - 67]. Однако выпускники мариинских школ не могли продолжить образование в других учебных заведениях.

К широким, почти безграничным образовательным возможностям, которые питомцы имели в период деятельности Екатерины и И.И. Бецкого, и к тем вариантам получения высшего и среднего специального образования, которые были у штатных воспитанников при Марии Федоровне, воспитательные дома не подошли и близко вплоть до 1917 г.

Литература и источники

1. ПСЗ РИ. Собр. 1.
2. РГИА. Ф. 758. Оп. 32. Д. 2 а.
3. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 360.
4. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 362.
5. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 338.
6. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 363.
7. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 361.
8. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 325.
9. Фруменкова Т.Г. Обер-директор Петербургского воспитательного дома Ф.П. Фрезе (1782 – 1785 гг.) // Двадцать пятые Петровские чтения: Материалы всероссийской научной конференции 15 – 16 ноября 2023 г. СПб., 2024.
10. РГИА. Ф. 758, Оп. 26. Д. 477.
11. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 761.
12. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1650.

13. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 107.
14. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 184.
15. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 350.
16. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 374.
17. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 729.
18. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 1048.
19. Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. Вып. 1. М., 1864. Пагинация 1. С. 5.
20. Майков П.М. И.И.Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. Гл. 4. Прил. 23. С. 71.
21. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 154.
22. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 249.
23. Монографии учреждений ведомства императрицы Марии. СПб., 1880.
24. ЦИАМ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 531.
25. ЦИАМ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 537.
26. Фруменкова Т.Г. Питомец Петербургского воспитательного дома ректор Киевского университета профессор В.Ф.Федоров (1802 – 1855) // *Universonum: Вестник Герценовского университета*. 2013. № 1.
27. Фруменкова Т.Г. Императрица Мария Федоровна и французский класс Петербургского воспитательного дома (первая половина XIX в.) // *Вестник Герценовского университета*. 2009. № 10 (72).
28. РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 927.
29. РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 929.
30. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 539.
31. РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Кн. 10.
32. РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 223.
33. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 54.
34. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 59.
35. ПСЗ РИ. Собр. 2.
36. Суздалева Т.Р., Федоров К.В. Из истории инженерного образования в России // *Гуманитарный вестник МВТУ им. Н.Э. Баумана*. 2023. № 3.
37. Педагогический университет им. А.И. Герцена. От Императорского воспитательного дома до Российского государственного педагогического университета. 2- изд. СПб., 2007.

**«У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЁНЫЙ»: ИСТОРИКО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАНИЦ
ЛУКОМОРЬЯ**

“There is a green oak at Lukomorje”: a historical and psychological study of the borders of Lukomorje

Аннотация. В статье проводится исследование исторических границ сказочного Лукоморья. На основе исторических и художественных произведений, былин, сказаний и иных фольклорных произведений осуществляется психологический анализ границ мифической территории. Автор приходит к выводу о том, что Лукоморье – не мифический регион, а территория Архангельской области.

Ключевые слова: *Русский Север, Лукоморье, Поморье, Архангельская область*

Abstract. The article explores the historical borders of the fabulous Lukomorje. On the basis of historical and artistic works, epics, legends and other folklore works, a psychological analysis of the boundaries of the mythical territory is carried out. The author comes to the conclusion that Lukomorje is not a mythical region, but the territory of the Arkhangelsk region.

Keywords: *Russian North, Lukomorje, Pomorie, Arkhangelsk region*

Название «Лукоморье» встречается в различных исторических и литературных источниках. Один из первых – «Повесть временных лет» – определяла данную местность на Севере в районе Карского моря, и на карте Российской империи конца 1720 г. Именно в этом месте Лукоморье нанесено как географический объект. Впрочем, на старых картах были и другие его локализации.

По сведениям древних писателей, когда-то на территории Русско-го Севера располагалась таинственная и загадочная страна, где языческие храмы сверкают золотом и алмазами, девушки пленяют красотой, а правители одаривают гостей невиданными сокровищами и ценными мехами.

Биармия — Veornas, так она называлась у англосаксонских писателей и Vjarmaland — в скандинавских сагах, занимавшая огромную территорию и обладавшая богатейшими запасами речной и морской рыбы, зверья, пушнины, моржовой кости, соли, серебра и жемчуга. Биармия простиралась почти на всем пространстве нынешних северных русских губерний: Архангельской, Карельской, Вологодской, Вятской и Пермской.

В настоящее время долина реки Северная Двина, где в древности жила языческая чужь заволочская, заселена лингвистическими русскими и образует раздел между западными и восточными финскими народами Северной Европы (пермские языки, прибалтийско-финские языки, вепсы).

Михайло Ломоносов был одним из зачинателей спора в XVIII в., сообщив в своих исторических трудах, что Биармия, или Бьярмия, или Бьярмаланд — это известная по сагам историческая область на севере Восточной Европы, предположительно располагавшаяся на территории современной Архангельской области, в бассейне Северной Двины.

В Скандинавских сагах и других источниках Биармию населяют сказочные существа и чудовища, например, люди с песьими головами. Главный храм Биармии, украшенный золотом и алмазами, в честь небесного божества Юмалы (Йомалы) привлекал своими несметными богатствами скандинавов, которые не раз пытались ограбить его.

Н.М. Карамзин писал в «Истории государства российского»: «... Биармию называли Скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства».

Биармия и Лукоморье, по-видимому, одно и то же, но, если одна — реально существующая древняя страна, другая более мифологизированная — вымышленная. Сам термин «Лукоморье» у северных народов, включая поморов, обозначал морскую излучину, бухту, залив. Собственно, исходя из этого значения, Белое и Карское моря можно назвать Лукоморьем.

Согласно мифологическим представлениям — это волшебная страна, находящаяся на краю земли, где шесть месяцев длится ночь, и шесть месяцев — день. Фактически, это описание полярного дня и ночи. Страна, где люди на шесть месяцев впадают в спячку, пограничье между мирами людей и богов.

Здесь следует заметить, что долгое время единственным регионом Российской империи, и в последующем — России, который простирался от Кольского полуострова до Уральских гор, и притом носил религиозное название, была Архангельская губерния. Российский историк XVIII в. В. Н. Татищев, употребив в своей «Истории Российской», написанной в 1739–1750 гг., термин «Поморье», даёт такое определение: «Общее имя Поморие, а по уездам: Архангельской, Колмоград, Вага, Тотьма, Вологда, Каргополь, Чаронда и Олонец»... «Есть северная часть России, в которой все по берегу Белого моря и Северного моря от границы Карелии с финнами на восток до гор Великого пояса или Урала заключается. К югу же издревле русские поначалу часть по

части овладевали и к Руси приобчали. Ныне же все оно и есче с немалою прибавкой под властью Поморской губернии состоит». Свое название регион получил от столицы – города Архангельска, названного так в честь основанного на берегах Северной Двины Михаило-Архангельского монастыря. Герб города и губернии многие века украшает изображение архангела Михаила, поражающего сатану.

Мифологический образ Лукоморья, как земли, пограничной между миром людей и богов, дополняется образом мирового древа, легенды о котором встречаются у большинства народов Севера. *В данной статье хотелось бы остановиться на, пожалуй, самом известном образе Лукоморья – пушкинском.* Речь идёт о предисловии к поэме «Руслан и Людмила», написанной Пушкиным во время его проживания в петербургском районе Коломна. Впоследствии в одном из своих произведений поэт писал, что любил посещать местный Покровский храм и слушать там русские песнопения. В Коломне действительно проживало много выходцев из северных областей, в среде которых поэт мог почерпнуть ряд образов для своего произведения.

Сюжет «Руслана и Людмилы» состоит в описании путешествия героя на Север в земли доброго волшебника финна: «...свой путь на север продолжал...» Север также упомянут в воспоминаниях волшебника о своей родине.

Старуха-колдунья указывает Рогдаю, где искать похитителя Людмилы:

«Она дорожною клюкой
Ему на север указала.
«Ты там найдешь его», – сказала»

Или:

«Зима приблизилась – Руслан
Свой путь отважно продолжает,
На дальний север; с каждым днем
Преграды новые встречает».

Таким образом, Руслан двигается на север в некую сказочную землю, где живут добрые и злые колдуны. Исповедь волшебника Финна, по мнению ряда исследователей, чудесным образом перекликается с сюжетом «Песни Гаральда Храброго» — средневековой исландской скальдической поэмы, помещенной во французском переводе в книге Поля Анри Малле «Памятники поэзии и мифологии кельтов, в частности древних скандинавов».

На мой взгляд, это прямым образом соотносится с тем, что в своем произведении поэт имел в виду именно европейский север России.

Это обусловлено сильным влиянием северных регионов на Петер-

бург и Псковщину, где поэт находился в ссылке, а также увлечением поэта вопросами, связанными с изучением освоения Северного морского пути, включая экспедиции Семёна Дежнёва и Федота Алексеева, и своей влюбленностью в Север. В одном из стихотворений поэт прямо говорит, что, устав от людей, и в желании уединиться, направляет свой разум на север, где одинокий рыболов раскидывает свой невод на пустынных берегах северного моря:

Стремлюсь привычно мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусничкой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок.

Но вернёмся к образам, используемым Пушкиным для описания Лукоморья. Главное – понимать, что они были взяты Пушкиным из разных источников, какие то более глубинные смыслы он мог и сам не знать, народные образы передавались из уст в уста, ряд этих образов был позже изучен и выявлена их взаимосвязь. Главным посылом данного исследования является то, что все образы, которые приводит нам поэт, объединяются воедино только на русском Севере, как с научно-исторической (летописи, карты и т.п.), так и с фольклорной (былины, сказания, персонажи, народные промыслы). Все пушкинские образы встречаются в северном фольклоре, а многие из него и вышли, и тем или иным образом просто обязаны соотноситься с поэмой, которой предшествует стихотворение в качестве пролога.

Зелёный дуб, древо жизни, встречающееся в мифологии финских народов, расположенное на краю земли, и особо почитаемое ими. С древом жизни связано большое количество легенд и преданий. Немудрено, что новгородцы, поселившиеся по соседству с чудскими племенами, да и во многом сама чужь, будучи обращенной в православие и утратив свой язык, частично сохранила легенды своих предков.

Ходящий по цепи кот широко распространен в народном фольклоре, прежде всего, как кот Баюн. Он часто изображался на северных лу-

бочных картинках, например, в популярном сюжете «Как мыши kota хоронили».

Почему бы также не допустить, что в образе учёного kota поэт мог запечатлеть и известнейшего представителя Русского Севера (Поморья) Михаила Васильевича Ломоносова, которым Пушкин восхищался, называл его «нашим университетом», и во многом считал своим учителем. Ведь именно Ломоносов одним из первых начал проводить реформу русского языка, сочинять поэтические оды, которые вполне могут соотноситься с песнями учёного kota. Безусловно, это лишь гипотеза, но почему бы и нет.

Ещё один любопытный факт: знаменитая во всём мире порода кошек, известная, как русская голубая, была вывезена английскими заводчиками в конце XIX в. из Архангельска.

«Там чудеса, там леший бродит». Опираясь на выдвинутую здесь теорию локализации пушкинского Лукоморья, можно провести ассоциацию чудес с удивительным северным сиянием, а лешего – с легендарным чудским лесным народом, обитавшим в древние времена на европейском севере. Наследниками этого народа в современной России являются народы Карелии, коми, вепсы, и некоторые другие. Финны, которые входили в состав Российской империи, назывались шведами, народами леса. В старорусском языке слово «лесной» переводится как «леший», и этот термин в старину был весьма распространён на Севере.

И, безусловно, в народном фольклоре, опять-таки преимущественно встречающемся на севере России, леший существует и как вымышленный мифологический персонаж. Встречался даже культ поклонения лешему: самое раннее упоминание о нем относится к XV веку. В Чудовском списке «Слова св. Григория» упоминаются люди, которые «молятся, как язычники ... лесному богу». В том первом упоминании он назван именно богом. Спустя три века богом лешего, кажется, уже не называли, но еще продолжали поклоняться его изображениям.

Проходит еще век. Этнограф и собиратель народных поверий Н. Н. Харузин на русском Севере застаёт самое настоящее поклонение лешему, правда, уже без идолов, но в «особых местах» лешему приносят жертвы и читают молитвы – именно молитвы, а не «слова»-заговоры.

Сидящая на ветвях русалка – также широко распространённый среди разных народов и регионов Российской империи мифологический персонаж. Встречалась любопытная версия, что русалки были ныряльщицами за жемчугом. Какого-либо подтверждения этому в исторических источниках пока нет, хотя на северных реках действительно добывался жемчуг для царского двора и международный тор-

говли.

«Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей». О каких невиданных зверях мог говорить поэт в этих строках? Что мы знаем о них из образов в народном фольклоре, или по произведениям народного и прикладного искусства? Одним из самых известных литературных памятников старины на русском Севере является «Голубиная книга», в сюжете которой упоминается Стратим-птица всем птицам матери, Идрик-зверь всем зверям отец.

Упоминание таинственных зверей есть и в поморских заговорах:

«Встану я, благословясь,
пойду я, перекрестясь,
под восточную сторону, к окиян-мору.
В окиян-море стоит остров Буян,
Где живет Стратим-птица, всем птицам мать,
Индрик-зверь, всем зверям отец,
Кит-рыба, всем рыбам мать, да инорокая змея Гарафена.
На зеленом кусте сидит пчелиная матка, всем маткам старшая,
И ворон, всем воронам старший брат.
Там Дуб мокрецкий да Алатырь камень».

Зверь Идрик имеет несколько образов: один в виде единорога, часто встречающегося в северной росписи, второй – мамонт с двумя бивнями. К слову сказать, на берегах Северной Двины люди до сих пор находят остатки скелетов мамонтов, а из их бивней холмогорские косторезы делали настоящие произведения искусства, широко представленные в том числе и в императорских коллекциях.

Среди невиданных зверей в северном народном творчестве часто встречалась птица Сирин – пермогорская роспись, Полкан человек лошадь – каргопольская игрушка, жар-птица, птица счастье (поморский голубок) – северная птица из дерева. Безусловно, с этими образами поэт мог непосредственно сталкиваться в быту, разглядывая замысловатые узоры прялок, сундуков, игрушек и других предметов быта.

Помимо сказочных невиданных зверей Север для современников поэта был наполнен вполне реальными, встречающимися только там животными: белыми медведями, моржами, белухами, и даже, как уже упоминалось, единорогом.

Когда знаменитый викинг Эрик Рыжий и его люди колонизировали Гренландию, они столкнулись с нарвалом, китообразным существом среднего размера, имевшим большой бивень (вырастал до 3 метров).

Бивень напоминал аликорн, рог мифического единорога, описанного в легендах, мифах и даже упомянутый в еврейской Библии. В

средние века многие в Западной Европе верили в существование единорога. Люди были убеждены, что его рог обладает многими целебными свойствами и может быть использован в качестве противоядия.

Как викинги догадались торговать бивнем нарвала как рогом единорога, неизвестно, но они продавали его по очень высокой цене многим купцам и королям по всей Европе.

Сухопутные народы, смутно представлявшие себе Единорога, придумали его образ в виде зверя, похожего на изящного коня, с острым длинным рогом. В России, в частности, в Поморье, Единорога называли Индриком. Его образ очень любили старообрядцы поморского толка на Белом море. Индрик – это химера, образ сказочного животного, созданного воображением. Всё в нем состоит из огромного количества символов, многие из которых нам, вероятно, уже никогда не понять. Но в средневековом мире почти никто не знал, что настоящий Единорог – это не химера, а реальный северный морской зверь – небольшой, очень редкий родственник белух. Это единственный вид китообразных, который относится к семейству единороговых. И самый северный в мире вид китообразных. Он обитает в районах Гренландии, Шпицбергена, а также в российском Поморье – современной Архангельской области – у архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа. Национальный парк «Русская Арктика» в Архангельске даже сделал изображение этого удивительного кита своей эмблемой.

Иногда морские единороги заплывают в Белое море, но к берегу почти никогда не подплывают, предпочитая держаться глубоководных и незамерзающих районов. Поморы привозили в Архангельск рога нарвалов со Шпицбергена и Новой Земли, но живых китов встречали редко. Уж больно пугливый этот легендарный морской зверь. Гораздо чаще поморские промышленники находили лишь останки этих китообразных.

Неслучайно западные соседи архангельских поморов – норвежцы, которые тоже находили, в основном, лишь выброшенных на берег единорогов, называли этих животных нарвалами (с древнего норвежского нарвал переводится как «мёртвый кит»).

Закрученные как свёрла длинные рога морского зверя архангельские поморы собирали на побережьях арктических островов. На единственной в истории России морской международной Маргаритинской ярмарке в Архангельске заморские купцы покупали у поморов эти рога по самой дорогой цене, не раздумывая. Для купцов это было крайне выгодное приобретение, так как в Европе рог Единорога стоил целое состояние. Считалось, что он обладает чудодейственной целебной и волшебной силой. Например, в 1500 г. английской Короле-

ве Елизавете был продан рог Единорога (нарвала) стоимостью 10000 фунтов стерлингов. На эти деньги можно было купить поместье. Рога единорогов использовали в драгоценностях короны европейской королевской семьи. Из рога Единорога изготовлены скипетр австрийского императора и посох Ивана Грозного.

Разумеется, архангельские поморы знали, что рога, которые они продают западным купцам, принадлежат морскому зверю, но никто (ни продавцы, ни покупатели) не был заинтересован в том, чтобы разрушить легенду о сухопутном звере Единороге. Миф о сказочном «коне с рогом» приносил большую прибыль продавцам рогов нарвалов. Легенда о Единороге живёт уже много столетий в виде аллегорий. Образ этого сказочного зверя прекрасен, и неслучайно о нём до сих пор слагают стихи и поют песни. Он полон волнительной поэзии и таинственной романтики, без которых жизнь человека в реальном мире немислима.

О ЗВЕРЕ ИНДРИКЕ

Которой зверь всем зверям отец?
Единорог зверь всем зверям отец
почему единорог всем зверям отец
потому единорог всем зверям отец.

А и ходит он под землю
а не держут его горы каменны
а и те та реки его быстрыя.

Когда выйдет он из сырой земли
а и ищет он сопровитника
а тово ли люта Льва зверя.

Сошлись оне со Львом во чистом поле
начали оне звери драться
охота им царяма быть
над всема зверяма взять большину.

И дерутся они о своей большине
Индрик зверь покоряище
покоряище он Льву зверю.

А и Лев подписан царём ему быть

царю быть над зверяма всема
а и хвост у ево колечиком.

Избушка на курьих ножках, стоящая «без окон, без дверей», направляет нас ко вполне реальному, и ныне встречающимся на Севере постройкам, стоящим на длинных стойках, по-разному используемых народами Севера. В одних случаях это погребальная традиция – переход из одного мира в другой, в других – приспособление для хранения запасов, предотвращающее проникновение в него зверей и подтопления. Тут следует отметить, что вопреки сложившемуся благодаря кино и мультипликационным образам стереотипу, избушка на куриных лапах может в реальности выглядеть по-другому, а этимология слова «курьих» вполне могла быть привнесена из финских языков, обозначая журавлиные лапки. Действительно, если посмотреть на сохранившиеся фотографии подобных построек, часто встречающихся на заболоченной местности или на побережье разливающихся северных рек, то столбы, на которых они стоят, издали очень похожи на ноги журавля или цапли.

«Там о заре прихлынут волны На брег песчаный и пустой, И тридцать витязей прекрасных... И с ними дядька их морской». Этот образ, безусловно, взят поэтом из народных преданий, сказаний и заговоров. Вообще для народного фольклора число «тридцать и три», или 33 – весьма распространённое явление. Вот, например, песня про тридцать кораблей и один корабль.

«Из-за моря, моря Студеного,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Леденца
От того-де царя ведь заморского,
Выбегали-выгрести тридцать кораблей,
Тридцать кораблей один корабль
Славного гостя богатого
Молода Соловья сына Будимировича».

Сложно сказать, что послужило образом к пушкинским богатырям, но есть весьма любопытная находка в одной из деревень севера Архангельской области – там обнаружен и записан старинный заговор на воду на Ильин день.

Заговор от сибирской язвы:

«На океане море стоит Божий остров. На том же острове лежит белый горячий камень Алатырь, а на камне святой пророк Илья с небесными ангелами». Ему-то заговаривающий произносил: «Молюся тебе святой пророке Божий Илье пошли 30 ангелов в златокованном платье

с луки и стрелы да отбивают и отстреливают от раба божие (имя) уроки и призоры, притки и щипоты, ломоты и ветроносные язвы».

Между прочим, средством избавления от вражиих чар, от очнаго призора и всякой порчи и болезней считается дождевая вода, собранная в Ильин день, которой для того умываются и окатываются.

Илья пророк и тридцать витязей ангелов (злагокованных) – один из самых уважаемых святых на русском Севере. Пророк-воитель, управляющий стихиями воды и огня – чем не предводитель морского воинства из народного эпоса?

Продолжая околицерковную тематику и проведение аналогий в произведении Пушкина, обратимся к фразе «Королевич мимоходом пленяет грозного царя».

Если обратиться к гербу Архангельской губернии, то сразу увидим ряд безусловных совпадений: во-первых, королевич – второй после короля, архангельский чин – также высший в ангельской иерархии (Михаэль в переводе – Кто как Бог). Архистратиг Михаил – первый после Бога, глава ангельского войска. Если взглянуть на его изображение на гербе Архангельской губернии, он действительно как бы запечатлен в движении, идущим – парящим, мимоходом, и он действительно как бы не убивает, поражая копьем или мячом, а именно пленяет. К слову, этот образ часто встречается и в католичестве, где архангел Михаил и вовсе держит грозного царя-сатану в цепях.

Собственно, образ колдуна, несущего богатыря – не что иное, как отсыл читателя к битве Руслана с Карлом (здесь тоже любопытное совпадение, ведь, как известно, Карлами были все шведские короли, проживавшие по соседству с добрыми волшебниками-финнами и захватившими их земли), который несёт героя над своими землями и землями волшебника Финна.

Следующий образ вызывает у автора статьи наибольший интерес. Был ли он гениальной и остроумной подсказкой поэта читателю, или просто взят как некий этимологический факт, употребляемый на Псковщине, относительно волка, а именно – прилагательного «бурый», но у этого выражения есть и вполне реальный прообраз, относящий нас к эпохе дворцовых переворотов и страшной судьбе царевича Ивана VI, свергнутого с престола, а также членов его семьи царевны Анны Леопольдовны, заключённой в архиерейском доме в Холмогорах, и её супруга Антона Ульриха Брауншвейгского Вульфенбютельского. Из двух частей его фамилии следует бурый (браун) волк (вульф). Повторюсь, указанные аналогии являются лишь гипотетическим утверждением, однако следует заметить, что Александр Сергеевич был блестяще образован, работал с историческими архивами, и

безусловно был осведомлён о трагической судьбе Брауншвейгского семейства пребывавшего в заточении на родине любимого им Ломоносова.

Следующие образы бабы Яги и Кощея Бессмертного опять-таки приводят нас на север России. Здесь хотелось бы привести размышления советского поэта Леонида Мартынова и его стихотворение Лукоморье, написанное в 1945 г.

Кто ответит — где она:
Затопило ее море,
Под землей погребена,
Ураганом сметена?
Кто ответит — где она,
Легендарная страна
Старых сказок —
Лукоморье?

Это я отвечу вам:
Существует Лукоморье!
Побывал мой пращур там,
Где лукой заходят в море
Горы хладные.
У скал

Лукоморье он искал —
Волшебную эту местность,
Страну великих сокровищ,
Где безмерна людская честность,
Но немало див и чудовищ.

Здравствуй, северная Русь!
Ты, Югра-соседка, здравствуй!
Сказка, здесь над былью властвуй!
Различить вас не берусь.
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые, —
У них выи меховые.

Белки валяются живые,
Соболя летят седые из косматых этих туч
Прямо в тундру, за Урал. Там мой пращур
их и брал.

Мол, к нашим дырявым овчинам
Пришьем драгоценны заплатки
И сбудем заморским купчинам

Мы красного меха в достатке.

Что мой пращур?

Гольтьба!

Он в лохмотьях шел тайгою.

Но свела его судьба с мудрой бабою-ягою,

То есть с женщиной в яге — в теплой
северной одежде...

Я о встрече той в тайге вспоминаю
и в надежде,

Что этнографы прочтут и обдумать им
придется

Все изложенное тут.

Шуба женская зовется

Там, на севере, ягой.

Знай, этнограф дорогой!

Баба-яга сердита.

— Ну, — говорит, — погоди ты!

Зря, — говорит, — не броди ты!

Женю я тебя на внучке,

Возьмет в золотые ручки.

Верно, пращур? Было так?

Золотым копьем блистая,

Поджидала вас, бродяг, дева-идол золотая.

Сторожила берега Мангазеи и Обдорья,

Неприступна и строга, охраняла

Лукоморье.

Злата шкура на плечах,

Золотой огонь в очах, —

Грейся, пращур, в тех лучах!

— Ах, гостеприимна,

В чуме вот только дымно!

В губы не целовала,

Мерзлую рыбу давала,

О чем она толковала?

— Пусть бьются князья с князьями —

Народы будут друзьями.

Ты остался, пращур, там?
Венчан снежными венцами?
Ложе устлано песцами?
Нет!
К волшебным воротам
За тобою по пятам
Шел Куракин со стрельцами,
Со стрельцами да с писцами за тобою
по пятам.
Шли не с чистыми сердцами к Лукоморским
воротам.

И закрылись ворота, и в туман укрылись
горы,
Схоронилась в Обдоры дева-идол золота.
И волны гремели на взморье,
И ветры над камнем шумели:
Исчезло, ушло Лукоморье, —
Хранить вы его не сумели!

Лукоморье!
Где оно?
Не участвую я в споре
Тех ученых, что давно потеряли Лукоморье
На страницах старых книг, в незаписанном
фольклоре.

Знаю я:
Где север дик,
Где сполоха ал язык, —
Там и будет Лукоморье!
Там, у дальних берегов, где гремят морские
воды,
Где восстали из снегов возрожденные
народы, —
Лукоморье там мое!
Там стоит она, богата,
Опираясь на копье, а быть может, на ружье,
Молодая дева Злата.
Я не знаю, кто она —
Инженер или пастушка,

Но далекая избушка, что за елками видна,
Снова сказками полна.
Здравствуй, дивная страна!

Как видим, мнение автора приведенных строк также склоняется к северной локализации пушкинского Лукоморья.

В свою очередь историк и писатель А. Иванов ссылается на обычай угро-финнов, который уходит корнями во времена язычества. Они верили, что умершие помогали им с того света, и после смерти близкого человека делали куклу «бабу», или иттарму, куда вселялся дух умершего. Затем заворачивали эту куклу в шубу, сшитую из шкур животных, мехом наружу – ягу. Такую шубу носили женщины. Отсюда и название – Баба-Яга.

После того, как «бабу» заворачивали в ягу, сколачивали священную постройку сомьях – сруб «без окон, без дверей», и помещали туда куклу. Вместе с куклой клали драгоценности и прочие атрибуты умершего и относили в чашу леса, далеко от поселений. Затем постройку устанавливали на стволах подрубленных деревьев, чтобы ни звери не могли достать, ни люди украсть. И много было желающих пожить в сокровищах, «иду туда, не знаю куда», но не возвращались – такие загадочные исчезновения добавили ужаса к образу Бабы-Яги, как к некой злой силе.

Образ Кащей Бессмертного также часто встречается в различных преданиях северных народов. Там есть упоминания про зайца, утку и яйцо, про Ена и Омеля/Йомалу, про географические названия, про Йо-малу, сидящего с блюдом золотых монет. По одной из версий, викинги разорили божество непосредственно на Курострове, находящемся напротив Холмогор.

Разумеется, в первую очередь вспоминается Кощей Бессмертный из народных сказок. Существует мнение, что начало «кощейниане» положил А.С.Пушкин. Он придумал, или использовал, образ худого высокого старика, скупого царя, заменив, как «акающий» москвич, в слове звук «о» на «а» («там царь Кащей над златом чахнет»). Тощий дед скачет на волшебном говорящем коне. Специализируется на похищении невест главных героев сказок. Является сильнейшим колдуном. В сказке «Иван Соснович» Кощей превращает в камень целое царство. В другой сказке («Царевна-лягушка») наряжает царевну в лягушачью кожу. В третьей («Елена Прекрасная») превращает Ивана Царевича в орех. В четвёртой («Царевна-Змея») превращает царевну в змею. Сам любит иногда бывать вороном. Его нельзя победить, как обычного смертного. Для этого требуются специальные знания:

«Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт». Во многих сказках говорится и о незападной доле Кощей, триста лет опутанного цепями в заточении.

Кто же он такой, этот, претендующий на вечную жизнь, супердед? Откуда он черпает свою якобы тёмную энергию? Что означает его имя?

Старославянское слово кошь (кошть) переводится как «сухой», «худой», «тощий». Те же значения имеет славянское мужское имя Кощей. Есть версия, согласно которой наш герой воплощал мифологический образ зимы. Его смерть означала приход весны. Но зима, с её окостеневшей от лютого холода природой, приходит вновь и вновь. В этом смысле Кощей действительно бессмертен.

Как он «попал» на Север? Возможно, основал под селом Емецком одну из многочисленных резиденций? Рядом с Ледовитым океаном зима, а, следовательно, и его жизнь длится дольше. А был ли там Кощей? Может быть, под Емецком остались следы кошуна?

В «Списке населённых местностей по церковным приходам в Емецком регионе (Архангельская губерния) за 1888 год» встретилось зловещее название деревни – Кощеиха. Располагалась она рядом со старинным селом Емецком. В прошлом веке деревня вошла в состав села.

Древним русским словом кошуны (кощюны, кощунники) назывались сказители былин. Кощунословие – повествование о жизни славян дохристианской Руси. Пришедшие на русскую землю иностранцы-христиане вложили в эти слова негативный смысл. Слово кощей получило у них значение «раб», «пленник». В словаре Брокгауза и Ефрона находим: «Кощунство, публично оказанное неуважение к священным предметам и обрядам христианской церкви; по русскому праву (Уложение о наказаниях ст. 182) карается тюремным заключением от 4—8 мес. или арестом от 3 недель до 3 мес.». Это уже начало XX гуманного века, а наказания в предыдущие века были гораздо тяжелее. Иноземные боги и святые вытеснили родных кумиров. Попы, предавшие память отцов, превратили их в злодеев. Так, мудрая ведающая мать стала злой ведьмой. Кошун – кощеем-рабом. Но русский дух бессмертен. Так же как русские былины и их хранители – кошуны, волхвы. Их преемниками стали скоморохи. На северной земле память о них осталась в названии озера. Озеро Скоморошье находится на водоразделе Северной Двины и Пинеги.

Где располагалась емецкая Кощеиха? Если продвигаться от центра Емецка в сторону автодороги М-8 (Москва-Архангельск) по улице

Горончаровского, миновать перекрёсток, образованный этими дорогой и улицей, то первая возвышенность укажет место деревни. Почему она так называлась?

Многие деревни получали названия от имени её основателя. Следует сказать, что мужское славянское имя Кощей встречается во многих документах русского средневековья. Потомки носителей этого имени получили фамилию Кошчев. От имён их предков получили названия деревни. Они встречаются в Вологодской, Владимирской, Ивановской, Московской, Ярославской и других областях. Тверская область даже провозгласила себя родиной Кощея Бессмертного. Возможно, мужик по имени Кощей срубил дом рядом с селом, увековечив тем самым своё имя?

Подсказка нашлась в Первой описи (1565 г.) Антониево-Сийского монастыря (20 вёрст к северу от Емецка): «в Емецком стану у большого села на реке Емце имелся монастырек девичь (женский) Иоанна Предтечи, а в вочинки у того монастыря было четыре деревни живущих... та церковь Иоанна Предтечи стоит на монастырской земли на Никулиной деревне и Кошчевой горе». Полвека спустя (1621 г.) ещё одно упоминание – в Жалованной грамоте Сийскому Антониеву монастырю: «Та церковь Иванны Предтечи стоит на монастырской земли на Никулинской деревни и Кошчевы горы». Таким образом, Кошчева гора дала имя основанной на ней деревне. Кто же и когда так назвал саму гору?

Язычество (термин первых на Руси христиан-греков, обособившихся от некрещёного русского народа) на Севере пустило прочные корни. Сюда бежали вольнолюбивые новгородцы, не принявшие чужую религию. Несли с собой песни и былины. Пели, сказывали их кошуны, волхвы, баяны, скоморохи. В самом селе, под главами христианских церквей, это было делать нельзя, потому что считалось кошунством. А вот за его пределами - почему бы и нет.

Есть ещё одна версия этимологии названия горы: горка невысокая, невзрачная. Могла казаться «худой», «тощей». Или кощей. Найти истину в топонимике очень трудно. Увы, она потеряна в прошлом.

Выражение «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет» всегда вызывало улыбку, когда некоторые искатели Лукоморья определяют его на черноморском побережье или даже в Крыму. Не в обиду им будь сказано, но испокон веков истинная деревянная Русь с её преданиями, сказаниями, морозами и природными красотами была на Севере. На свободном от нашествий татар и крепостного гнета, мира изначальной Руси, живущей по старинным укладам и традициям предков. Сюда шли новгородцы, осваивая новые земли. Сюда уходили старове-

ры в попытках сохранить веру от церковных реформ. Здесь отважные мореходы отправлялись к заморским берегам и стояли на пути географических открытий, исследуя Северный морской путь. Здесь на каменных островах был основан удивительный Соловецкий монастырь, святыня Руси, где мечтал побывать каждый православный христианин – на русский Север уже много веков отправляются путешественники с разных концов земли, чтобы полюбоваться исконным деревянным зодчеством, домами-ковчегами, украшенными затейливыми изразцами, самобытной девственной природой и необыкновенными душой людьми.

Право каждого – соглашаться или нет с мнением автора. На то оно и сказочное Лукокоморье, чтобы быть и оставаться сказкой, будоражить умы людей. Но если Великий Устюг – родина деда Мороза, то почему бы Архангельской области не стать страной Лукокоморье, тем более что название Поморье с Лукокоморьем весьма созвучно.

**К ВОПРОСУ О ПРИЕМЛЕМЫХ ГРАНИЦАХ ДЛЯ
ПОВЕДЕНИЯ УЧЕНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ (ПО
МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА С
ДОЧЕРЬМИ)**

On the issue of reasonable bounds for the behavior of a bluestocking in society (based on correspondence between Joseph de Maistre and his daughters)

Аннотация. Эпистолярное наследие де Местра является не только очень ценным, но и весьма специфическим источником по истории его идей. Вырванные из контекста цитаты из писем де Местра близким людям могут способствовать не столько пониманию его идей, сколько их искажению, поскольку часто такие эпистолярные послания создавались автором с использованием художественного дискурса. В статье рассмотрены письма де Местра дочерям, относящиеся к 1808 г. Эти послания представляют своего рода синтез самых разных взглядов на женское образование и роль женщины в обществе начала XIX в.

Ключевые слова: *Жозеф де Местр, эпистолярный жанр, проблемы женского образования в Новое время*

Abstract. The epistolary heritage of de Maistre is not only very valuable, but also a special source on the history of his ideas. Quotes from de Maistre's letters to loved ones taken out of context can contribute not so much to the understanding of his ideas, but to their distortion. De Maistre often used artistic discourse for such letters. The article examines de Maistre's letters to his daughters dating back to 1808. These messages represent a kind of synthesis of very different views on female education and the role of women in society at the beginning of the 19th century.

Keywords: *Joseph de Maistre, epistolary genre, problems of female education in modern times*

Особенности эпистолярного наследия Жозефа де Местра

Альберт Бланк, один из первых издателей мемуаров и писем де Местра, писал, что де Местр в своей частной корреспонденции раскрывает систему своих взглядов с гораздо большей свободой, чем в памфлетах и трактатах, не опасаясь здесь общественного мнения, к которому он относился с недоверием, и показывая в каждой строке глубокое понимание новых чаяний и потребностей, которые проявляются в повсеместном брожении умов [3, р. 1–2]. Правда Бланка очевидна, поскольку переписка савойского философа чрезвычайно важна для понимания системы его взглядов. Но при этом не следует забывать, что степень этой откровенности и уровень изложения в письмах де Местра определялся во многом интеллектуальными свойствами адресата и отношениями, в которых находились корреспонденты; стиль общения де Местра всегда

определялся уровнем понимания его собеседника. Если письма российского министру просвещения, графу Алексею Кирилловичу Разумовскому, с достаточно подробным изложением взглядов сардинского дипломата на российское образование и образование, вообще говоря, имеют большое сходство с педагогическим трактатом или даже методическими материалами, то письма к дочери, в которых представлен взгляд де Местра на способности женщин к умственной деятельности и женское образование, являются настоящими родительскими письмами, с шутками, наставлениями, увещеваниями, подробностями из жизни семьи и её окружения.

Эпистолярное наследие де Местра является не только очень ценным, но и весьма специфическим источником по истории его идей. Они требуют знания контекста и даже дешифровки, причём не только в тех местах, где автор использовал дипломатический шифр для сокрытия секретной информации. Наиболее известные его письма, как и избранные места из произведений философа, недаром издаются в серии литературного наследия [2]. Вырванные из контекста цитаты из посланий де Местра близким людям могут способствовать не столько пониманию его идей, сколько их искажению, поскольку часто эпистолярные послания создавались автором с использованием художественного дискурса; он с успехом структурировал реальные события, представляя адресату на основе последних увлекательный нарратив, обильно уснащал свой текст метафорами, гиперболами и иными тропами и фигурами речи. Такковыми являются, например, его письма дочерям, а также письма к некоторым хорошим его знакомым, например, некоей баронессе де Пон.

О традиции письменных руководств для воспитания

В Новое время воззрения на воспитание молодых людей были достаточно однородны и выстраивались в рамках единой логики, в отношении же воспитания молодых девушек в этот период такого единства подходов не было. Поскольку обыкновенно общество требовало от женщин выполнения очень жестких ограничений, то образовательный процесс для представительниц слабого пола большей частью был направлен на выработку мировоззрения и навыков, обеспечивающих надлежащее поведение. Между тем, уже в литературе назидательного направления XVII в. появились публикации, где особенность женщин подвергалась сомнению, где авторы не полагали основополагающими для них такие качества как смирение, покорность, невежество и не считали, что девушек надо обучать лишь тем навыкам, которые сделают их полезными в быту и приятными в общении. Напротив, были руководства для женщин, где прекрасная половина общества из высших его слоёв

рассматривалась как вполне полноценная его составляющая, наряду с мужчинами, из чего следовала необходимость для первых серьёзного образования. Таковы были, например, взгляды достаточно известного в своё время Жака дю Бока [Jacques Du Bosc]. Хотя подобная точка зрения в литературе и оставалась маргинальной вплоть до XIX в., на практике же ситуация была гораздо более сложной, так что достаточно много женщин из высших и даже средних слоёв общества получали хорошее домашнее образование, благодаря этому играли в обществе заметную роль, занимались литературой, художественным творчеством и даже приобщались порой к научной деятельности. К последнему их допускали с особенной неохотой, как это видно и на примере рассматриваемой ниже переписки.

Переписка Жозефа де Местра с дочерьми в 1808 г.

Упоминаемые в данной статье письма де Местра дочерям, относящиеся к 1808 г. (в силу ограниченности объёма статьи подробно рассмотрено только одно из них [1, с. 106-109]), отнюдь не являются выражением оголтелого консерватизма – как то может показаться. Напротив, они представляют своего рода синтез самых разных взглядов на женское образование и роль женщины в обществе начала XIX в. На создание этого назидания савойского философа подвигло вполне понятное желание согласовать мнения и поступки своих образованных детей с реальностью и способствовать их успешному позиционированию в обществе.

Семья де Местра на тот момент была вынужденно разделена на две части: Де Местр с сыном жил в России (с 1805 г., до того, с 1802 г. посланник Сардинского королевства проживал там в одиночестве), а жена и две дочери проживали в Савоие, и так получилось, что со своей второй дочерью, Констанцией, к которой обращены рассматриваемые послания, к 1808 г. де Местр никогда ещё не встречался лично. Можно сказать, что их общение проходило в удалённом режиме. Тем не менее, насколько можно судить по письмам, эпистолярный дар отца позволял ему иметь со своей дочерью самые доверительные отношения, которые давали ему надежду как-то воздействовать на её поведение, хотя управление поведением подростка задача непростая даже при постоянном личном контакте.

Анализируя антипрогрессивные и антиженские филиппики де Местра, следует иметь в виду, что образование его дочери получали согласно его непосредственным указаниям и на его средства, и что это было действительно хорошее образование, пробудившее в них интерес не только к литературе и изучению языков, но и к историческим и на-

учным вопросам. Как отмечали многие из тех, кто был с ним знаком, его влияние на окружающих всегда было чрезвычайно сильным, так что представляется сомнительным, чтобы его смиренная жена могла вести какую-то политику в семье, несогласную с его волей. Независимый наблюдатель, Наталия Фёдоровна Нарышкина, дочь известного деятеля той эпохи, графа Фёдора Васильевича Ростопчина, генерала-губернатора Москвы, писала: ««Добрейшая графиня де Местр говорила очень мало, и превосходство над нею мужа было несомненным; дети же, по всей видимости, получили куда больше от отца, нежели от матери». ([4, р. 226–228], здесь и далее цитируется по [1, с. 13], <Здесь и далее – перевод Д.В. Соловьёва>). Хотя, возможно, безропотность мадам де Местр мемуаристкой сильно преувеличена, поскольку порой супруга де Местра была способна на самые решительные действия, думается, впечатление о её полном согласии с мужем вполне соответствует действительному положению дел.

Задачей де Местра было скорректировать те негативные, с общепринятой точки зрения, последствия, которое имело образование его дочерей и те воспринятые ими поведенческие стереотипы, которые могли значительно осложнить их жизнь. Образование должно было способствовать их счастью, а не разрушать его. Заметим, что для молодого человека применение полученных при обучении знаний и навыков в реальных условиях в любую эпоху не является простым делом. Также следует помнить, что де Местр в определённой мере находился под влиянием идеологии иезуитов, так что цель, в данном случае благополучие, интересовала его больше, чем средства её достижения, т. е. он мог в своих письмах намеренно сгущать краски, дабы произвести более сильное впечатление на адресата

Неразумное с точки зрения окружающих поведение дочерей могло привести к общественному неодобрению, которое вполне могло воспрепятствовать удачному замужеству и осложнить занятие ими достойного места в обществе. В данном случае неразумным было подчёркивание девушками на выданье своей образованности. Де Местр мог и лукавить, начисто отрицая вклад женщин в культуру и науку, ведь эрудиция его дочерей была недостаточна, чтобы они могли противостоять его аргументации. Де Местр не видит перед собой равного собеседника и он утрирует ситуацию таким образом, чтобы она была понятна подростку. Считал ли он на самом деле, что женская составляющая европейской культуры совсем незначительна или не считал, в данном случае большого значения не имела. Заметим, что вышеупомянутая Нарышкина писала о том, что в российском обществе де Местр находил гораздо больше понимания у женщин, нежели у мужчин [1, с. 13]. Мемуаристка

также отмечала, что при общении с молодыми женщинами де Местр был любезен и весел, но он был всегда серьёзен с теми, кто мог поддерживать умственную беседу.

Де Местр писал своей дочери совершенно нелицеприятные вещи о женском интеллекте. Например, свои увещания в одном из таких писем он начинает с высмеивания приведённого Констанцией мнения Вольтера о равенстве мужчины и женщины в интеллектуальном плане, которое так впечатлило его дочь, а затем де Местр напрочь отказывает женщинам в способности создать значимое произведение искусства или сделать научное открытие:

«Женщины ни в какой отрасли не сотворили ничего из ряда вон выходящего. Не они сочинили «Илиаду», «Энеиду» или «Освобожденный Иерусалим»; не ими порождены Федра, Аталия, Родогуна, ни тем паче «Мизантроп» или Тартюф; не они создали Пантеон, собор Св. Петра, Венеру Медицыйскую и Аполлона Бельведерского или Персея; они не написали «Книгу принципов», ни «Рассуждение о всеобщей истории», ни «Телемаха» Они не изобрели ни алгебры, ни телескопа, ни очков, ни парового насоса, ни вязального станка и т. д.; но зато делают они нечто более великое сравнительно со всем этим: на их коленах образуется то, что есть самого лучшего во всем свете: честный мужчина и порядочная женщина. Когда девица хорошо воспитана, послушна, скромна и небожна, она вырастит детей, которые будут похожи на нее, а это и есть величайшее в свете творение» [1, с. 107].

Тем не менее далее выясняется, что всё же де Местр знает женщин, занимающихся наукой. Но он полагает их несчастными. Т. е. де Местр отрицает саму возможность женского занятия наукой потому только, что оно не может сделать женщину счастливой. Исключения, с его точки зрения, здесь только подтверждали общее правило, поэтому он не мог не постараться отвратить своих дочерей от столь неперспективного занятия. Аргументы его весьма убедительны:

«Что касается науки, то для женщин дело сие чрезвычайно опасное. Почти не бывало таких ученых дам, которые не были бы смешны или несчастны. Обычно наука представляет для них ту невеликую опасность, что они не нравятся ни мужчинам, ни женщинам: первые не желают уравниваться со слабым полом, а вторым неприятно быть превзойденными. Наука по самой природе своей любит выказывать себя, ибо все мы подвержены гордыне. Вот где опасность; ученая женщина может остаться безнаказанной лишь в том случае, если для сокрытия своих познаний прилагает она более сил, нежели мужчины к проявлению оных».

Де Местр хорошо знает своих дочерей и потому опасается, что они

вызовут порицание и недовольство в обществе.

«В сем отношении, дитя мое, я не почитаю тебя сильной: голова у тебя горячая, а характер решительный; навряд ли ты способна прикусить язык, чтобы удержаться от показа литературной учености». [1, с. 107]

И далее следует любопытное признание в том, что дело не только и не столько в гендерной роли. Дабы не вызвать раздражение окружающих следует в любом случае избегать демонстрации учёности без особой в ней необходимости. В этом отношении у де Местра был большой опыт; он подчёркивает, что в особенности осторожность такого рода должна быть присуща юной деве. Де Местр дополняет свои увещания весьма своеобразными рекомендациями по коррекции поведения, рекомендуя приспособиться к окружению и стараться быть приятной в общении.

Трудно, конечно, оценить, были ли увещания де Местра более эффективны, чем то обычно бывает в подобных случаях, но по свидетельству Нарышкиной, дочери де Местра отнюдь не скрывали своего интеллектуального превосходства, и их поведение очень уязвляло их русских ровесников. [1, с. 13]

В заключении же письма де Местр пишет:

«В остальном я полагаю, что ежели обоим вам Провидение не сулит замужества, образование (не говорю наука) будет для вас полезнее, чем всем прочим, Но надобно принять все возможные предосторожности, дабы оно не навредило. Прежде всего, следует помалкивать и никогда не прибегать к цитированию, пока сами вы не сделаетесь дуэньями». [1, с. 108]

Т. е., очевидно, что, во-первых, де Местр не слишком верит в свою способность переубедить дочь и потому не слишком надеется на её замужество, во-вторых, что он является поборником женского образования и рад наличию такового у своих дочерей, и в-третьих, что он полагает соблюдение принятых в обществе условностей делом первостепенной важности и никогда не устанет это объяснять своим детям.

Литература

1. Местр Ж.М. де. Петербургские письма / Ж.М. де Местр. сост., пер., предисл. и коммент. Д.В. Соловьева. СПб.: ИНАпресс, 1995, 334 с.
2. Maistre, J. de. Lectures littéraires. Pages choisies des grands écrivains : Joseph de Maistre / avec une introduction par Henri Potez. Paris : Librairie Armand Colin, 1901. 275 p.+XLI
3. Maistre, J. Mémoires politiques et correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, avec explications et commentaires historiques par Albert Blanc. 3e édition, revue et corrigée. Paris : Michel Lévy frères, Libraires éditeurs, 1864. 395 p.
4. Narichkine, N. Le comte Rostortchine et son temps. St.-Petersbourg: Societe R. Golicke et A. Willborg, 1912. 268 p.

ПРИБЛИЖАЯ ДАЛЬНИЕ РУБЕЖИ: РОЛЬ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРУППЫ СЕМЬИ ВАЛЛЕНБЕРГ В РАЗВИТИИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ШВЕЦИИ В 1880-1900-Х ГГ.

Bringing the Distant Frontiers closer: the role of the Wallenberg family Financial and Industrial Group in the development of Sweden's transport infrastructure in the 1880s and 1900s.

Аннотация. Данная статья посвящена роли представителей финансово-промышленной группы Валленбергов в развитии транспортной инфраструктуры Швеции в 1880-1900-х гг. – период активной индустриализации королевства, стремившегося активнее включить в экономическую эксплуатацию удаленные, северные территории страны, традиционно перспективные с точки зрения развития горнорудной промышленности. В работе отмечается значение железнодорожного строительства для развития экономики Швеции, вошедшей в индустриальную эпоху, раскрывается значение освоения северных регионов скандинавского полуострова в контексте превращения Швеции из аграрной в аграрно-индустриальную державу. Деятельность руководства «Стокгольмс Эншильда Банкен» рассматривается как в период активной индустриализации Швеции, так и во времена экономического кризиса середины 1870-х гг., спровоцированного спекуляциями на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Ключевые слова: финансово-промышленная группа семьи Валленберг, железнодорожное строительство.

Abstract. This article is devoted to the role of representatives of the Wallenberg financial and industrial group in the development of Sweden's transport infrastructure in the 1880s-1900s. - The period of active industrialization of the kingdom, which sought to more actively include remote, northern territories of the country, traditionally promising from the point of view of the development of the mining industry, in economic exploitation. The paper notes the importance of railway construction for the development of the Swedish economy, which entered the industrial era, reveals the importance of the development of the northern regions of the Scandinavian peninsula in the context of Sweden's transformation from an agrarian into an agrarian-industrial power. The activities of the management of Stockholm's Ensilda Banken are considered both during the period of active industrialization of Sweden and during the economic crisis of the mid-1870s, provoked by speculation on the New York Stock Exchange.

Keywords: financial and industrial group of the Wallenberg family, railway construction.

Именно в последнюю треть XIX века в королевстве Швеция появились крупная индустрия и технически оснащенное сельское хозяйство. Движущей силой бурного развития индустриализации в Швеции

был как экспортный спрос на товары (овес, железо, дерево и др.), так и внутренние предпосылки, основанные на развитом к этому времени металлургическом производстве, сельском хозяйстве и достаточном уровне образованности населения.

Валовой общественный продукт страны прежде не знал столь высоких темпов роста: за 1861-1900 гг. он вырос более чем втрое, тогда как население увеличилось лишь на 31%. За те же годы стоимость и промышленного производства, и экспорта выросла впятеро [5, Tab. 171]. В результате, к концу XIX столетия Швеция из страны аграрно-мануфактурной стала аграрно-индустриальной: доля ее населения, занятого в промышленности, ремесле, торговле и транспорте, подскочила за 1850-1900 гг. с 11 до 38% [5, Tab. 123].

При этом в стране увеличивались инвестиции в железнодорожное строительство, что существенно влияло на экономический рост шведского государства в связи с сокращением транспортных расходов, которые раньше были препятствием развитию торговли большими по объему товарами [3, с.206].

Первая железная дорога в стране была построена в 1856 г., открыв движение между городами Нурой и Эрваллой, расположенными в провинции Вестманланд, округе Эребру. Далее были построены две магистральные железные дороги: Южная, протянувшаяся от Стокгольма до Мальме на юге, и Западная, до Гетеборга на западе. Строительство этих линейных железных дорог было завершено между 1860 и 1864 годами. Пожалуй, именно в 1870-х годах в королевстве началось основное железнодорожное строительство. В 1870 г. протяженность железных дорог составила 1727 км, а тридцать лет спустя — почти 11 тыс. км. [5, Tab. 156]. Северная железная дорога протянулась параллельно Балтийскому побережью до Будена в северной Швеции, и была закончена в 1894 г.

Постройка этих линий обеспечила быструю и безопасную связь территорий от рудников на севере страны и остальной части Швеции. Она также стимулировала развитие бизнеса и туризма. Это также облегчило деловые (и частные) поездки, для которых раньше требовались конные экипажи. Примечательно, что на рубеже XIX—XX вв. Швеция стала (относительно числа жителей) первой железнодорожной державой Европы. Несмотря на важную роль государства (и как строителя и как заказчика железнодорожных компаний), преобладали частное строительство и частные железные дороги [1, с.398].

Так, предпочтительной альтернативой коммерческой деятельности зарубежных инвесторов, проявлявших интерес к шведской экономике, стал созданный в 1856 году при деятельном участии Андре Оскара

Валленберга крупный инвестиционный банк «Эншильда банкен», ориентированный на деятельность в сфере развития транспортной инфраструктуры и промышленности. Становление финансово-промышленной группы семьи Валленберг, история которой до сегодняшнего дня неразрывно связана с историей развития промышленности Швеции, приходится как раз на период активной индустриализации Швеции. Основатель «Эншильда банкен» А. О. Валленберг был крупнейшим акционером компании «Atlas», производившей оборудование для строительства железных дорог, с момента ее основания в 1873 году.

Как справедливо отмечал американский исследователь А. Чендлер, железные дороги являлись для бизнеса не просто мощными инструментами реализации, а были первыми современными деловыми предприятиями [6, р. 66]. Для перевозки огромного количества грузов, слаженного движения поездов и успешного разрешения сопутствующих трудностей требовались усилия большого количества служащих, что приводило к развитию профессионального администрирования.

Развитие железных дорог способствовало и развитию инфраструктуры, присущей современной экономике – железные дороги давали коммуникационный коридор телеграфным и почтовым линиям, стимулировали эволюцию почтовой службы и, что важнее всего, объединяли в единое экономическое пространство удалённые друг от друга промышленные и сельскохозяйственные центры. Однако для реализации масштабных проектов требовались серьёзные капиталовложения, что усиливало связь между финансовыми институтами и промышленностью. Успешный американский опыт эпохи железнодорожного бума, пришедшей на 1850-1860-е гг. показал колоссальные перспективы, открывающиеся перед инвесторами, заинтересованными в развитии железнодорожного транспорта.

Однако американский же опыт показал и уровень риска, сопряженного с финансовыми вложениями в железнодорожную сферу. Масштабные манипуляции акциями железных дорог привели к «чёрному четвергу» 18 сентября 1873 г., когда банк биржевого спекулянта Д. Кука, не сумевший продать облигации «Северной тихоокеанской железной дороги», рухнул и повлёк за собой серию других банкротств, в конечном итоге приведших к закрытию Нью-Йоркской фондовой биржи на 10 дней [2, с.92-93].

Схожие процессы наметились и в ряде европейских стран. Очередь Швеции подошла к середине 1870-х гг.: первые признаки кризиса в экономике этой страны проявились в 1875 году, когда обанкротилась тесно связанная с банковской сферой крупная фирма «Cervin». В 1877 году кризис начал серьезно сказываться на экономике королевства:

некоторые железные дороги не могли выплатить дивиденды по своим облигациям, в том же году упали цены на сталь, а в следующем снизилась цена на древесную продукцию [9, p.87-88].

После выхода шведской экономики в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века из экономического кризиса оказалось, что «Эншильда банкен» был чуть ли не единственным кредитно-финансовым учреждением в Скандинавии, способным финансировать крупные сделки. К началу 1890-х годов положение и «Стокгольмс Эншильда банкен», и позиции самой семьи Валленберг внутри своего предприятия были вполне прочными и внешне не вызывали никаких опасений.

В 1886 году, после смерти Андре-Оскара Валленберга, управляющим директором «Стокгольмс Эншильда банкен» становится его сын Кнут Агатон Валленберг, успешно справлявшийся с основными задачами, связанными с управлением банка и его активов, продолжая уделять большое внимание финансированию железнодорожного строительства и приобретению перспективных для экономического освоения участков земли.

Наиболее ярким примером этому служит история появления крупного курорта Сальтшёбаден, первый камень в основание которого был заложен лично королём Швеции Оскаром II в августе 1892 года [10, p.235]. Для успешного развития курорта была необходима соответствующая инфраструктура, и, в первую очередь, железнодорожное сообщение со Стокгольмом. «Стокгольмс Эншильда банкен» выступал в качестве инвестора и гаранта привлекаемых капиталов. В итоге, благодаря интересу и стремлениям К. А. Валленберга, прежде обыкновенное и ничем не примечательное место у моря превратилось в дорогой и престижный курорт, на котором вскоре построили свои виллы самые преуспевающие и известные люди Швеции. Уже в 1909 году Сальтшёбаден приобрёл статус города [7, s.23]. Для функционирования железной дороги к новому курорту были заказаны локомотивы от концерна «ASEA», который в 1911 году обеспечил ее электричеством, и в результате это полотно стало одной из первых электрических железных дорог в мире [8, s. 12-15].

Но создание курорта в Сальтшёбадене не было единственным начинанием подобного рода в карьере К. А. Валленберга. Значительным и в экономическом, и социальном плане оказался воплощенный во многом благодаря деятельности банка Валленбергов проект освоения богатых железных рудой залежей на севере Швеции – в граничащей с соседней Финляндией провинции Лапландия. Большие расстояния в сотни километров подразумевали соответствующие инвестиции в железные дороги к расположенному на побережье Ботнического залива

городу Лулео или же западнее, к североатлантическому побережью Норвегии. Найти заинтересованных в подобном начинании инвесторов в Швеции было бы сложно не только из-за размеров планируемых вложений, но еще и потому, что многие шведские финансисты были заинтересованы в традиционных местах добычи руды в центральных районах Швеции и не хотели менять привычные условия экспорта шведской железной руды в европейские государства.

К. А. Валленберг рассматривал сложившуюся ситуацию под другим углом и видел в лапландских месторождениях выгодное направление для развития семейного бизнеса. Он купил права на добычу железорудных месторождений и начал финансово поддерживать компанию, инвестировавшую средства в развитие шахт в окрестностях города Кируна. Так, в 1890 году была основана компания «Luossavare-Kirunavaara Aktiebolag», более известная как «LKAB», четвертью активов которой владел сам К. А. Валленберг. Для развития проекта использовались и иностранные средства, предоставленные в 1891 году давними французскими партнёрами семьи Валленберг из банка «Crédit Lyonnais». Французский кредит пошёл на развитие железной дороги, связывавшей Елливаре и Лулео [4]. Интересно, что компания «LKAB» функционирует по настоящее время. Во время II Мировой войны контроль над заполярными железнорудными месторождениями Швеции имел колоссальное значение как для союзников, так и для Третьего Рейха, особенно в связи с морской блокадой, отрезавшей Германию от возможности покупки ресурсов. В период с 1957 по 1976 гг., в период нахождения у власти в Швеции социал-демократической партии, компания постепенно полностью перешла в собственность правительства этой страны. Кроме добычи руды, на шахтах производится ее обогащение и гранулирование.

В тот же период времени Валленберги активно продвигали в высших эшелонах власти идею строительства железной дороги, которая связала бы Лапландию с норвежской областью Офотен. После одобрения правительствами обеих стран осенью 1896 года финансово-промышленная группа Валленбергов приступила к воплощению проекта. Однако реализация и этого замысла была бы невозможна без привлечения иностранного капитала. Как и в случае с железной дорогой между Елливаре и Лулео, значительная часть средств – порядка половины – была предоставлена французской стороной, «Banque de Paris», с которым Валленбергам после длительных консультаций удалось достичь договорённости в начале 1900 года.

Проект был завершён в 1902 году, что позволило «LKAB» доставлять руду со своих шахт в Кируне в незамерзающий порт Нарвик.

Подводя итоги, следует отметить, что развитие железных дорог Швеции способствовало и развитию инфраструктуры, присущей современной экономике – железные дороги давали коммуникационный коридор телеграфным и почтовым линиям, стимулировали эволюцию почтовой службы и, что важнее всего, объединяли в единое экономическое пространство удалённые друг от друга промышленные и сельскохозяйственные центры. При этом, безусловно, к участию в проектах по строительству железных дорог финансистов Валленбергов подвигали не только сугубо деловые мотивы, но и представления об обустройстве наименее развитых районов Швеции. С начала образования и по настоящее время руководство финансово-промышленной группы Валленбергов отдаёт особое предпочтение инновационным отраслям экономики, постоянно поддерживая потенциально перспективные проекты.

Литература и источники

1. История Швеции / Под ред. А. С. Кана. - Москва, 1974. – 720 с.
2. Майклтуэйт Д., Вулдридж А. Компания: краткая история революционной идеи. – Москва: Хорошая книга, 2010. – 288 с.
3. Мелин Ян, Юханссон Альф В., Хеденборг Сюзанна. М 47 История Швеции/Пер. со швед. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2002. – 400 с. – (Национальная история).
4. Официальный сайт семьи Валленберг. – URL: https://www.wallenberg.com/arkiv/sites/default/files/files/Arkivet/Bocker/stockholms_enskilda_bank_1856_-_1971.pdf (дата обращения 15.04.2024)
5. Bunte R., Jorberg L. Historia i siffror. Lund, 1968. – 105 s.
6. Chandler, Alfred D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. –The Belknap Press of Harvard University Press, 1977. – 608 p.
7. Fällström L. Stockholm – Saltsjön, 1892-1992. – Stockholm, Kreativ Informantion AB, 1992. – 192 s.
8. Glete J. ASEA under hundra år 1883-1983. Västerås: Asea AB, 1983. – 367 s.
9. Nilsson G. B. André Oscar Wallenberg. 2, Gyllene tider 1856-1866. – Stockholm: Norstedt. 1989. – 348 s.
10. Ollson O. A Prince of Finance. K A Wallenberg 1853-1938. – Stockholm: Atlantis, 2007. – 504 p.

ПРИЧИНЫ РОСТА ЧАСТНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

*Reasons for the growth of private charity in Russia at the turn of the 19th
and early 20th centuries*

Аннотация. В статье анализируется состояние частной благотворительности России в конце XIX- начале XX века. Выявлены и разобраны основные факторы, определившие подъём частного призрения в стране, его выход на новый уровень.

Ключевые слова. Россия, благотворительность, призрение, филантропия, империя.

Annotation. The article analyzes the state of private charity in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The main factors that determined the rise of private charity in the country and its rise to a new level were identified and analyzed.

Keywords. Russia, charity, charity, philanthropy, empire.

В конце XIX – начале XX века российская частная филантропия стала расти как никогда прежде. Для этого имелась целая совокупность причин. Для последовательного анализа надо разобрать каждую из них отдельно. Во-первых, своё значение имели крупные социальные катаклизмы, происходившие в России на рубеже веков [1, с. 51]. То есть голод, экономические кризисы, болезни, войны. Они делали ситуацию в социальной сфере критической. Для примера можно вспомнить голод 1891-1892 годов, вызванный засухой в стране, недостатком у народа зерна про запас. При возросшем населении страны конкретный голод стал настоящим бедствием для государства. Оно поначалу пыталось справиться с катастрофой самостоятельно, однако быстро поняло тщетность своих усилий и обратилось к общественным силам страны за помощью. Те охотно откликнулись и в итоге обозначенное выше чрезвычайное происшествие удалось ликвидировать [2, с. 91]. Однако без жертв не обошлось, погибли сотни тысяч, даже миллионы людей. Чтобы такого больше не повторялось и осознав эффективность привлечения общественных сил правительство империи в последующем стало охотнее выходить на контакт с неравнодушной благотворительной общественностью.

Во-вторых, частная филантропия в стране поднялась благодаря случившемуся на рубеже столетий экономическому росту [1, с. 51]. Известно, что перед ПМВ Россия занимало пятое место в мире по про-

мышленной мощи. Денег в стране однозначно стало больше. Как раз их в некоторых случаях и пускали на благотворительность частные лица и организации. Вышло как в поговорке, согласно которой там, куда приходит болезнь, находится и лекарство. В такое «лекарство» превратились увеличившееся в своём объёме финансы страны [3].

В-третьих, взлёту негосударственного призрения поспособствовал новый порядок открытия благотворительных заведений и обществ. Очевидно, что он к этому времени был проще, чем раньше [4, с. 128]. Это новшество благополучно отразилось на численности зарегистрированных благотворительных учреждений, она подскочила [5]. С нескольких десятков в 1862 году до нескольких тысяч после 1906 года. Это вполне можно объяснить тем обстоятельством, что теперь не нужно было спрашивать разрешение у императора или министра внутренних дел на открытие какой-либо организации призрения [6]. В итоге хватало разрешения губернатора, да и контроль за деятельностью филантропической организации был не таким жёстким. Те же отчёты об их деятельности органы внутренних дел требовали не так строго, поскольку и так были заняты другими делами.

В-четвёртых, для учащения частной благотворительной деятельности имела и меркантильная основа. Она выразилась в возможной погоне некоторых филантропов за налоговыми льготами. Освобождение от налогов или хотя бы их снижение на 5-10 % привлекало филантропов [6]. В голове царил трезвый расчёт, с помощью которого можно было выполнить задачу любого бизнеса – минимизировать затраты.

В-пятых, в головах у благотворителей могли витать и мысли о повышении своего престижа с помощью призренческой деятельности [7, с. 558]. Имя филантропа становилось популярным, узнаваемым. Особо удавшихся благотворителей государство могло наградить орденом, почётным званием [7, с. 551]. Создать себе положительный имидж, репутацию и по сей день считается у людей верной стратегией на пути к успеху в каком-либо деле. В прошлом как видно придерживались такого же принципа.

В-шестых, нельзя отбрасывать в сторону банальный альтруизм благотворителей, возросший к концу XIX-началу XX века [8, с. 95]. Тогда же произошёл сословный слом – на смену благотворителям-дворянам пришли по большей части благотворители-купцы. От своих предшественников они отличались куда большей религиозностью, подпитанной более свежей памятью и представлением о том, что они – такая же часть трудового народа, просто разбогатевшая. Помощь другим была для новых деятелей российского призрения зоной соб-

ственной ответственности. В этом они порой видели даже свою миссию [8, с. 101]. Показательны в этом плане слова одной из знаковых фигур как в целом благотворительности той эпохи, так в частности и меценатства М. К. Тенишевой: «До боли хочется в чём-то проявить себя, посвятить себя всё какому-либо благородному делу. Я хотела бы быть очень богатой, для того, чтобы создать что-нибудь для пользы человечества. Мне кажется, я дала бы свои средства на крупное дело по образованию народа, создала бы что-нибудь полезное, прочное» [8, с. 52]. Похожий настрой можно засвидетельствовать в воспоминаниях других благотворителей, того же П. М. Третьякова.

В-седьмых, анализируя рост частной благотворительности в Российской империи на стыке веков стоит принять во внимание патристический дух многих благотворителей. Они понимали, что государство состоит из людей, что именно количество и качество этих людей в первую очередь составляет мощь государства. Поэтому деятели филантропии пытались удовлетворить все основные потребности своего народа, веря в то, что накормленное и образованное население составит славу своему отечеству: поднимет его экономику, политический престиж. Принимая во внимание этот факт, надо также снова не упускать из виду прагматизм некоторых деятелей-филантропов: тот же квалифицированный работник, обладая большей производительностью мог не только продвинуть экономику страны вперёд, но также и больше положить в карман своего работодателя, которым как раз могло быть оказывающее помощь лицо. На лицо инвестиции в собственное дело [7, с. 558].

Подводя итог можно заключить, что для резкого роста объёмов частного призрения в Российской империи конца XIX-начала XX веков имела целый комплекс причин, при чём разного характера. Взаимодействуя друг с другом данные причины привели сферу благотворительности страны к небывалому взлёту. Закономерно, что без наличия указанных выше факторов филантропия страны не пришла бы к такому результату.

Литература и источники

1. Бахарева Л. И. Традиции российской благотворительности: история и современность // Брянский региональный общественный благотворительный фонд имени братьев Могилевцевых / Международная научно-практическая конференция «М. К. Тенишева и её время». Материалы конференции. Брянск. 5-6 сентября 2008 г. С. 44-53. <http://blagotvfond.narod.ru/konf/konf1.pdf> Благотворительность в России в XIX-XX веках.
2. Беспалов С. В. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: Наука, патриотизм и гражданское общество. Bradley J. voluntary associations in

Е. А. Леонов
E. A. Leonov

МОБИЛИЗОВАННЫЕ ЧАСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ ВОСТОЧНЫХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ И ИХ РОЛЬ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904 – 1905 ГГ.

*Mobilized units of the Eastern border military districts and their role in
the Russian-Japanese War of 1904 – 1905.*

Аннотация. В статье кратко раскрываются обстоятельства начала конфликта с Японией 1904 – 1905 гг., в рамках которых была осуществлена мобилизация войск Сибирского, Приамурского военных округов, а также Квантунской области. Делается акцент на том, что одной из причин неудачного начала войны и последующего негативного сценария развития событий стало, в том числе, решение не задействовать части из западных военных округов, а опираться преимущественно на резервные и запасные части, сформированные из запасников из Сибири и Дальнего востока.

Ключевые слова: *Русско-японская война, запасные части, резервные войска, мобилизационный план, военные округа, генерал А.Н. Куропаткин*

Abstract. *The article briefly reveals the circumstances of the outbreak of the conflict with Japan in 1904-1905, within the framework of which the troops of the Siberian, Amur military districts, as well as the Kwantung region were mobilized. The emphasis is placed on the fact that one of the reasons for the unsuccessful start of the war and the subsequent negative scenario was, among other things, the decision not to use units from the Western military districts, but to rely mainly on reserve and spare parts formed from reserves from Siberia and the Far East.*

Keywords: *Russian-Japanese war, spare parts, reserve troops, mobilization plan, military districts, General A.N. Kuropatkin*

В конце XIX века на Дальнем Востоке обострились противоречия между главными мировыми державами из-за раздела сфер влияния в данном регионе. В период событий 1900 г. на границе с Китаем, а также Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. русская армия столкнулась с проблемами переброски воинских частей из других регионов страны, а также с трудностями комплектования резервных частей запасными из восточных военных округов. Тем не менее, на первоначальном этапе войны важную роль сыграли именно запасные батальоны приграничных Сибирского и Приамурского военных округов.

Еще в 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, что кардинально изменило принцип комплектования армии икратно увеличивало мобилизационный резерв в случае большой войны [1, с. 26]. Несмотря на ряд очевидных преимуществ новой системы набора в армию, в первую очередь в количественном потенциале, в ряде аспектов

имелись и объективные недостатки. Критики всеобщего призыва видели, в том числе, угрозу потенциально худшей подготовке новобранцев, которые служили относительно короткий срок срочной службы.

Русско-японская война стала тем конфликтом, в котором на практике выявились все достоинства и недостатки обновленной русской армии. После 23 лет функционирования призывной системы и увеличения мирной численности войск, количество подготовленных запасных к 1900 г., считая и возрастных запасных, возросло по сравнению с 1877 г. в 5,5 раз и достигло 3 млн. человек [2].

Однако, результатом одностороннего, ориентированного на защиту западного направления военного строительства под руководством генерала Н.Н. Обручева в Российской империи стало то, что в 1885 г. Россия имела на Дальнем Востоке всего около 18 тыс. войск. В азиатской части страны до Русско-японской войны в военных округах не было дивизий, а вся полевая пехота имела 16 бригад, включавших в себя 101 батальон. В военное время предполагалось, что дивизии будут разворачиваться из резервных бригад, а из каждой 2-х дивизий будет формироваться армейский корпус. За Уралом было всего 20 резервных батальонов 5-ти ротного состава. В случае мобилизации резервный батальон мог разворачиваться в полк [3, с. 23, 37].

Эти особенности дислокации и организации местных воинских частей, на фоне огромных малозаселенных территорий, в случае начала полномасштабных военных действий не позволяли мобилизовать достаточное количество войск из местных кадров. В отличии от других округов, здесь отсутствовали кадры запасных войск, кроме 7 сибирских батальонов. Конница, представленная в регионе казачьими войсками, а также малочисленная артиллерия в мирное время не держали собственные запасные кадры.

К Боксерскому восстанию в Китае в 1900 г. численность русских сил увеличилась в регионе до 60 тыс., в основном за счет увеличения состава имевшихся местных частей. Тем не менее, это были только временные полумеры, не отвечавшие ни амбициям России, ни военно-политическим вызовам в регионе.

Первые сигналы о системных недоработках в вопросах мобилизационного планирования, перемещения и развертывания русской армии за пределами западных военных округов проявились уже в событиях на китайской границе 1900 – 1901 гг. Кроме численности, выявились проблемы с кадрами, их мотивацией, в том числе и у офицерского состава. Так, сохранилась переписка Главного штаба, датированная июлем 1900 г., где отмечаются тревожные случаи уклонения некоторых офицеров, назначаемых на командные должности на Даль-

нем Востоке. Предлагалось даже применять в виде санкций к уклонистам, если последние не смогут предоставить уважительных причин отказа, увольнение их в запас [4].

С началом войны с Японией, в России была объявлена общая мобилизация Квантунской области и Приамурского военного округа. Далее начались последовательные мобилизационные мероприятия в Сибирском военном округе и еще 9 мобилизаций в некоторых военных округах европейской России.

Русские пехотные части, принимавшие участие в боевых действиях можно было разделить на следующие основные категории. Во-первых, это Восточно-Сибирские стрелковые полки, которые и в мирное время содержались по штатам близким к военному времени. Во-вторых, армейские пехотные корпуса, которые укомплектовали до штатов военного времени мобилизованными запасными. И третья категория частей – это пехотные части сформированные из развернутых резервных частей [3, с. 7].

Проблема была в том, что по расчетам мобилизационного плана, для перевозки запасных частей с Дальнего Востока и из центральной России в Манчжурию, требовалось около 500 эшелонов с войсками, при пропускной способности КВЖД на 1904 г. в 5 пар поездов в сутки, и это с учетом грузовых поездов. Соответственно, развертывание всех мобилизованных войск с момента объявления мобилизации заняло бы в регионе от 5 до 7 месяцев.

После нападения Японии 27 января 1904 г., уже 28 января была объявлена мобилизация приграничного Приамурского военного округа и Наместничества. Мобилизация Сибирского военного округа была начата 2 февраля. Кроме того, приступили к мобилизации запасных Казанского округа. По всем округам всего на тот момент было призвано более 129 000 человек [3, с. 96 – 97]. За весь период Русско-японской войны по всей территории страны было проведено 9 частных мобилизаций. Однако, на начальном этапе войны малочисленное население Приамурского округа и Наместничества на Дальнем Востоке не позволяло полноценно укомплектовать даже 11 запасных батальонов [5, с. 75].

Подготовку и общее качество вновь сформированных частей иллюстрирует соотношение в Восточно-Сибирских батальонах солдат действующей армии и призванных запасных, как один к двадцати.

Недостатки были и в самом планировании мобилизационных мероприятий. Главный штаб при создании мобилизационного плана изначально не предусматривал возможности восполнения убыли в запасных частях после отправки их в действующую армию. Таким

образом, при планировании не учитывались возможные значительные потери мобилизованных войск, а также механизм неоднократных восполнений потерь в принципе.

В сложившихся обстоятельствах основным источником комплектования действующей армии стали мобилизационные ресурсы относительно близко расположенного Сибирского военного округа, где в 1903 г. на воинском учете стояло уже более 96 тыс. человек [6]. Далее было принято решение об увеличении запасных частей округа для того чтобы иметь возможность готовить пополнение для всей Манчжурской армии, а не только для IV Сибирского корпуса. Началась реализовываться практика направления запасных из европейской части страны в запасные части Сибирского военного округа [5, с. 75].

Военный министр А.Ф. Редигер позднее охарактеризовал попытки создания новых незапланированных частей А.Н. Куропаткиным из мобилизованных таким образом: «Полная дезорганизация войсковых частей в Европейской России, из которых были вырваны масса лучших офицеров и нижних чинов для отсылки в армии на формирование там громадных управлений и импровизацию новых частей, затеянную по безумной фантазии Куропаткина» [7].

После значительного увеличения численности переменного состава в запасных батальонах, их постоянная быстрая смена в рамках увеличения темпов мобилизации привели к тому, что сами батальоны превратились в транзитные пункты для мобилизованных. Фактически, подготовка запасников была либо формальной, либо вообще не проводилась.

Проблемы плохой подготовки усугублялись отсутствием достаточного снаряжения и имущества для запасных. Командование вместо формирования и подготовки новых частей вынуждено было заниматься поиском и закупкой вещей для прибывших [5, с. 76].

Еще одним негативным фактором, оказывавшим влияние на моральное и психологическое состояние, были общие бытовые проблемы, недостаточное количество казарм, способных разместить прибывающих запасников из европейской России. Также, часть личного состава формируемых частей, особенно поздних пополнений, было подвержено революционной пропаганде в рамках событий 1905 г. Все это выливалось в погромы питейных лавок, беспорядки и даже в стрельбу в офицеров [5, с. 77].

Результатом восприятия командованием Дальневосточного театра военных действий как второстепенного стало то, что на начальном этапе войны первый удар приняли на себя резервные войска приграничных военных округов, бывшие фактически второсортными частя-

ми, собранными из запасников.

Еще одним важным просчетом военного руководства, вытекавшим в целом из недооценки противника, стало представление о том, что резервные войска первой очереди равны по своим боевым возможностям полевым армейским частям.

Генерал А.Ф. Редигер указывал, что самостоятельное использование крупных резервных частей, даже для вспомогательных задач, было ошибкой. Для корпусов обычно ставились самостоятельные задачи, которые могли повлиять на ход войны в целом, а невысокое качество личного состава резервных корпусов играло крайне негативную роль. Усугублялось все это и призывом запасных старших возрастов. В итоге, многие запасные были не знакомы с современными на тот период времени оружием. Кроме того, состояние здоровья и мотивация этих призывников часто оставляла желать лучшего [3, с. 469 – 472]. Сам А.Н. Куропаткин в своих «Итогах войны» постоянно сетовал на плохое качество имевшихся войск и их нестойкость. Более того, были зафиксированы случаи конфликтов между срочнослужащими солдатами и возрастными запасными, когда последние отказывались выполнять задачу ссылаясь на то, что: «Вы солдаты, так и деритесь, а мы мужики» [8, с. 241 – 242].

Новый военный министр А.Ф. Редигер, занявший пост в 1905 г. приступил к планированию реформы резервных войск. По итогам дискуссий к 1909 г. в военном ведомстве пришли к выводу, что резервные войска не дают эффективные возможности формировать соединения, кроме тех, которые запланированы мобилизованными расписаниями. А в 1910 г., уже при новом военном министре В.А. Сухомлинове, резервные войска и крепостная пехота были упразднены. Вместо них была создана по образцу германской армии система «скрытых кадров». Суть ее заключалась в выделении при мобилизационных мероприятиях из полевого пехотного полка еще одного второочередного. Система скрытых кадров давала возможность формировать незапланированную расписаниями часть в военное время и весь обученный запас размещать в них.

В заключении можно сказать, что мобилизационная система русской армии, в период Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., показала себя недостаточно эффективной. Еще на этапе планирования были допущены серьезные просчеты. Места дислокации войск, их количество, организация, транспортировка и обеспечение были не оптимальны. Все это усугублялось плохими бытовыми условиями, низкой дисциплиной и отсутствием полноценной воспитательной работы с личным составом.

Литература и источники

1. История отечественной артиллерии / Отв. ред. Маршал артиллерии К.П. Казаков; Упр. Командующего ракетными войсками и артиллерией. Воен.-ист. музей артиллерии и инж. войск. Т. 2. – М.; Л.: Б. и., 1966.
2. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. С древнейших времен до наших дней. Т.2 // [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/09.html> (дата обращения: 07.04.2024).
3. Бирюк С. Н. Русская пехота в русско-японской войне 1904 – 1905 гг.: «на сопках Маньчжурии» / Сергей Бирюк. – М.: Яуза: Эксмо, 2021. – 508 с.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.6. Оп. 2/5. Д. 2411. Л. 99.
5. Ширшов М.А. Подготовка воинских чинов запаса для Маньчжурской армии в запасных батальонах Сибирского военного округа в годы русско-японской войны 1904 – 1905 гг // Манускрипт. 2018. №3 (89).
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1450. Оп. 3. Д. 1. Л. 65.
7. Редигер А.Ф. История моей жизни // [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/br/?b=67368&r=139> (дата обращения: 07.04.2024).
8. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904 – 1905. Итоги войны. – СПб.: Полигон, 2002. – 527 с.

ТРАНСПОРТНЫЕ РЕСУРСЫ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАСПИЯ, КАК ФАКТОР РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦ РОССИИ

*Transport resources of the western coast of the Caspian Sea as a factor in
expanding the borders of Russia*

Аннотация. Западное побережье Каспия исторически занимало и занимает весьма выгодное место в системе торгово-транспортных коммуникаций каспийско-черноморского, а равно и центрально-евразийского пространства. Как показало исследование желание контролировать его возможности, являлось фактором для расширения границ России.

Ключевые слова: *Россия, Кавказ, западный побережье Каспия, коммуникации, граница*

Abstract. *The western coast of the Caspian Sea has historically occupied and occupies a very advantageous place in the system of trade and transport communications of the Caspian-Black Sea, as well as the Central Eurasian space. As the study showed, the desire to control its capabilities was a factor in expanding Russia's borders.*

Keywords: *Russia, Caucasus, western coast of the Caspian Sea, communications, border*

Одним из главнейших преимуществ Кавказского перешейка являлось то, что последний испокон времен занимал и по сегодняшние дни занимает весьма выгодное место в системе евразийских транспортных коммуникаций [1, с. 201]. Множественные сухопутные, речные, а также и морские торгово-транспортные артерии, идущие по направлению из Азии в Европу и обратно и, в частности, такие, как Великий Шелковый Путь, Путь Пряностей, Волжско-Каспийский и путь из Варягов в Греки, а также и многие другие сходились и переплетались в данном регионе. Еще со времен глубокой античности, и вплоть до сегодняшних дней территории этого последнего пусть и на разных этапах по-разному, но все-таки устойчиво обеспечивали транс-евразийское торгово-транспортное сообщение. Подчеркнем, что в этом сообщении исторически были «задействованы: каспийское, балтийское», беломорское, азовское «и черноморское побережья, степи предкавказья и закавказья, волжский, донской, двинской», камский и «днепровский речные пути». Как факт, в последнем были задействованы и другие транспортные коммуникации центрально-евразийского пространства [2].

Если даже самым беглым образом просмотреть и проанализиро-

вать все те множественные научные изыскания, которые на сегодняшний день в той или иной мере посвящены историческому обозрению системы коммуникаций кавказского пространства, то следует отметить то, что до XIX в. ее ресурс во многом оставался ограничен. Важно подчеркнуть, что практически вплоть до середины XIX столетия подавляющее большинство маршрутов данного региона проходило по малоудобным, да к тому же еще и «труднодоступным горным перевалам, теснинам и ущельям». Как ввиду природно-климатических, так и топографических особенностей, кавказского края, да как собственно и в силу ряда других причин, если и не все, то, по крайней мере, многие из них не могли использоваться в должной мере. Стабильную и устойчивую связь евразийского Юга и Севера, как равно и Запада с Востоком в данном регионе могла обеспечить лишь только круглогодично открытая коммуникация, идущая Каспийским побережьем. Объективно, что главнейшей выгодой, данного обстоятельства выступало то, что многие как ныне действующие, так и уже утратившие свое бывшее транзитное значение торгово-транспортные артерии центрально-евразийского пространства, исторически были или прямо или опосредованно привязаны к ее координатам. К примеру, последняя смыкала и продолжает смыкать Северное и Южное направление Великого Шелкового пути, а также черноморский транспортный узел с каспийским побережьем. Помимо этого она так же связана с волжско-каспийской, волжско-донской, а отчасти и днепровской торгово-транспортными артериями, где каждая из них в свою очередь имела и имеет сопряжение или с Балтийским, или с Беломорским побережьем [2-3]. При этом обозначим то что ресурс представленной коммуникации всегда был выгоден и интересен множеству различных государств. Заметим, что после завоевания Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств данная коммуникация *de facto* стала привлекательна и для России.

Если «претензия Государства Российского на волжско-каспийскую торгово-транспортную артерию» обозначилась еще в тот период времени, когда Великое Княжество Московское, «в 1392 г. присоединило к себе суверенный Нижний Новгород», то западно-каспийская коммуникация попала в поле зрения последнего с завоеванием Казанского и Астраханского владения [3, с. 76]. Как на то прямо указывает Г.В. Вернадский, состоявшееся в 1552 г. покорение «Казани открыло русским среднее течение Волги» [4, с. 37]. «Тот, кто стал владыкой в Среднем Поволжье и захватил в свои руки главный рынок, где Русь» той эпохи «обменивалась товарами с Востоком», просто ну никак не мог «не стремиться к утверждению своей власти и на низовьях Волги, по ко-

торой товары приходили с Востока в Казань и увозились из Казани на Восток» [5, с. 268-269]. И действительно, поставив под свой полный контроль «лишь только половину стратегически важной волжской речной торгово-транспортной артерии, Царство Московское на этом не остановилось и уже в 1556 г., подчинив своей воле Астраханское ханство, безоговорочно завладело и остальной ее частью», и стало продвигать в лоно Северо-Восточного Кавказа [3, с. 76]. Добавим, что помимо прочего в его периметры Москву тогда влекла отмеченная ранее транс-евразийская коммуникация, идущая вдоль западного побережья Каспия, дающая возможность сомкнуть собою Север – Юг Евразии, а также Запад и Восток [3]. Однако на всем протяжении XVI и XVII столетия, ввиду активного противодействия Османской Турции и Сефевидского Ирана, а также и местных государственных образований, Царство Московское при закреплении в дельте р. Терек, не сумело включить в свои границы западно-каспийскую низменность и значит территории Восточного Кавказа [6].

Тогда, когда на всем протяжении XVI и XVII столетии волжско-каспийская и органично связанная с ней западно-каспийская торгово-транспортные коммуникации являлись одним из факторов активного расширения государственных границ Великороссии, то данная тенденция имела место быть и в XVIII и в первой половине XIX в. Как на то прямо указывает С.М. Соловьев, с завершением Северной войны (1700-1721) рассчитывая «завязать отсюда» торговлю Запада с Востоком и считая «приобретение» западно-каспийского «побережья <...> необходимым дополнением к приобретению побережья Балтийского» [7, с. 328], Петр I совершил свой знаменитый Персидский поход (1722-1723) по результатам коего Россия утвердилась в данном регионе [8]. Однако все же ненадолго. Заметим, что оставив эти территории по подписанию Рештского (1732), а также и Гянджинского (1735) трактатов и отведя свои границы к Тереку, Санкт-Петербург, вновь станет двигаться и наступать по направлению западного Каспия, а значит и Восточного Кавказа в целом лишь только ближе к окончанию XVIII в. [8], а в XIX столетии, за ослаблением Османской Турции, а равно и Ирана пошагово освоит весь кавказский регион [6]. Таким образом, можно сделать вывод, что желание контролировать идущую по западному побережью Каспия транс-евразийскую коммуникацию являлось фактором для расширения границ России.

Литература и источники

1. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь-Москва: Леан, Арграф, 2000. – 448 с.
2. Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Русско-дагестанские

- торгово-экономические связи в период существования Киевской Руси и Золотой Орды // Клио. 2019. № 12(156). С. 122–132.
3. Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М., Эмирова М.Н. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (часть первая) // Клио. 2020. № 1(157). С. 74–87.
4. Вернадский Г.В. Московское Царство. Т. I. Тверь-Москва: Леан, Аграф, 2000. – 512 с.
5. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство московского университета, 1996. – 682 с.
6. Баканов А.В. Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8(200). – С. 82-90.
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга XI. Т. 17–18. М.: Мысль, 1993 – 671 с.
8. Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К предьстории Российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2018. № 12(144). С. 80–86.

**СУДОХОДНЫЕ РЕЙСЫ В ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ В
ПЛАНАХ ПРАВИТЕЛЬСТВА И РУССКОГО ОБЩЕСТВА
ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ (1914 – 1915 ГГ.)**

*Shipping flights to the Persian Gulf in plans of the government and the
Russian steam navigation and trading company (1914-1915)*

Аннотация. В статье рассматривается рост морских перевозок между портами России и Персидского залива накануне Первой мировой войны и делается попытка определить условия для государственно-частного партнерства и лежащие в его основе перспективы трансграничного бизнеса в послевоенный период.

Ключевые слова: Россия, Персидский залив, судоходство, государственно-частное партнерство, заинтересованные стороны

Abstract. This article examines the growth of the shipping between the ports of Russia and the Persian Gulf on the eve of the First World War and seek to identify the conditions for public-private partnerships and underlying cross-border business prospects in the post-war period.

Keywords: Russia, the Persian Gulf, shipping, public-private partnership, stakeholders

К началу 1914 г. Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) оставалось единственной отечественной компанией, сочетавшей «экстренные» (коммерческие) с регулярными (4 плавания в год, сопровождавшиеся финансовой поддержкой правительства) рейсами в порты Персидского залива. Рост к этому времени объема вывозимых из региона грузов свидетельствовал о том, что англо-русское соглашение 1907 г. отнюдь не покончило с соперничеством двух стран на Среднем Востоке и лишь изменило его характер. Между ними продолжалась борьба за концессии, торговое и финансовое влияние в Персии [1, с. 175]. В целом, с 1910 по 1913 гг. показатели двусторонних перевозок между портами России и Залива выросли с 16,4 тыс. до 43,4 тыс. тонн [2].

20 марта 1914 г. наблюдательный совет РОПиТ, принимая во внимание истекающий 1 января 1915 г. срок договора о государственно-частном партнерстве, подтвердил готовность к продолжению эксплуатации персидской линии. Вслед за этим, в начале мая 1914 г., правительство заявило свой проект соглашения. В документе были представлены ряд принципиальных изменений в работе линии. В условиях роста товарооборота предполагалось увеличить число срочных рейсов пароходов компании «Тигр» и «Евфрат» с 4 до 6, при од-

новременном уменьшении субсидии за один рейс с 50 до 20 тыс. руб.

С мая по июль 1914 г. между правлением РОПиТ и правительственными чиновниками шли дискуссии по поводу пересмотра статей договора. 11 июля Отдел торгового мореплавания направил в российское генеральное консульство в Басре запрос о возможных предложениях, связанных с «улучшением и оживлением наших торговых отношений с Южной Персией и Месопотамией». В ответном письме были представлены ряд пожеланий, среди которых по значимости выделялись следующие. Консульство поддержало мнение Министерства торговли и промышленности (МТиП) об увеличении числа рейсов до 6. Предпочтительное время прибытия судов в Басру было отмечено для первого рейса – первая половина февраля, второго – первая половина апреля, третьего и четвертого – сентябрь (в сезон вывоза фиников), пятого – около 20 октября, шестого – в первых числах декабря. Иным вариантом могло быть для третьего рейса прибытие около 20 августа, когда можно будет забрать паломников для перевозки в Джидду. Наиболее выгодными для РОПиТ отмечались осенние рейсы, менее выгодными – весенние. Пояснялось, что «слишком большое число портов для обязательного захода нередко вредно отражалось на интересах дела», а потому три приморских города – Джибути, Аден и Маскат, можно было бы оставить в разряде «необязательных» для посещения [3]. Для консульства гораздо «более интересными и важными с точки зрения торговых интересов» представлялись Кувейт и Бахрейн. Заходы в эти порты рекомендовались как «обязательные». Вместе с тем, высказывалась и более радикальной предложение: отменить казенную градацию важности портов и наделить РОПиТ правом самому определять необходимость их посещения в зависимости от коммерческих приоритетов. В связи с этим указывалось на возможность продолжить персидскую линию до Карачи и Бомбея [4].

Консульство критически оценивало потенциал пароходов «Тигр» и «Евфрат». Пояснялось, что при глубокой осадке они способны взять в Басре грузов не более двух тысяч тонн, чтобы затем свободно пройти бар реки Шат-Эль-Араб. Остальное количество груза приходилось посылать за бар на арендованных судах, и это влекло дополнительные расходы. Предпочтительными для рейсов в Залив выглядели грузовые пароходы РОПиТ типа «Церера» и «Меркурий». Сомнения вызывали также имеющиеся на пароходах каюты 1 и 2 класса. Лучшим вариантом рассматривались суда, имеющие большее палубное пространство для пассажиров 3 класса. И вообще, высказывалось мнение, что с открытием Багдадской железной дороги пассажирские каюты потеряют «всякие интерес и целесообразность» для путешественников [5].

В числе мер «практического» характера, способных активизировать российскую торговлю в портах Персидского залива, назывались: несменяемость агентов РОПиТ, повышение качества экспортируемых отечественных товаров и недопущение неоправданного роста цен на них, а также открытие русскими фирмами агентств и розничных магазинов в приморских городах. Позиция консульства заключалась в том, что в сохраняющихся проблемах русской торговли в регионе виновата в первую очередь не компания, а «сами наши промышленники, своим нежеланием идти навстречу местным требованиям и отправкой сплошь и рядом товаров, несоответствующих заказам». Подчеркивалось, что изменить ситуацию возможно в первую очередь путем развития промышленности в России и сопутствующим ростом конкуренции среди отечественных предпринимателей. В этом случае они «начнут более интересоваться сбытом своих произведений за границу» [6]. Мнение российского представительства в Басре почти дословно, но в более кратком виде, воспроизвело генеральное консульство в Бушере. В качестве дополнительного здесь прозвучало предложение о понижении таможенных ставок на товары, ввозимые в Россию из Персидского залива, а также открытия в Бушере отделения российского Учетно-Судного банка Персии [7].

С началом Первой мировой войны ситуация с переговорами чиновников и членов правления РОПиТ приобретает более противоречивый характер. 14 августа (еще до вступления Турции в войну) МТиП в ультимативном тоне потребовало от руководства компании пояснить, намерено ли оно в 1915 г. содержать персидскую линию. Одновременно членам правления был направлен проект нового договора о государственно-частном партнерстве, включавший двухсторонние обязательства по семи ключевым позициям. Во-первых, пароходство должно было совершить в 1915 году не менее 6 рейсов. Во-вторых, обязательными для захода судов выступали десять портов: Константинополь, Джидда, Джибути, Аден, Маскат, Бендер-Аббас, Бендер-Линге, Бушер, Мохаммера и Басра. Из российских портов обязательными для посещения в начале рейса объявлялись Херсон, Николаев и Батум. В-третьих, «допустимыми» считались при наличии коммерческой выгоды заходы и в другие отечественные и зарубежные порты. В-четвертых, РОПиТ обязывался поставить на линию необходимое число пароходов грузоподъемностью не менее 6 тыс. тонн каждый, со скоростью хода не менее 10 миль в час, с наличием на судне не менее 30 мест 1 и 2 класса и 150 – 3 класса. Кроме того, на пароходах должны иметься электрическая вентиляция, холодильные камеры, опреснители воды и двойные тенты. В-пятых, фрахты на пе-

ревозку российских товаров должны согласовываться с МТиП. В-шестых, в Бушере и Басре агентами РОПиТ должны назначаться только российские подданные. Седьмым пунктом значилось обязательство правительства выплачивать за каждый из шести рейсов субсидию в 20 тыс. руб., или 120 тыс. руб. в год [8].

Во второй половине августа 1914 г., в условиях сохраняющегося нейтрального статуса Турции, правление РОПиТ предпочло соблюдать выжидательную позицию. Отчасти это объяснялось надеждами получить от российских консульств в Заливе поддержку на предстоящих переговорах с правительством. 6 сентября консульство в Басре отправило в Петербург депешу, в которой деятельность РОПиТ рисовалась в самых положительных тонах (аналогичную по тону записку представило также консульство в Бушере) [9]. Но в этот же день, так и не получив от компании сколько-нибудь определенного ответа, глава Отдела торгового мореплавания МТиП С. П. Веселаго обратился к главе компании А.Е. Молчанову с требованием срочно сообщить позицию правления по правительственному проекту. В противном случае, информировал высокопоставленный чиновник, субсидия в 120 тыс. руб. не будет заложена в государственный бюджет. Крайней датой для согласия РОПиТ было назначено 12 сентября. Накануне этой даты руководство компании решило не усложнять ситуацию и принять правительственный проект. Вместе с тем правление высказало три пожелания: 1. Договор должен иметь долгосрочный характер; 2. Пятый и шестой рейсы должны быть не пассажирскими, а грузовыми; 3. Посещать Херсон, Николаев и Батум пароходы будут только при наличии в этих портах не менее 800 тонн груза для персидской линии. Правительство обязывалось в случае гибели или захвата пароходов противником возместить РОПиТ их балансовую стоимость и сопутствующие убытки [10]. Принципиальных возражений со стороны МТиП на эти предложения не последовало и 30 сентября соответствующее положение Совета министров получило Высочайшее утверждение [11]. 20 декабря правление компании в лице А.Е. Молчанова и Отдел торгового мореплавания, представленный С.П. Веселаго, подписали договор об организации срочных пароходных рейсов в Персидский залив. Последовавшее ранее вступление в войну Турции обусловило дополнительное соглашение, согласно которому выполнение договора откладывалось до времени завершения боевых действий.

В апреле 1915 г. главная контора пароходства в Одессе направила членам правления РОПиТ в Петербурге письмо с изложением своей позиции по вопросу о перспективах функционирования персидской линии в послевоенный период. С одной стороны, было выражено

согласие с основными положениями заключенного договора о государственно-частном партнерстве, в том числе увеличением числа срочных рейсов, при сопутствующем уменьшении правительственной субсидии до 20 тыс. руб. за один рейс. Вместе с тем, критические нотки прозвучали в адрес прежней системы планирования рейсов, с привязкой их к конкретным датам. Пояснилось, что вести судоходство следует «чисто на коммерческих началах, согласуя свои действия с интересами отправителей товаров» [12]. Контора высказалась также в пользу продолжения обязательного захода судов в Аден и Джибути. Первый порт регулярно использовался для пополнения запасов угля и воды, и поэтому представлял особую важность для компании. Кроме того, в Аден доставлялись значительные объемы керосина и муки [13]. Что касается Джибути, то сюда ввозились мука и лесоматериалы, и поэтому «не в интересах нашей отечественной промышленности оставлять этот молодой, но обещающий стать весьма интересным, рынок сбыта русских товаров». По поводу посещения судами Бахрейна и Кувейта было отмечено, что эти порты «имеют пока второстепенное значение, но им предстоит блестящая будущность» с точки зрения ввоза российской промышленной продукции [14].

«Факультативными», то есть по выбору самой компании (при наличии коммерчески выгодных грузов), были также оценены посещения судами Линге, Бендер-Аббаса, Маската, Ходейды, Смирны, Бейрута и Яффы (в три последних порта обязательным порядком заходили пароходы других восточно-средиземноморских линий РО-ПиТ). Иной представлялась значимость Джидды. Констатировалось, что этот порт Хиджаза является «весьма интересным» для компании в плане не только перевозки паломников, но и доставки российских грузов, в первую очередь муки, лесоматериалов и золотоканительных товаров. Наконец, скептически оценивалась, прежде всего с точки зрения конкуренции со стороны иностранных пароходств, возможность плаванья судов до Карачи и Бомбея. С заходами в эти порты контора соглашалась только при рейсах из Одессы, но не в обратном направлении [15].

Подробно главная контора остановилась в своей записке на проблемах, которые в первую очередь требовалось решать вслед за окончанием боевых действий. Предполагалось учредить должность главного агента в Басре или Бушере, смотря по тому, какой из этих портов будет представлять для России «большой интерес после окончания войны» (в качестве примера приводились перспективы будущей деятельности агентств в Константинополе и Херсоне). Важным для развития операций РОПиТ называлось также открытие в портовых городах от-

делений Учетно-Ссудного банка Персии, поскольку кредит «является душой торгового оборота на Востоке вообще и, особенно же в Персии» [16]. В заключение, одесская контора высказалось категорично за пересмотр после войны торговых договоров с Турцией и Персией. Пояснилось, что их условия «не выдерживают никакой критики» [17].

Подводя итог дискуссиям между правительственными чиновниками и владельцами РОПиТ, следует отметить интерес правления компании к внедрению сбалансированной, прежде всего с точки зрения реализуемого государственно-частного партнерства, схемы обслуживания морских рейсов в Персидский залив. Казенная поддержка трансграничных операций представлялась руководству РОПиТ особенно важной, поскольку сопровождалась возможностью обрести дипломатическую поддержку в дополнение к большей доступности правительственных субсидий и долгосрочным контрактам с отечественными и зарубежными клиентами.

Литература и источники

1. Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914 гг. (по материалам Учетно-ссудного банка Персии). Ленинград: Издательство «Наука», 1975. 211 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2685. Л. 44–45; Там же. Д. 2688. Л. 45–46
3. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 68
4. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 69
5. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 69
6. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 70–72
7. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 55–67
8. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 31
9. РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 298. Л. 1–2, 10, 13
10. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 36–37
11. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 40
12. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 80
13. Крючков И.В. Ирак и Аравия во внешней торговле России в конце XIX–начале XX вв. В донесениях российских дипломатов // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 54–61.
14. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 75–77
15. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 80–81
16. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 79
17. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2206. Л. 89

ИМПЕРАТОР И ГВАРДИЯ В РАМКАХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ (ОТ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ К ФЕВРАЛЮ 1917 Г.)

The Emperor and the Guard in the framework of revolutionary events in Russia (from the first Russian Revolution to February 1917)

Аннотация: в статье автор кратко рассматривает некоторые аспекты взаимосвязи императора и гвардии как одной из опоры власти, анализируются вопросы влияния революционных событий в России в период первой русской революции 1905-1907 гг. и событий Февраля 1917 года на гвардию и монарха, а также участие некоторых гвардейских частей в указанных процессах.

Ключевые слова: *гвардия, монархия, император, революция*

Abstract: *in the article, the author briefly examines some aspects of the relationship between the emperor and guard as one of the pillars of power, analyzes the impact of revolutionary events in Russia during the first Russian revolution of 1905-1907 and the events of February 1917 on the guard and the monarch, as well as the participation of some guard units in these processes.*

Keywords: *guard, monarchy, emperor, revolution.*

Многие склонны рассматривать феномен революции, особенно если речь идет о событиях в России 1917 года, как синоним хаоса и повсеместной разрухи. Однако в этих явлениях и процессах, при всей своей трагичности и драматичности, содержалась своя, внутренняя логика, которая нашла свое выражение в трансформации существующей на тот момент социально-политической действительности. Внутри этой трансформации находились государственные институты, все многообразие российского общества, а вместе с ними и российская армия, которая в свою очередь, с 1914 года являлась участницей одной из самых кровопролитных войн в истории. События не обошли стороной и императорскую гвардию, которая, являясь наиболее привилегированной армейской структурой, закономерно находилась в тесной связи с фигурой монарха.

Со времен своего зарождения и становления русская императорская гвардия, в особенности Преображенский и Семеновский полки находились в теснейшей связи с монархом. Эти отношения по выражению исследователя Е.М. Болтуновой носили «личностный характер» [1, с. 175], что выражалось в глубоком погружении монарха не только в служебную деятельность, но и в повседневных отношениях с гвардейцами. Особое внимание престола к своим гвардейцам

приводило к тому, что Петр I был абсолютно уверен в надежности и преданности своих самых ближайших гвардейских полков [1, с. 178]. Первые полки гвардии были не просто совокупностью родственников и приближенных, но представляли собой «широкий круг единомышленников, опоры» для монарха, в определенном смысле становились символом власти. [1, с. 188-189]. В дальнейшем, уже по факту своего рождения, представители мужской линии Дома Романовых, как правило, причислялись к гвардии [9, с. 157].

Таким образом, на заре своего формирования и последующего развития, гвардия находилась в устойчивой связи с престолом. Гвардия являлась опорой и в определенном контексте символом власти монарха. Разрыв этого единения мог иметь глубокие последствия. Особенно серьезной проверкой связи престола и гвардии были периоды революций в России. В этом отношении справедливо утверждение историка Б.И. Колоницкого, что в период глубоких социальных потрясений символы власти воспринимались как сама власть, «борьба за символы становится элементом борьбы за власть» [4, с. 12].

Применительно к событиям первой русской революции 1905-1907 гг., характерный эпизод произошел в лейб-гвардии Преображенском полку. Летом 1906 г. по выражению военного министра А.Ф. Редигера произошел «крупный беспорядок» [6, с. 58-60]. Преображенский полк должен был выступить в Петергоф для охраны находившегося там императора. Охрану монарха осуществляли несколько частей, периодически сменяя друг друга. Когда очередь дошла до «преображенцев», среди солдат полка началось возмущение относительно того, что им придется добираться пешком, а не на поезде. Однако настоящий конфликт произошел, когда полк уже оказался в Петергофе. Солдаты 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка, под воздействием слухов о возможной отправке полка на подавление выступления матросов, а также при очевидном влиянии агитаторов, подготовили документ с рядом требований на имя генерал-майора С.С. Озерова – начальника 1-ой гвардейской дивизии. В итоге 1-ый батальон Преображенского полка был раскассирован, офицеры переведены в другие части, генерал-майор В.С. Гадон, который являлся командиром полка Свиты Его Величества подал в отставку [10].

Во многом эта попытка демарша должна была скомпрометировать и гвардию, и монарха, учитывая уже обозначенную связь между полками и императором. Преображенский полк имел для Николая II личное значение, так как в 1890-е гг. тогда еще цесаревич Николай Александрович проходил службу именно в этом полку. В.Н. Воейков в своих воспоминаниях подчеркивает, что целенаправленно пропаганда

наносила удар именно на те части гвардии, где император в своей время нес строевую службу [2, с. 32]

А.Ф. Редигер, продолжая рассуждать о данном инциденте, уточняет, что в ходе следствия было установлено, что о бунте не было и речи, и налицо недостаточная дисциплина [6, с. 60], но акт подготовки документа с сомнительным содержанием от военнослужащих гвардейской части на фоне происходивших в стране волнений, являлся весьма симптоматичным явлением, которое впоследствии использовали противники самодержавия. Так, например, общественная реакция на это выступление была настолько серьезной, что некоторые революционеры стали использовать «Преображенский марш» [6, с. 60].

Тем не менее, в ходе первой русской революции гвардия в целом сохраняет свою преданность монархии. Более того, лейб-гвардии Семеновский полк во многом стал символом реакции и подавления революции. Как известно, Семеновский полк сыграл одну из главных, если не решающую роль в подавлении вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 года. Уже применительно к событиям 1917 года А.И. Спиридович в своих мемуарах отдаст должное Семеновскому полку указав, что «к несчастью для России во вторую революцию у нас не было... Минов и Риманов» [7, с. 97], отсылая к командиру Семеновского полка Г.А. Мину и командиру 3-го батальона семеновцев Н.К. Риману, принявших самое активное участие в московских событиях декабря 1905 года. Левая пресса сразу окрестила «семеновцев» «душителями революции» [10], а командир полка Г.А. Мин в конечном счете будет убит членом партии эсеров З.В. Коноплянниковой.

И если применительно к событиям первой русской революции гвардия, как в целом и армия (принимая во внимание некоторые антиправительственные выступления, в том числе и на флоте) сохраняют лояльность престолу, то ситуация к 1917 году изменилась весьма существенно.

Стоит отметить, что уже в годы первой мировой войны появляются некоторые признаки «разрыва» между императором и гвардией. Человеком «безвольным и бесцветным» называет императора Николая II на страницах своих воспоминаний офицер Семеновского полка Ю.В. Макаров. Описывая смуту в конце 1914 года, который император делал для Семеновского полка неподалеку от Варшавы, очевидец событий Макаров отметил, что полк не испытал никакого воодушевления при виде монарха, «ура» звучало равнодушно» [5, с. 376-377]. Говоря об отречении императора в 1917 году, автор воспоминаний также употребляет достаточно спокойные выражения, без какой-то ярко выраженной эмоциональной окраски: «без царя не столь неудобно, сколько

непривычно», «никто не горевал, но ходили как потерянные» [5, с. 377].

Трансформация настроений и ценностей внутри императорской гвардии, ее ментальности, происходила на фоне тяжелых условий и боев на фронтах первой мировой войны. Старые гвардейские части понесли серьезные потери в годы войны. Пополнения, которыми старались восполнить потери в полках, формировались в условиях недовольства и очень специфической общественной ситуации, связанной в том числе, например, с военными неудачами, «министерской чехардой», продовольственными и прочими существенными проблемами. Гвардия как защитница престола теряет свое основное предназначение, но во многом не по своей воле, а на волне сложнейших социально-политических процессов.

Ситуация 1917 года примечательна еще и тем, что гвардейские полки как бы состояли из 2 частей, которые можно обозначить как «действующую часть», находившуюся на фронтах первой мировой войны и «запасную часть», которая дислоцировалась в столице, находясь в составе Петроградского военного гарнизона. Исходя из этого можно сказать, что обе эти части функционировали в своих «реальностях», сильно отличавшихся друг от друга. Находившийся на фронте генерал Б.В. Геруа в своих воспоминаниях охарактеризовал обстановку для частей на передовой: «Делать было нечего. Революция шла помимо нас» [3, с. 395].

Запасные части гвардии стали активными участниками революционного процесса. Насколько сложной была ситуация во внутреннем климате запасных частей можно судить по некоторым свидетельствам. А.И. Спиридович, говоря о запасном батальоне лейб-гвардии Павловского полка рисует неприглядную картину: солдаты спят на нарах в несколько ярусов, переполненные помещения и плохая пища [7, с. 113]. Количество офицеров было намного меньше, нежели солдат, систематического воспитания из-за недостатка офицерских кадров по сути не проводилось, прапорщики, прошедшие ускоренную подготовку, явно не пользовались авторитетом у солдатских лидеров. Все это порождало свою логику дальнейших событий, выраженную, например, у историка А.В. Шубина, который подчеркивает, что в феврале 1917 года солдаты действовали самостоятельно, под влиянием своих собственных побуждений, и если подчиняясь, то только тем офицерам, кого считали революционерами, кого могли назвать своими [11, с. 14].

Глубокие кризисные явления повлияли и на связь между императором и его гвардией. Уже после отречения императора в марте 1917

года большинство гвардейских офицеров приняло присягу Временному правительству, хотя наиболее одиозные офицеры покинули свои части [8, с. 12-13]. После свержения монархии гвардейские полки лишились приставки «лейб» в своем наименовании, в них были проведены выборы в полковые комитеты. Однако революционные процессы в февраль-марте 1917 года окончательно не завершились. В каком-то смысле революция только начиналась. Дальнейшие события еще более серьезным образом отразятся на оставшихся частях бывшей императорской гвардии.

Литература и источники

1. Болтунова Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация [Текст] / Екатерина Болтунова ; Российский гос. гуманитарный ун-т. - Москва : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2011. - 350 с.
2. Восейков В.Н. С царем и без царя. - М., 1995.
3. Генерал Геруа: сб. / сост., прим. и коммент. К. А. Пахалюк; предисл. А. Н. Алекаев. — М.: Информационное агентство «Белые воины»; Содружество «Посев», 2018. — 528 с
4. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть : К изучению полит. культуры Рос. революции 1917 г. / Б. И. Колоницкий; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. С.-Петерб. фил. - СПб. : ДБ (Дмитрий Буланин), 2001. — 347 с.
5. *Макаров Ю. В.* Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. — Буэнос-Айрес: Доррего, 1951.
6. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. / Под общей редакцией И. О. Гаркуши и В. А. Золотарева. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999
7. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. Книга III. — 2-е изд. — Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1962. — 315 с.
8. Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Февральской революции /Е.И. Чапкевич // Вопросы истории. - 2002. - № 9. - С. 3-16
9. Чувардин Г.С. Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881-1914 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Чувардин Герман Сергеевич; [Место защиты: Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского]. - Москва, 2017. - 656 с. : ил. + Прил. (215 с.: ил.)
10. Чувардин Г.С. Русская императорская гвардия в событиях революции 1905-1907 гг. // Internet Archive : сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20111103151005/http://www.oiros.org/public/p04/004.htm> (дата обращения: 10.04.2024)
11. Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года – М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014, 452 с.

НРАВСТВЕННЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Moral and material boundaries of charity during the First World War

Аннотация. В статье анализируются нравственные и материальные проблемы, возникшие в развитии благотворительности в годы Первой мировой войны, ставшие препятствиями для осуществления помощи слоям населения, пострадавшим от войны. Делаются выводы о необходимости объединения усилий государства и всех слоев населения, о координации всех форм благотворительной работы для создания системы действенной социальной помощи воинам и членам их семей.

Ключевые слова: *Первая мировая война. Формы и методы благотворительной помощи. Общественное и частное благотворение. Достижения и недостатки. Нравственные и материальные пределы благотворительности.*

Abstract. *The article analyzes the moral and material problems that arose in the development of charity during the First World War; which became obstacles to providing assistance to sections of the population affected by the war. Conclusions are drawn about the need to unite the efforts of the state and all segments of the population, to coordinate all forms of charitable work to create a system of effective social assistance to soldiers and members of their families.*

Keywords: *World War I. Forms and methods of charitable assistance. Public and private charity. Achievements and shortcomings. Moral and material limits of charity.*

Общественная, частная и церковная благотворительность в годы Первой мировой войны достигла своего максимума. В этом в полной мере отразились нравственные мотивы милосердия и проявления духовной атмосферы вокруг социальной помощи раненым и больным воинам, членам их семей и беженцам.

Начало войны ознаменовалось созданием множества новых общественных благотворительных обществ. Особенно большое удивление у современников вызвало быстрое оформление таких мощных общественных объединений, как Всероссийский Земский Союз (ВЗС) и Всероссийский Союз Городов (ВСГ). Городской голова Петрограда граф И.И. Толстой так объяснял в своем дневнике это событие: «Ни Красный Крест, ни военное ведомство не могут почитаться вполне подготовленными для обслуживания ожидаемого колоссального количества раненых и больных и ожидают помощи и содействия городов ... это объясняет ту легкость, с которой правительство согласилось на

учреждение Союза Городов» [6, с. 535].

К 1 ноября 1914 г. во Всероссийский Союз Городов входило 269 городов. Всероссийский Союз Городов, так же, как и Петроградский и Московский Комитеты ВСГ, работал в области помощи больным и раненым воинам в основном на общегосударственные средства. Государство не могло выполнить задачу организации помощи и призрения раненых и больных воинов в полном объеме и вынуждено было обратиться к помощи общественных организаций, которые могли предоставить разветвленный аппарат, людские кадры, способные осуществлять поставленные задачи. Но ни города, ни земства не имели необходимых средств. Достаточно отметить, что весь бюджет русских городов в 1913 г. давал сумму всего около 180 млн. руб.

По подсчетам А.Б. Асташова, на долю ВЗС и ВСГ в сентябре 1916 г., то есть в период максимального размаха краснокрестной деятельности общественных организаций, приходилось 40,5% всего количества госпитальных коек [1, 171].

Свой вклад в милосердную деятельность внесли также те общественные организации, которые существовали и до войны. Этот процесс можно проследить на примере Вольного Экономического общества.

Вольное Экономическое общество было основано 31 октября 1765 г. Главными направлениями его деятельности были, конечно, научно-хозяйственные и политэкономические вопросы. Но в период первой мировой войны члены общества не могли оставаться в стороне от милосердной и благотворительной деятельности, в которой участвовали все слои общества.

По идее А.Я. Яковлева-Богучарского, возник Лазаретный (У1) отдел Особой комиссии Вольного Экономического общества, который открыл общественную подписку на содержание и оборудование лазаретов при обществе. Вольное Экономическое общество развернуло активный сбор пожертвований. Так, на 1 ноября 1915 г. в казну поступило почти 54,5 тыс. руб. Кроме того, от Петроградского комитета Всероссийского Союза Городов было получено более 44,5 тыс. руб. [2, с. 8].

Однако, Обществу пришлось столкнуться с рядом чисто психологических трудностей и особенностей. Так, если в первое время с личным бесплатным трудом дело обстояло хорошо, то уже к лету 1915 г. многое изменилось к худшему: «Люди утомились, стали отходить, по тем или иным причинам отстраняться от работы». Число желающих работать в лазаретах быстро таяло. Эта проблема отмечалась в официальном годовом отчете о работе лазаретов: «Тесное общение

с ранеными, та близость, которая была характерна вначале, отошли в прошлое, и жизнь лазарета носит формальный характер лечебно-заведения». Делалась попытка найти психологическое объяснение этому процессу: «Русские люди горячи и отзывчивы, но в то же время способны скоро утомляться однообразием дела. Слишком широка и размахиста наша натура. Мы слишком любим творить, любим праздники души, а серенькие будни повседневности нас томят» [2, с. 33].

Кроме того, в 1915 г. Комитет столкнулся с проблемой сокращения размеров пожертвований. Причины, о которых сообщали жертвователи, были различными. Так, А.Н. Чеботаревская сообщала 15 октября 1915 г., что «переносит свое участие» в лазарет Деятелей Искусств [3, л.72]. К.И. Штейнигер ссылаясь на «различные обстоятельства и разные мотивы» [3, л.75]. Общество вынуждено было обращаться к жертвователям, которые взяли на себя содержание именных коек, с письмами-напоминаниями следующего содержания: «Милостивый государь! В настоящее время печатается отдельной книжкой годичный отчет о лазаретах Вольного Экономического общества ... В отчете будут поименно перечислены все лица и учреждения, имени которых были открыты кровати с указанием суммы, внесенной на ее содержание. Полагая, что фиксирование недовзноса в печати будет для некоторых жертвователей нежелательно, лазаретный отдел постановил оповестить об этом всех жертвователей» [3, л.7]. Все же лазареты Вольного Экономического общества просуществовали до 1917 г., когда началось массовое прекращение пожертвований. Например, Завадская Н.В. писала из Ялты в начале октября 1917 г.: «С 1 ноября 1914 г. я соержу кровати имени В.Р. Завадского и внесла за три года около 1200 руб. Я могла уделить такую большую сумму из своих очень маленьких средств благодаря тому, что жила с матерью на полном почти ее содержании. Теперь при увеличивающейся с каждым днем дороговизны жизни средств моей матери не хватает на нашу жизнь, и я должна вносить свою долю на наши общие расходы. Вследствие этого я, к большому своему сожалению, принуждена отказаться от содержания учрежденной мною кровати» [3, л.18].

Основой российской благотворительности являлась благотворительность частная. Граница между общественной и частной благотворительностью в России не была четкой, в то же время частная благотворительность – это самостоятельное направление милосердной деятельности, которая имела в России глубокие корни и традиции. Выражалась частная благотворительность в самых разнообразных формах и методах: в сборе пожертвований, учреждении заведений попечительства и призрения, устройстве благотворительных обществ,

союзов взаимопомощи и т.д.

Мотивы к благотворительной деятельности у отдельных частных лиц были самыми различными, но как правило, вытекали из религиозных, нравственных и культурных традиций и установок. Но благотворительные организации постоянно испытывали финансовые трудности. Например, Большеохтинское Общество в 1916 г. даже заложило свои процентные бумаги для получения средств на содержание богадельни и приюта.

Тем не менее, нельзя не отметить тот огромный вклад, который они внесли в дело оказания помощи и поддержки пострадавших от войны. Десятки небольших обществ работали в Петрограде на протяжении всей войны честно, с полной отдачей, поддерживая семьи участников войны, раненых и инвалидов.

Особенно ценным был вклад частной благотворительной инициативы в дело оперативного создания лазаретов для раненых и больных воинов в период, когда была острая нужда в увеличении количества коек в лечебных заведениях столицы. Работали частные лазареты в сложных условиях, испытывая финансовые проблемы, а также недостаток людских ресурсов. Так, главный врач лазарета при Петроградском Вдовьем доме М. Маркевич писал, что за семь месяцев работы персонал не имел ни одного дня отдыха: «Недостаточность сестер милосердия особенно обнаружилась, когда по случаю летнего положения сестры-добровольцы, работавшие в лазарете бесплатно, уехали на дачи и разные курорты» [4, л.25].

В начале войны был максимальный уровень благотворительной инициативы, который был связан с подъемом патриотических настроений в обществе. Но по мере затягивания военных действий и неудач на фронте развитие частной благотворительности наталкивалось на ряд трудностей материального, морального и психологического характера. Без конца эксплуатировать народный патриотизм было невозможно, как материальные, так и нравственные резервы людей к благотворению быстро исчерпывались и обременялись повседневной борьбой за выживание в тылу и на фронте. Так, в официальном отчете о работе лазаретов Вольного экономического общества, расположенных в Петрограде, отмечалось, что если в первое время с бесплатным трудом в лазаретах дело обстояло хорошо, то уже к лету 1915 г. многое изменилось к худшему: «Люди стали отходить, по тем или иным причинам отстраняться от работы» [2, с. 8].

Причины этого кризиса были глубокими и разнообразными. Во-первых, частные благотворительные организации и их проекты были, как правило, небольшими, локальными, с неустойчивым фи-

нансовым положением, если не пользовались поддержкой государственного казначейства, крупных общественных организаций или августейших покровителей. Во-вторых, у них не было информационной поддержки, о них почти ничего не писали в прессе, поэтому размеры пожертвований в адрес таких обществ были крайне малы. В-третьих, деятельность их в конечном счете сводилась к оказанию единовременной помощи отдельным лицам.

По мере обострения социальных противоречий в стране, к 1917 г. русская благотворительность испытывала кризисные явления. Очевидно, что для успешной благотворительной деятельности общества были необходимы не только объединение усилий государства и всех слоев населения, но и коренные преобразования в этом направлении, ориентированные на оказание непрерывной и действенной социальной помощи всем остро нуждающимся в ней воинам и членам их семей.

Литература и источники

1. Асташев А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 171 – 173.
2. Императорское Вольное Экономическое Общество. Годовой отчет по двум лазаретам. Пг., 1916. – 39 с.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1132.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 90. Д. 5.
5. Толстой И.И. Дневник. 1906 – 1916. СПб., 1997. – 735 с.

Е. С. Ширин
E. S. Shirina

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО И СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ МОРСКИХ БИОРЕСУРСОВ

*On the issue of the formation of pre-revolutionary and Soviet legislation
on liability for the smuggling of marine biological resources*

Научный руководитель: профессор кафедры гуманитарных дисциплин
ВФ ДВЮИ МВД России им. И.Ф. Шилова Н.А. Шабельникова, доктор исто-
рических наук, профессор

Аннотация. В статье освещается дореволюционное и советское законодательство на протяжении веков. Приведенные нормативно-правовые акты регулируют и охраняют морские биоресурсы на территории всего государства. Данное законодательство предотвращает попытки контрабанды морских биоресурсов.

Ключевые слова: закон, морские биоресурсы, контрабанда, биосфера, законодательство.

Abstract. The article highlights pre-revolutionary and Soviet legislation over the centuries. These normative legal acts regulate and protect marine biological resources on the territory of the entire state. This legislation prevents attempts to smuggle marine biological resources.

Keywords: law, marine bioresources, smuggling, biological environment, legislation.

Контрабанда, как противоправное деяние, сформировалось к XVIII в., когда государство ограничило импорт зарубежных товаров, наложив на них высокие государственные пошлины. Власти выявили, что «многие владельцы держат гостиные дворы и торгуют тайно». Именно этот факт означал появления в России контрабанды, незаконного перемещения через границу товара [1, с. 3-4].

В XVIII в. впервые нормы о контрабанде были включены в таможенный устав 1755г. Глава 4 «о доносах про утайку от пошлин товаров и как с оными поступать» данного устава регламентировала систему наказаний и поощрений, где в качестве поощрения доносителю отдавали половину конфискованных товаров, беря с него «портовую и внутреннюю пошлину». Эта норма подсознательно заставляла граждан обращать внимания на возможные попытки контрабанды и помогала государственной власти в раскрытии ее.

С принятием Таможенного Устава 1819 г. по европейской торговле произошли изменения в квалификации контрабанды, контрабандой признавались действия по перемещению через границу товаров, помимо таможенных учреждений и через таковые, но без указания о них в грузовых и таможенных документах. Далее такую норму включили в Уложение о наказаниях 1845 г. в разделе о преступлениях против уставов казенных предприятий.

В будущем Таможенный Устав 1857 г. регламентировал и упорядочивал права и обязанности права и обязанности участников внешнеэкономической деятельности. Согласно ст. 538 данного Устава контрабанду определяли не через действия, а через товар, нелегально провозимый или проносимый через границу [6, с. 411].

Помимо Таможенного Устава 1857 г., охрану морских биоресурсов регламентировали и другие нормативно-правовые акты. Принятая инструкция для ревизии Пограничной стражи в 1876 г. подробно регламентировала порядок задержания и доставления контрабандистов и объем умений, навыков и знаний офицеров таможенной охраны об обслуживаемой местности [3, с.35].

В 90-х годах XIX в. предлагалось создать и открыть систему таможенных учреждений во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре, учредить таможенный округ с центром в Благовещенске [4, с.88]. В 1890 г., чтобы смягчить условия введения таможенного обложения в интересах развития торговли предлагалось ввести упрощенный порядок таможенного досмотра по типу Временных правил, были введены в порта Владивостока [2, с.106-113].

Тайный вывоз запрещенных товаров карался конфискацией с наложением денежного взыскания в размере их двойной стоимости, согласно п. 1 ст. 1522 и п. 1 ст. 1524 Таможенного Устава 1892 г. Пункт 2 данных статей говорил о том, что экспортный товар возвращался обратно производителям, взыскания за нарушение таможенных правил стали едиными для европейской и азиатской торговли. Устав определил зону охраны на море и прибрежных водах: три мили от берега признавали таможенной полосой, в пределах которой все суда подлежали таможенному досмотру. При неподчинении требованиям офицерам таможенной охраны разрешалось преследовать судно не только в прибрежных водах, но и в нейтральных. К лицам, занимавшимся контрабандой и не сознавшим в этом преступлении, применялась высылка за 50 верст от 1 до 5 лет.

Несмотря на все вышесказанное, Таможенный Устав различал квалифицированные признаки контрабанды: совершение группой лиц, вооруженными лицами, оказание сопротивления при задержании. За

такие виды контрабанды полагалось тюремное заключение, как мера санкции. Таким образом, предметом контрабанды являлся товар, перемещенный через границу с нарушением соответствующего законодательства.

Первые российские морские таможи на Тихом океане – таможи 1-го класса и 2-го разряда во Владивостоке учредили 23 мая 1901 г., а в 1902 г. были предприняты меры, направленные на организацию таможенных учреждений по тихоокеанскому побережью в Приморской области [ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 20. 1900. Отд. 1. № 18615].

Новые внесения в Таможенный Устав в 1906 г. расширили круг деяний, отнесенных к контрабанде. Теперь к ним стали относиться вывоз за границу или попытка вывоза помимо таможенных учреждений или хотя через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля российских товаров, запрещенных к вывозу за границу. Так же Таможенный Устав имел понятие рецидива контрабанды. Санкция за рецидив контрабанды высылала преступника за 50 верст сроком на 5 лет со штрафом в размере двойной стоимости незаконно вывезенного товара.

В соответствии с уголовным законодательством, а именно ст. 925 и 926 Уложения, контрабанда преступным обществом приравнялась к контрабанде, совершенной для подкупа чиновников и служащих какой-либо части управления [7, с. 358]. В положении о контрабанде от 27 марта 1907 г., давалось новое определение контрабанде. Согласно данному Положению, контрабанда – вывоз за границу или покушение на вывоз мимо таможенных учреждений или таковые, но с сокрытием от таможенного контроля русских товаров, запрещенных к вывозу с оплатой пошлины. Таким образом, контрабанда на морские биоресурсы уже на стадии покушения будет квалифицироваться как преступное деяние.

В 1910 г. было принято перенести нормы ответственности за контрабанду из Таможенного Устава в Таможенное законодательство. Ст. 1045 Устава давала определение понятие контрабанды. Ей признавался вывоз за пределы или покушение на вывоз помимо таможенных учреждений или хотя через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля российских товаров, к вывозу запрещенных или разрешенных с обложением пошлиной [5, с. 93-94].

Существенным фактором роста контрабанды является появление и существования на Дальнем Востоке профессиональных преступных групп, специализирующихся на добычи морских биоресурсов. Вследствие появления проблемы эффективности работы правоохранительных органов, в 1907 г. было принято Положение о контрабанде.

Огромные изменения потерпели уголовное и таможенное законодательство, вследствие перехода советского государства к монополии внешней торговли. В постановлении СНК РСФСР от 29 декабря 1917 г. «О порядке выдачи разрешения на ввоз и вывоз товаров» давалось понятие контрабанды. Определение было формальным и звучало так: «Контрабанда – ввоз и вывоз товаров без разрешения от дела внешней торговли Народного комиссариата торговли и промышленности».

В кризисная экономика страны привела к росту контрабанды. В 1920 г. Совет народных комиссаров принял декрет «О реквизициях и конфискации». Данный нормативно-правовой акт перечислял признаки контрабанды, а именно, сокрытие от таможенного контроля любым образом, или тайное перемещение помимо таможенных учреждений, в том числе пересылка, где одним из видов предмета выступали морские биологические ресурсы.

В 1921 г. была образована Центральная комиссия по борьбе с контрабандой, Реввоенсовета республики и Народного комиссариата внешней торговли, согласно декрету СНК «О борьбе с контрабандой». Далее, в 1924 г. контрабанду регулировал Таможенный Устав, с 1926 г. Уголовный кодекс РСФСР закреплял ответственность признавал контрабанду уголовным преступлением [1]. Спустя 2 года, в 1928 г. Таможенный Кодекс сформулировал детальное определение контрабанды. Принятие ЦИКом СССР общесоюзного закона «Положения о преступлениях государственных» от 25 февраля 1927 г. стало важной вехой в развитии уголовного законодательства, в том числе, и за добычу и вывоз морских биоресурсов.

Таким образом, вышеуказанные нормативно-правовые акты до распада СССР существовали и регулировали контрабанду морских биоресурсов. После прекращения существования СССР и появления на мировой арене нового государства России, законодательная часть продолжала регулировать борьбу с контрабандой по актам СССР. Принятые в середине 1920-х годов законодательные акты СССР длительный период регулировали добычу и вывоз морских биологических ресурсов.

Литература и источники

1. Беляева Н.А., Лаврик Л.А., Ляпустин С.Н., Попенко А.В., Шабельникова Н.А., Щербина Е.М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX в.: монография. – М.: Проспект, 2023. 240 с.
2. Беляева Н.А. Временный таможенный надзор во Владивостоке. 1899–1901 (новые архивные документы по истории таможенного дела) // Таможенная по-

- литика России на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 106–113.
3. Бойко А.И., Родина Л.Ю. Контрабанда: история, социально-экономическое содержание и ответственность: монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 299 с.
 4. Марков Л. Из архива Иркутской таможни // Сибирь. 1984. № 6. С. 76-91.
 5. Свод законов Российской империи. 1910 г. Т. VI. Уставы таможенные. СПб., 1910. С. 93–94.
 6. Таможенное дело России. Сб. документов и материалов. В 3 т. Т. 2. М., 1998. 502 с.
 7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / издано проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886. 918 с.

**«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТОВАРИЩ ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ!» -
ПРЕДСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В
ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

*“Long live Comrade Lenin and Trotsky!” – suicide notes of military
personnel during the Civil War*

Аннотация. Одна из самых жестоких войн привела к негативным изменениям в психическом состоянии ее участников. Изучение предсмертных записок позволяет выяснить истинные мотивы самоубийств. Очевидно, что резкий переход к мирному времени вызывал психологическую травму. Кроме того, в борьбе за продвижение по службе в Красной армии нередко возникали конфликты, в том числе, скрытые, между сослуживцами и командованием.

Ключевые слова: *Гражданская война, суицид, самоубийства военнослужащих, предсмертные записки*

Abstract. *One of the most brutal wars led to negative changes in the mental state of its participants. Studying suicide notes makes it possible to find out the true motives for suicide. Obviously, the abrupt transition to peacetime caused psychological trauma. In addition, in the struggle for promotion in the Red Army, conflicts often arose, including hidden ones, between colleagues and command staff.*

Keywords: *Civil war, suicide, military suicides, suicide notes*

История суицидов среди военнослужащих достаточно изучена. Доктор медицинских наук В. А. Розанов справедливо полагал, что при определенных обстоятельствах, связанных с психологическими и физическими нагрузками, количество самоубийств может возрасть и после войны [1, с. 66]. О влиянии войн на общество писал академик В. И. Жуков [2].

За годы Гражданской войны у многих красных командиров действительно была травмирована психика [3, с. 77]. Архивные документы свидетельствуют о том, что самоубийства среди красноармейцев не были редким явлением. Характерным было то, что в ряде случаев решившие свести счеты с жизнью военнослужащие оставляли предсмертные записки с указанием причин нежелания дальше жить и просьбой сообщить о своей смерти близким.

Источниками для написания статьи послужили два уголовных дела фонда Революционного военного трибунала 8-го стрелкового корпуса «Дело о самоубийстве командира взвода пулеметной команды 7 дивизионной школы Иванова Андрея Семеновича» и «Дело об убийстве гражданки Счастной Дарьи Макаровны и самоубийстве

красноармейца 2 батареи 7-й дивизии Шаповалова Михаила». Оба случая произошли в Чернигове и Полтаве. В уголовных делах подшиты предсмертные записки и фотографии. Орфография и пунктуация в приведенных источниках даны без изменений.

8 сентября 1920 г. в Полтаве застрелился командир взвода пулеметной команды дивизионной школы № 7 А. С. Иванов. Осмотр места происшествия показал: «Труп покойного лежит в полусогнутом состоянии в сенцах квартиры, между дверями сеней и входных дверей в квартиру, на правом боку, лицом книзу. Обе руки полусогнуты у груди. Одет покойный в защитного цвета гимнастерку, из темно-красной материи брюках, босой, под верхней одеждой находится белая нательная рубаша и такие же кальсоны. Одежда в области груди помарана кровью. Близ покойного в расстоянии пол аршина, на полу, лежал револьвер системы «наган» с тремя патронами в нем... После смерти своей покойный оставил прощальное письмо, писанное его собственной рукой по характеру кончить жизнь самоубийством» [4, л. 1а].

Из текста «Прощального письма»: «Дорогие Товарищи! Прослужа Советской власти более шести лет, я служил честно и не думал изменять ей никогда. Вся беда моя в том, что придя с Польского фронта, заболел душевно и не мог перебороть эту болезнь. У меня всегда трещала голова, глаза, грудь болела невыносимо. При походе я делаюсь сам себе не выносив, так как слишком слаб на ноги. наших врачей надо еще учить и учить, не умеют определять психологическую сторону человека... Абсолютно болен... Я ожидал 1 октября домой уехать. Но этот золотопогонник негодяй Мочалов, которому я написал рапорт, дабы он отправил меня, не захотел даже упомянуть... Но в то же время однажды я спросил, какие должны быть мишени для стрельбы. Он ответил, что не знает. А посмотрите, какую он составил программу на первую неделю из пулеметов, он целиком взял из программы главкома, а на последующие дни ничего. Я просил его дать мне, вернее написать, программу, но он до сих пор давал [тем], с которыми я мало был знаком.... Но в общем... Да здравствует Советская власть, да здравствует Коммунистическая партия, носительница свободы всему миру! Да здравствует товарищ Ленин и Троцкий! Вещи и все мои документы прошу отослать по нижеследующему адресу: село Рождественское Стебельской волости Воронежской губернии. Я не получаю из дома писем более, чем 4 года, а в отпуску не был ни разу, но думаю, что кто-нибудь да есть в живых. Ужасно сердце болит, а больше всего внутренности. Горячий привет тебе, дорогой друг... Прощайте, дорогой комсостав 19-го стрелкового полка. У товарищей курсантов прошу прощения за свою грубость» [4, л. 1а].

Как видно из документа, командир Иванов страдал психическим расстройством, о чем он прямо говорит в предсмертной записке. Его душевные переживания связаны с затянувшейся службой, вследствие чего он не имел возможности побывать на родине, и даже не знает, живы ли его близкие. Из содержания также следует, что у Иванова был конфликт с неким Мочаловым, которого он называет «золотопогонником», очевидно, офицером, перешедшим на сторону Красной армии. Не в силах терпеть физические и моральные страдания, Иванов до последних минут своей жизни остается преданным Советской власти и, как добропорядочный человек, просит прощения у «товарищей курсантов».

Еще один случай произошел в Чернигове. Здесь красноармеец Михаил Шаповалов сначала убил свою возлюбленную Дарью Счастную, а затем попытался совершить самоубийство.

23 сентября 1924 г. начальник Батуринской районной милиции Г. А. Бакуревич произвел осмотр места происшествия: «Труп Счастной одет в темное платье и черные полуботинки. На шее имеется ожерелье из зеленоватых камней... При оказании медицинской помощи Шаповалову пульс был замедлен, затем резко участился. Через 2–3 минуты после последнего осмотра у раненого внезапно произошла остановка сердечной деятельности – пульс отсутствовал. На столе, в комнате убитых лежали блокнот и три записки, выражающие причину убийства и наган» [4, л. 3].

Шаповалов оставил три записки, из которых следует, что причиной убийства и самоубийства стали его личные переживания из-за несчастной любви. Перед тем как застрелиться, Шаповалов изложил последнюю свою просьбу сообщить о его смерти близким. В конце записки, как и в предыдущем документе, самоубийца прославляет Л. Д. Троцкого: «Дорогие товарищи, и командиры и красноармейцы! Похороните меня вместе с Дашкой, которую я любил, из-за которой я свою жизнь положил. Да здравствует Красная армия, в которой я прослужил 5 лет, и да здравствует вождь ее товарищ Троцкий, который у меня на груди!» [5, л. 11, 11 об.].

Из текста второй записки: «В городской комитет в казарму артиллерии Федору Гриню. Дорогой товарищ! Как только получишь эту бумажку, то немедленно напиши до меня домой письмо, чтоб знали, что меня нет на свете живого. Напиши, что я застрелился сам и застрелил свою любимую Дашку» [5, л. 11, 11 об.].

Третья записка: «Товарищи! Кто найдет это письмо, прошу передать в лагерь артиллерии. Последний я день, последние часы доживаю, я здесь из этих ... сапог, из-за этой проклятой любви я поги-

баю как птица в лесу, не знают родные, что здесь я помру. Товарищи красноармейцы! Прошу вас не забудьте написать и послать письмо до моих родных и напишите, что меня в живых нет. Если вы не знаете моего адреса, то передайте товарищу Гриню» [5, л. 12.].

Материалы уголовного дела раскрывают подробности запутанной, полной драматизма истории. Недостаток фактов позволяет лишь предположить, что именно послужило мотивом преступления. На момент знакомства с Шаповаловым Счастливая состояла в браке и, по словам соседей, часто изменяла мужу. Очевидно, что семейная жизнь не сложилась. О сложных взаимоотношениях между супругами мы узнаем из предсмертной записки Дарьи своему супругу: «Вася, последний тебе мой поцелуй. Вася, ты всегда собирался меня бросать, ну пока ты меня бросишь, так я тебя уже бросила» [5, л. 13, 13 об.].

На обратной стороне записки едва можно разобрать, что перед смертью Дарья успела заплатить за жилье и чтобы ее муж об этом не беспокоился.

По данному делу проходил свидетель И. С. Седой, у которого супруги снимали комнату. Из его показаний узнаем некоторые детали: «В моем собственном доме была квартира внаем Счастливым и его женой. Квартира состояла из одной отдельной комнаты. Супруги жили хорошо, никогда не ссорясь. Сама же Дарья часто изменяла своему мужу Василию, приглашала к себе на квартиру красноармейцев. В числе любовников был красноармеец Шаповалов Тит, а называл он себя Михаилом. 23 сентября он пришел к моей квартирантке Счастливой Дарье, муж которой поехал в командировку. Придя к ней, Шаповалов пригласил ее в сад, где они о чем-то беседовали и что-то писали. Я видел, как Шаповалов Тит лежал на траве, имея скверный наружный вид и, смотря на небо, о чем-то мечтал. Через некоторое время Шаповалов и Счастливая пошли в комнату свою и заперли дверь за собой на крючок. Я постучался в комнату, взял необходимую для меня скамеечку и затем пошел во двор. После этого через минут пять раздались три выстрела. Я, жена моя и бывшая в хате у нас Загорулько Анна побежали к двери комнаты, которая уже была открыта и увидели убитых на кровати» [5, л. 4].

Возможно, поведение Счастливой вызвало ревность Шаповалова. Очевидно, что предсмертную записку она написала под его давлением и затем позволила себя убить, покорно согласившись для этого пройти с ним в дом. Возможно, убийце каким-то образом удалось заманить Счастливую. Ведь никаких криков о помощи не было. Как бы то ни было, убийство было спланировано заранее.

Все три записки были написаны разным почерком одним и тем же

карандашом. Судя по количеству орфографических ошибок, потерпевшая была неграмотная, не старше 20 лет.

Причины сведения счетов с жизнью в годы Гражданской войны среди гражданского населения также имели место и могли быть самыми разными: одиночество, безысходность, разочарование в жизни и отсутствие перспектив вследствие неустойчивости власти, неизлечимая болезнь. В архивных документах встречается так называемая «романтическая» причина самоубийства, когда двое влюбленных не могли быть вместе по причине нахождения в браке одного из них. Как и в случае с военнослужащими, оставление предсмертных записок – своего рода посыл, желание, чтобы об их несчастной жизни узнали другие. Объем содержания записок был разным. Иногда записка была не одна, а несколько, то есть разным адресатам.

Система жизненных ценностей за годы Гражданской войны претерпела изменения. Зачастую те, кто решили свести счеты с жизнью, искали для этого повод. Воспринимали сложившуюся после войны ситуацию как тупиковую, несмотря на то, что, казалось бы, Красная армия одержала победу над контрреволюцией, власть рабочих и крестьян установилась, и можно, наконец, начать жизнь в свободном государстве.

Литература и источники

1. Розанов В. А. Самоубийства в Вооруженных силах –суицидологический анализ // Суицидология. – 2020. – Т. 11, № 4(41). – С. 56-75. – DOI 10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-56-75.
2. Жуков В. И. Социальный НАБАТ // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 9(72). С. 6-30.
3. Бушуева Т. С. Общественные настроения в Красной армии. 1920-е – 1934 г. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. – 444 с.
4. Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 24442. Оп. 3. Д. 605.
5. Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 24442. Оп. 3. Д. 611.

*М. А. Ильченко
М. А. Ilchenko*

ПРАВСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ ИСТОРИКА В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛИЙ НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОСТИ И СУДЬБЫ А.В. КОЛЧАКА

The moral boundaries of the historian in the study of historical personalities on the example of the personality and fate of A.V. Kolchak

Аннотация. В статье предпринята попытка обозначить основные проблемы научных исследований, тематика которых связана с жизнью и деятельностью исторических персоналий. Особое внимание уделено соблюдению нравственных границ и моральной этики историка при изучении материала, содержащего личные биографические данные известных личностей, в частности, наиболее противоречивых и неординарных фигур, таких, как адмирал, бывший Верховный Правитель России в период Гражданской войны – А.В. Колчак.

Ключевые слова: *А.В. Колчак, Гражданская война в России, «колчаковщина», исследования исторических персоналий, нравственные границы историка, беспристрастность исследователя.*

Abstract. *The article attempts to identify the main problems of scientific research, the subject of which is related to the life and work of historical figures. Special attention is paid to the observance of moral boundaries and moral ethics of the historian when studying the material containing personal biographical data of famous personalities, in particular, the most controversial and extraordinary figures, such as Admiral, the former Supreme Ruler of Russia during the Civil War – A.V. Kolchak.*

Keywords: *A.V. Kolchak, The Civil War in Russia, “kolchakovshchina”, studies of historical personalities, the moral boundaries of the historian, the impartiality of the researcher.*

*«История — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской»
(Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986).*

Анализ роли личностей в разных ситуациях исходит из идеи, что историческая роль личности может колебаться от незаметной до громаднейшей в зависимости от самых разных условий и обстоятельств, а также от особенностей исследуемого места, времени и индивидуальных черт личности. Учет того, какие моменты, когда и как воздействуют на роль личностей, позволяет рассматривать эту проблему наиболее полно и системно, а также моделировать разные ситуации [1, с. 175–193].

Поэтому, при реконструкции деятельности исторических персоналий, оценки поведения и понимания их жизненной картины мира, необходимо изменение масштабов исследований, отношения к источникам личного происхождения, а также морально-этических подходов самого исследователя и его беспристрастности. В частности, историк, опираясь на принцип корректности и деликатности в оценке фактов, полученных при изучении биографии рассматриваемой личности, сможет следовать установке нравственных границ — не использовать, к примеру, добытых сенсационных сведений без тщательной их проверки, смакования интимных подробностей из жизни. Разумеется, история относится к наукам нравственным, и элиминировать полностью собственную оценку предмета своих изысканий историкам не дано. Но они способны в какой-то мере контролировать свою научную позицию [2, с. 1].

Несомненно, что каждый профессиональный исследователь, старается соблюдать определенные стандарты и нормы, изучает, пробует понять и проникнуть в «потаянные уголки сознания» исследуемой личности, ориентируясь на дух и контекст эпохи, в которой та осуществляла свою деятельность. Однако, главной среди обсуждаемых методологических проблем биографии как жанра исторического исследования была и остается проблема взаимодействия этих двух субъектов: с одной стороны, «герой биографии, вписанный в свое время и неразрывно связанный с ним, с другой — автор, биограф, испытывающий столь же глубокую и разностороннюю зависимость от своей эпохи, своего времени. Это диалектическое противоречие и определяет особенности жанра биографии. В биографии как ни в каком ином жанре автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя — и особенности, и требования, и сущность своего времени» [3, с. 86].

Рассказ о жизни человека всегда основан не столько на последовательном описании событий, сколько на интерпретации, объяснении и понимании истории личности. Но именно поэтому любая интерпретация содержит опасность преувеличения роли тех или иных событий, влияния отдельных лиц на судьбу человека. Тем более, в последние годы возникла мода на весь комплекс биографического жанра. Публикуются различные варианты биографий знаменитых людей, мемуары, переписка, дневники. «Желтая пресса» для описания жизни знаменитостей нередко использует недостоверные сведения, сплетни, анекдоты, искажающие реальный облик человека. Поэтому, некоторые самые скептически настроенные историки называют такие исследования «биографической иллюзией» и историческим вымыслом [4,

с. 6-10].

Современная историческая наука отличается от всех исторических исследований предшествующих эпох еще и тем, что она развивается в новом информационном пространстве, заимствуя из него свои методы и оказывая определенное влияние на его формирование. И на данном этапе развития обозначилась тенденция повышенного интереса к жизни и творчеству деятелей истории, которые были незаслуженно забыты или рассмотрены под влиянием идеологической конъюнктуры, что в свою очередь, привело к наложению соответствующих штампов и необъективности. Ярким примером, иллюстрирующим такое влияние эпохи на характер исторических работ и подходов, а также формирование оценок по принципу «черно-белых» тонов, исходя из государственной позиции, безусловно можно обозначить советский историографический период.

Особенно, вышеупомянутая проблема наблюдается при попытках пересмотра грандиозных, трагических событий Великой Российской революции 1917 года и Гражданской войны в истории нашей страны. Следовательно, через исследование жизни и деятельности исторических личностей, которые в данный переломный момент эпохи занимали руководящие государственные посты, обладали властью и реальной возможностью оказывать влияние на ход исторических событий.

Примерно до второй половины 1980-х годов изучение истории по указанной тематике в нашей стране осуществлялось, главным образом для того, чтобы обосновать закономерность поражения антибольшевистского движения, доказать историческую неизбежность победы советской власти, социализма и конечно те, кто находился по другую сторону баррикад упоминались только в контексте «врагов», предателей, реакционеров и т.д. Одним из таких «клишированных деятелей», который на заре своего жизненного пути был широко признан общественностью, но был вытеснен с исторического небосклона советской наукой являлся адмирал Александр Васильевич Колчак (1874-1920 гг.).

Он известен как лидер антибольшевистского движения в качестве Верховного правителя России и символ объединения всех белых вооруженных формирований, ведущих борьбу с советской властью. Его личность, и связанные с ней события, представляются во многом неоднозначными, противоречивыми и трагическими, поэтому и вызывают повышенный интерес среди большого количества современных исследователей, публицистов и простых граждан.

Первые упоминания об А.В. Колчаке в советской историографии появились сразу после окончания Гражданской войны. Они носили негативный оттенок, характеризуя его как врага народа и иностранно-

го агента, а его контрреволюционное движение называли *колчаковщиной* или буржуазным правительством [5, с. 241]. Согласно, советской исторической энциклопедии «*колчаковщина*» — белогвардейский режим, установленный А.В. Колчаком в Сибири, на Дальнем Востоке и Урале в годы Гражданской войны 1918-20 гг. [6, с. 547-548]

Обозначенный выше термин на долгие годы закрепился как в научном, так и в общественном сознании, при этом полностью обезличив саму фигуру адмирала, лишая его каких-либо положительных качеств, и не упоминая прежних заслуг вне контекста антиреволюционной полемики. Советские авторы, оценивая деятельность А.В. Колчака, не углублялись в ее сущность и не заостряли внимание на рассмотрение его как исторической личности. Даже в названии статей и книг сразу можно усмотреть отрицательные установки авторов, например, «Развал Колчаковщины», статья «К истории разгрома вооруженных сил Колчака», «Последние дни Колчаковщины» [7, с. 51 -80; 8, с. 55-91; 9, с. 231] и т.д.

Исключения составляют работа А.П. Платонова «Черноморский флот в Революции 1917 г. и адмирал Колчак», в которой автор, как идеологический противник А.В. Колчака пытается, с одной стороны, принизить его роль в управлении флотом, а с другой, приводит важные, порой нигде не встречающиеся данные о военно-политической деятельности адмирала в этот период [10] и особенно ценный исторический источник — допрос А.В. Колчака под ред. Попова, опубликованный в 1925 году, содержащий в себе достоверные факты из жизни адмирала, записанные с его слов [11].

Во второй половине 1930-х гг. по начало 1950-х гг., в результате утверждения культа личности И.В. Сталина, существенно сократилось число работ как по теме Гражданской войны, так и упоминаний о А.В. Колчаке. Это объясняется закрытостью многих архивных фондов для исследователей, а также утверждением концепции истории ВКП (б) и формационного подхода в изучении истории. Авторы работ данного периода – это политические деятели, журналисты, писатели, историки, для которых А.В. Колчак являлся абстрактной фигурой и ассоциировался исключительно с режимом собственного правления [12, 13]. До периода «Перестройки» и введения в научный оборот новых источников, попыток переосмысления выше указанных событий не происходило.

Таким образом, весь советский историографический пласт работ, практически в течении 60-ти лет создавал определенный образ «белого злодея», которого доблестно победила советская власть. Стоит отметить, что и в наши дни исследования, касающиеся А.В. Колча-

ка, не лишены таких оценок, и находится много сторонников данного подхода. Хотя существует и другая крайность, связанная с прямо противоположной оценкой и «очарованностью» исследователей фигурой адмирала, а также популяризации тематики, теперь уже «Белого движения».

В контексте вышесказанного, необходимо подчеркнуть, что перед современным историком стоит непростая задача в отделении «зерен от плевел», сохранении нравственных границ и стремлении к беспристрастности в изложении исторических фактов, опираясь на первозданность информации из источников, не сенсационных, а вызывающих научное доверие [14, с. 676-688].

Литература и источники

1. Гринин Л.Е. Роль личности в истории: история и теория вопроса // *Философия и общество*, 2011. №4. С. 175–193.
2. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
3. Павлова Т.А. Психологическое и социальное в исторической биографии // *Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации*. М., 1995. С. 86.
4. Иконникова С.Н. Биографика как часть исторической культурологии // *Вестник СПбГУКИ*. 2012. № 2 (11) июнь. С. 6-10.
5. Ленин В.И. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 39: Июнь - декабрь 1919. С. 241.
6. Советская историческая энциклопедия в 16 томах / гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1961-1976. Т.7. С.547-548.
7. Развал Колчаковщины (из дневника В.Н. Пепеляева) // «Красный Архив». М., 1928. Т. 31. С. 51 – 80.
8. К истории разгрома вооруженных сил Колчака. с предисл. Л. Андреева // «Красный архив». М., 1931. Т. 49. С. 55-91.
9. Последние дни колчаковщины: [сборник документов] / Центрархив; мат. подгот. к печати М.М. Константиновым; с приложением статьи А.А. Ширямова. М., Л.: Государственное издательство, 1926. 231 с.
10. Платонов А.П. Черноморский флот в Революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л.: [Б. и.], 1925. 96 с.
11. Допрос Колчака / Центрархив; под ред. и с предисл. К.А. Попова. Л.: Гос. изд-во, 1925. 232 с.
12. Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного Фронта и Разгром Колчака (1919 г.). М: Воениздат МВС СССР, 1949. 136 с.
13. Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957. 296 с.
14. Ипполитов Г.М. Объективность исторических исследований. Достижима ли она? Дискуссионные заметки // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2006. Т. 8. № 3. (июль — сент.). С. 676–688.

ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ГРАНИЦ И ТЕРРИТОРИЙ ЮЖНОГО КАВКАЗА В 20-Е ГГ. XX ВЕКА

*The problem of changing the borders and territories of the South
Caucasus in the 20s XX century*

Аннотация. В статье кратко анализируются проблемы, связанные с размежеванием границ Южного Кавказа в 20-е годы XX столетия. Раскрываются противоречия, связанные с войной Турции против Армении в 1920 г. и процессом советизации южно-кавказского региона. Дана оценка роли Договора 1921 г. между Турцией и РСФСР в установлении границ и территорий в регионе.

Ключевые слова: *Северский договор, Республика Армения, Азербайджанская Советская республика, контроль над Закавказьем, Карсский договор, Александропольский мирный договор, Московский договор о дружбе и братстве, Армянская советская социалистическая республика*

Abstract. *The article briefly analyzes the problems associated with the delimitation of the borders of the South Caucasus in the 20s of the 20th century. The contradictions associated with Turkey's war against Armenia in 1920 and the process of Sovietization of the South Caucasus region are revealed. An assessment is made of the role of the 1921 Treaty between Turkey and the RSFSR in establishing borders and territories in the region.*

Keywords: *Treaty of Sèvres, Republic of Armenia, Azerbaijan Soviet Republic, control over Transcaucasia, Treaty of Kars, Treaty of Alexandropol, Moscow Treaty of Friendship and Brotherhood, Armenian Soviet Socialist Republic*

Глобальное изменение границ России в XX веке связано с крушением Российской империи в 1917 г. после февральской буржуазно-демократической революции и отречении последнего царя династии Романовых Николая II. В стране резко усиливаются национальные движения, происходит распад Российской империи.

3 марта 1918 года советским государством был подписан мирный Брест-Литовский договор с государствами Четвертного союза.

После заключения этого договора крайне напряженное положение сложилось в Закавказье. В ходе военных действий на Кавказском фронте в Первую мировую войну русская армия под командованием генерала Н. Н. Юденича добилась значительных успехов, перенесла военные действия вглубь турецкой территории. В мае 1918 г. в Закавказье возникли независимые республики Грузия, Армения и Азербайджан.

Воспользовавшись развалом русской армии, Османская империя вынудила их сделать территориальные уступки, превосходящие усло-

вия Брестского мирного договора. Летом 1918 г. Турция подписала с Закавказскими республиками мирный договор, согласно которому к ней отходила Нахичевань и некоторые территории Армении и Грузии.

После поражения держав Четвертного союза к концу 1918 г. Турция вынуждена была вывезти свои войска из Армении и Азербайджана, Германия вывела свои войска из Грузии.

В апреле 1920 г., после обращения турецкого лидера М. Кемаля к В. И. Ленину, начинается турецко-российское сближение. Россия первой в мире признает новое турецкое правительство и начинает поставки оружия в эту страну.

В этот момент Турция находилась в критическом положении. 10 августа 1920 г. был подписан унижительный Севрский Договор между Османской империей с одной стороны и Францией, Британской империей, Японской империей, Королевством Италия, Королевством Бельгия, Королевством Хиджаз, Королевством Румыния, Королевством Югославия, Первой Чехословацкой Республикой, Польской Республикой, Португальской Республикой, Королевством Греция и Республикой Армения, с другой стороны.

Согласно этому договору, который так и не вступил в законную силу, Республике Армения возвращались обширные территории Западной Армении. Кроме того, Республика Армения должна была получить компенсацию в размере 19 миллиард золотых франков [1, с.94-102].

Турция, защищая свою территориальную целостность, свой национальный суверенитет отвергла условия Севрского договора.

Затем с этой же целью она начинает военные действия против Греции и Армении, стремясь вернуть заселенные турками территории, отошедшие к этим страна. 24 сентября 1920 г. столкновение между дашнакскими и турецкими войсками в районах Кетек и Бардиз развязало армяно-турецкую войну [2 с.143].

В этот судьбоносный момент помощь пришла из России. В.И. Ленин, движимый идеей мировой революции, усмотрел в преобразованиях начатых М. Кемалем, зачатки социализма. Кроме того, М. Кемаль обещал содействовать созданию коммунистической партии в Турции.

Армянское правительство в борьбе с Турцией и Азербайджаном рассчитывало на внешнюю поддержку. Советская сторона давала понять Армении, что она должна укреплять свою обороноспособность и проявлять решительность в борьбе с внутренними и внешними врагами. Известно, что И.В. Сталин советовал Г.К. Орджоникидзе поддерживать Азербайджан [3, с.524). Это было связано во многом с тем, что в Азербайджане к тому времени была установлена советская власть.

В знак признательности Турция с пониманием отнеслась к стремлению России установить контроль над Закавказьем. Это было подтверждено в ходе двухсторонних переговоров, проходивших в июле-августе 1920 г.

В апреле 1920 г. части Красной армии были введены в Азербайджан, перед этим были проведены консультации с руководством Грузинской республики, которой пообещали удовлетворить ее территориальные претензии к Азербайджану, если Грузия не будет мешать советизации Азербайджана.

В ноябре 1920 г. турецкая армия разгромила армянские войска и заняла Карс, восстановив русско-турецкую границу 1877 г.

В результате в декабре 1920 г. между турецким и армянским правительствами был заключен унижительный для Армении Александропольский мирный договор, по которому территория Армении сокращалась до областей Еревана и озера Севан, а само государство становилось протекторатом Турции [4, с.52-53]. Фактически Армения лишилась суверенитета.

К 1921 г. политическая ситуация на Кавказе меняется в связи с тем, что Красная Армия одерживает победу в Гражданской войне. Красная Армия пришла на помощь Армении, остановив Турцию, т.к. ее действия уже стали приобретать империалистический характер. Активное вмешательство в этот конфликт Советской России не позволило Турции воспользоваться результатами Александропольского договора. Красная армия вступила на территорию Армении. Под влиянием советской России правительство дашнаков в Армении ушло в отставку. Республика Армении была ликвидирована 2 декабря 1920 г., в результате в ноябре 1920 г. была образована Армянская ССР.

В Армении была установлена советская власть. Александропольский мирный договор был аннулирован [4, с.52-53]. Москва спасла Армению от полного уничтожения кемалистами. Это также способствовало смягчению позиции Азербайджана в территориальных спорах с Арменией.

В феврале 1921 г. Красная армия разгромила войска меньшевистского правительства Ноя Жордания в Грузии, после чего там была также установлена советская власть, а Великобритания вынуждена была вывести свои войска из района Батума.

16 марта 1921 года Советская Россия, заключив с Турцией договор «о дружбе и братстве», помогла ей избавиться от позорных условий Севрского мирного договора. Поскольку Турция стала ситуативным союзником Советской России, в ее состав Россия вернула Карс, Ардаган и Сурмалинский уезд с горой Арарат. Турция по итогам дого-

вора передала только что провозглашенной Грузинской ССР Батум, вернула Армянской ССР Александрополь (нынешний Гюмри), а Азербайджанской ССР – Нахичевань. По условиям договора предусматривалось оказание значительной материальной помощи правительству Турции, в первую очередь деньгами и оружием.

В связи с заключением Московского договора 1921 г., державы Антанты отказались от ратификации подписанного всеми Севрского мирного договора.

Говоря о Московском договоре, следует определить, почему Советская страна, желая установления дружественных отношений с Армянской республикой, одновременно поддерживала и турецкое правительство в борьбе страны за освобождение и сохранение территорий.

Во-первых, Россия и не могла оказать жесткое давление на Турцию, т.к. не имела достаточных ни военных, ни политических сил для противостояния Турции.

Кроме того, установление дружественных отношений с Турцией соответствовало господствующим в то время идеологическим установкам. Российская власть считала, что это шанс для установления в Турции социалистического строя. Это было частью ее восточной политики – поддержка Турции как центра распространения мировой революции на Востоке. Мустафа Кемаль убедил руководство в Москве о возможности социалистической революции в Турции, которая сможет зажечь Восток.

Нельзя не отметить и тот факт, что Турция становилась важным союзником России в противостоянии с Антантой. В.И. Ленин стремился не допустить союза Турции с Великобританией.

Также В.И. Ленин считал, что союз с Турцией позволит быстрее провести советизацию Кавказа, а также установлению контроля в Причерноморье.

Можно еще отметить и важность для РСФСР Батума, который был портовым городом и имел ключевое стратегическое значение.

Для устранения противоречий между Турцией и Армянской, Азербайджанской и Грузинской советскими социалистическими республиками 13 октября 1921 года в г. Карс был подписан аналогичный Московскому Договор между республиками и Турцией, в котором РСФСР выступила посредником. Договор подтвердил основные положения Московского Договора. Таким образом, новое разграничение в Закавказье получило полное международное оформление [4, с.257].

Значение заключенных договоров состояло в том, что они избавляли Кавказский регион от кровопролитных войн, помогли восстановиться республикам после Первой мировой и Гражданской войн,

заложили предпосылки развитию добрососедских отношений. Закавказские республики стали совместно с РСФСР решать свои социальные-политические и экономические проблемы.

Позднее в 1945 году, со стороны с грузинской общественности была предпринята попытка инициировать пересмотр этого договора, как неравноправного и заключенного под давлением. И.В. Сталин предлагал туркам вернуть СССР территории в Карской области, юга Батумской области и в Сурмалинском уезде, чтобы впоследствии разделить между Грузией и Арменией. Однако это не увенчалось успехом, в защиту интересов Турции выступили США. После смерти И.В. Сталина 30 мая 1953 года, МИД СССР в особой ноте отказалось от территориальных претензий к Турции и требований по проливам. Было объявлено: «правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции» [5, с.113].

Литература и источники

1. Азатян Г. Г. Судьбоносные договора: [Армения в дипломат. док.] Ереван: изд-во НАН РА. 2002. С. 110.
2. Кузнецова С.И. Крах турецкой интервенции в Закавказье 1920-1921 гг. // Вопросы истории. № 9. 1951. С. 143-156.
3. Нагорный Карабах 1918-1923 гг. / Сб. документов и материалов под ред. Микаелян В.А. Ереван: изд-во НАН РА. 1992. С. 755.
4. Акопян А. Советская Армения в Московских и Карских договорах. Ереван: изд-ва НАН РА. 2010. С. 368.
5. Широкопад А.Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет: изд-во АСТ. 2009. С. 655.

Н. К. Гуркина
А. Б. Гуркин
N. K. Gurkina
A. B. Gurkin

«ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ»
(ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО 30-Х ГОДОВ О ГРАНИЦЕ И
ПОГРАНИЧНИКАХ)

«The border at the castle»
(literature and art of the 30s about the border and border guards)

Аннотация. В 30-е годы в СССР теме государственной безопасности, защиты государственной границы уделялось значительное внимание в идеологической и культурной работе. «Пограничная» тема получила широкое освещение в литературе и искусстве, особенно в кинематографе. Образы героев-пограничников заняли свое место среди первооткрывателей, создателей, защитников молодой страны и способствовали патриотическому воспитанию народа накануне войны.

Ключевые слова: граница, пограничник, литература, поэзия, песенное творчество, кинематограф

Abstract. In the 30s in the USSR, the topic of state security and protection of the state border was given considerable attention in ideological and cultural work. The "borderline" theme has received wide coverage in literature and art, especially in cinematography. The images of the heroes of the border guards took their place among the discoverers, creators, defenders of the young country and contributed to the patriotic education of the people on the eve of the war.

Keywords: border, border guard, literature, poetry, songwriting, cinematography

Понятия «родина», «родная земля» являются важнейшими доминантами в формировании культурно-национальной идентичности народа. Важнейшее место в этом процессе занимает такая символическая вещь как граница. Для российской цивилизации, развивавшейся на протяжении веков в бесконечных войнах и нашествиях, границы государства (своей территории) приобретали особый смысл. В современной России наряду с другими профессиональными военными праздниками отмечается 28 мая – день пограничника. Праздник был введен в календарь в 1958г. в память о принятом в этот день в 1918г. декрете Совета народных комиссаров РСФСР об учреждении Пограничной охраны границы республики. Этот праздник, как и другие военные даты, объединяет вне зависимости от гражданской специальности всех мужчин страны, исполнивших свой государственный долг – службу в вооруженных силах, напоминает о родных и близких (в нашей семье день пограничника традиционно отмечается в память об

отце мужа – начальнике пограничной заставы в Советской Эстонии), является символом памяти и уважения народа к своей армии, к истории своей страны.

Самостоятельной военной структурой пограничная служба стала с 1893г. в соответствии с указом Александра III о выделении из департамента таможенных сборов министерства финансов Отдельного корпуса пограничной службы. Границу охраняли также казачьи войска. В Советской России (а затем в Советском Союзе) пограничная служба являлась последовательно отделом ВЧК, ОГПУ, НКВД. В феврале 1939г. было создано Главное управление пограничных войск НКВД СССР. В 20-е годы советские пограничники участвовали в борьбе с бандами в приграничных районах на всей территории страны, воевали с басмачами в Средней Азии, в 30-е отражали нападение агрессоров на Дальнем Востоке.

В 30-е годы проблемам государственной безопасности, охраны рубежей советской страны уделялось огромное внимание как в практической деятельности, так и в идеологической работе партии и правительства. В отличие от первых послереволюционных лет, когда господствовали представления о скорой мировой революции, а советское государство рассматривалось как база и оплот всемирного революционного движения, в предвоенное десятилетие окончательно утвердился новый идеологический курс - на построение социализма «в отдельно взятой стране». Идеи национального и государственного патриотизма включали в себя представление о военно-государственном противостоянии на международной арене (подтверждавшееся постоянно реальными событиями), враждебном окружении СССР («осажденной крепости»).

Необходимость обороны страны, защиты ее границ понималась советскими людьми и без «накачки сверху». Пресса, радио сообщали о многочисленных фактах посягательств на территориальную целостность страны. Нарушения границы на разных участках были чуть ли не ежедневно. Вся страна следила за подвигами знаменитого пограничника Никиты Карацупы, задержавшего 467 нарушителей. Знали даже кличку его собаки – Индус. Встречи с пограничниками происходили в школах, клубах, домах пионеров. «К нам приезжали герои: наш Иван Трунов, задержавший один на границе 30 вооруженных нарушителей (24 винтовки); он приехал в Москву, где получил орден Красного Знамени», - записала в дневнике 3 августа 1937г. школьница Женья Руднева, будущий штурман 46-го гвардейского авиаполка, герой Советского Союза. [6, с.82].

Тема границы и пограничной службы в 30-е годы стала занимать

значительное место в литературе и искусстве. Целая серия работ советских художников предвоенного периода посвящалась этой теме, получившей продолжение в последующие годы (в 1976г. появился даже специальный альбом «Пограничники» из серии: Советские вооруженные силы и изобразительное искусство) [5]. Среди них – картины А.А. Рылова «На страже» (1931), Н.Г. Котова «Дозор пограничников» (1933), В.В. Карева «Там нарушитель границы» (1933), П.Д.Покаржевского «Охрана границ» (1933), Ю.М. Павлова «Пост Бардоба. И днем и ночью» (1935), А.П. Бубнова «Пограничники» (1938), А.С. Чуйкова «Народ и армия едины. На киргизской границе» (1938), П.В. Свентоховского «Тревога» (1939) и др.

Писатели и поэты уже в 20-е годы обратились к теме границы (Михаил Светлов «Граница» – 1927; Эдуард Багрицкий – «Контрабандисты», Владимир Луговской – «Большевики пустыни и весны – и от границы мчатся басмачи...»). Но только в предвоенное десятилетие восклицание из стихотворения Луговского «Да здравствуют работники границ!» получило полное наполнение. «Пограничник дозор неустанно ведет, милый край охраняя родимый» - слова из стихотворения Николая Тихонова («Когда людям советским в их мирном сне... 1933) рефреном проходили через очерки, рассказы и повести.

Заметное место занимали в литературе о пограничье произведения для детей и юношества. Одним из самых любимых детских авторов был А.П. Гайдар. Тема любви к своей родине и защиты своей страны звучала в каждом его произведении: «Надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» («Чук и Гек», 1939). В маленьком рассказе писателя «Маруся» о шпионе сообщила на заставу девочка, дочь убитого в пограничной перестрелке лейтенанта Егорова. В повести «Дым в лесу» лес вокруг огромного завода, работающего на оборону, подожгли белогвардейцы, перешедшие через границу: «Тревога! Нашу границу перешли три вооруженных бандита!» [2, с. 68,16]. Книжки для детей и юношества предвоенного десятилетия призваны были воспитывать в молодом поколении готовность «к труду и обороне», учить бдительности. В стихотворении Сергея Михалкова «Граница» (1937) – «переходил границу враг – шпион и диверсант» - обезвредить нарушителей помогли мальчишки-школьники («и каждый был учеником и ворошиловским стрелком»). Любимой песней советских школьников на многие десятилетия стала написанная Евгением Долматовским «Коричневая пуговка» (муз. Д. и Д. Покрассов): «Вот так шпион задержан у нашей у границы. Никто на нашу землю не ступит, не пройдет! В Алешкиной коллекции та пуговка хранится. За

маленькую пуговку ему – большой почет!»).

Теме защиты границы посвящена была и самая знаменитая в мире песня, ставшая одной из главных песен Великой Отечественной войны – «Катюша» (М.И. Исаковский – М. Блантер, впервые исполненная в 1938 г. Песня родилась после поездки авторов в Хасанский погранотряд на место боев с японцами. Пограничник, защищающий свою страну, которого ждет любимая девушка, - этот сюжет стал очень распространенным в песне военных лет, и дал импульс появлению целого цикла песен (в том числе и послевоенных) о границе. М. Исаковский в 1939 г. написал еще одну песню «Шел со службы пограничник (у колхозца)», не получившую такой известности и популярности. Поэт так объяснял появление песни «Катюша»: «Мы как бы уже предчувствовали войну, хотя и не знали точно, когда и откуда она может прийти... не только предчувствовали, но уже и переживали... по этим причинам тема Родины, тема защиты ее от посягательств врага была самой важной» [1]. Даже в знаменитом «Спортивном марше» 1937г. (музыка И. Дунаевского) поэта В. Лебедева-Кумача завершающим было четверостишие: «Эй, вратарь, готовься к бою – часовым ты поставлен у ворот! Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет».

Неформальным гимном пограничных и танковых войск стала песня «Три танкиста» (слова Б. Ласкина, музыка Д. и Дм. Покрассов). На Дальнем Востоке в боях на озере Хасан, а затем на Халкин-Голе началась долгая пограничная страда, закончившаяся летом 1945г. «У высоких берегов Амура часовые родины» стояли до победы над милитаристской Японией. «Перейти границу у реки» самураям («вражьи стаям») не позволили героический «броневой ударный батальон». Благодаря литературе и искусству пограничники в предвоенные годы становились такими же героями, олицетворявшими победную поступь, свершения и мечты первой страны социализма как летчики, полярники, геологи, стахановцы.

Песня «Три танкиста» впервые прозвучала в кинофильме. «Трактористы» (режиссер И. Пырьев). Исполнил ее артист Николай Крючков, создавший образ героя- танкиста, участника боев на границе Клина Ярком, возглавившего после возвращения из армии отступающую тракторную бригаду в колхозе и сделавшую ее передовой. Помогли этому превращению влияние на людей таких присущих герою черт как военная выучка, дисциплина, профессионализм, сознательность, патриотизм, а также личное обаяние, жизнерадостность, музыкальность. Образы советских воинов, командиров, бойцов заняли значительное место в творческой биографии актера. «Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде, мы начеку, мы за врагом следим. Чужой земли

мы не хотим не пяди, но и своей вершка не отдадим» – такие слова звучали в завершающем фильме марше танкистов (Б. Ласкин- Д.и Д.Покрасс).

Кинематограф в 30-е годы, особенно с появления звукового кино, играл огромную роль в идеологической и культурной работе в стране. Массовая кинофикация городов и поселков, кинопередвижки (их рост фиксируется все предвоенные годы), развитие киностудий документальных и художественных фильмов были неотъемлемой частью жизни страны. Для жителей небольших городов и поселков, сел и деревень кино (вместе с радио) становилось настоящим «окном в мир». Кинопередвижки доносили голос страны для работающих на многочисленных стройках пятилеток в удаленных от центра регионах. Пограничная тема звучала как в документальных, так и в художественных фильмах. В эти годы в кинематографе и литературе возрождался приключенческий жанр (в 1938г. в ЦК ВЛКСМ прошло совещание, посвященное развитию приключенческой литературы), в центре этих фильмов были герои, подвергавшиеся опасностям, трудным испытаниям. В отличие от буржуазной литературы и кинематографа, советские фильмы были идеологически заряжены, герои служили высоким целям, выполняли задачи государственной важности. Пограничники, наряду с геологами и первооткрывателями, стали главными героями таких фильмов.

В 1935 г. появились фильмы «Джувльбарс», «Золотое озеро» (1935, 1936), «Ущелье Аламасов» (1937) режиссера В.Шнейдерова. В конце 30-х было выпущено несколько фильмов о борьбе работников госбезопасности со шпионами и диверсантами, об обороне Родины, о подвигах советских пограничников – снятый на центральной киностудии детских и юношеских фильмов - «Граница на замке» (1938, реж. В.Журавлев), «Пограничная застава» (1938). «Комендант птичьего острова» (1938, реж.В.Пронин), «Четвертый перископ» (1939, реж. В.Эйсмонт), «Пограничники» (1937, 1940) и др. Многие из фильмов были посвящены реальным событиям и конкретным героям. Фильм «Пограничники» был посвящен подвигу Ивана Трунова. Музыка к фильму «Граница на замке» написал будущий знаменитый композитор Никита Богословский, слова песни «Пограничники-часовые охраняют русский покой» - поэт Лебедев-Кумач. Фильм «На границе» (1938), посвященный событиям в районе озера Хасан в июле-августе 1938 г., по собственному сценарию поставил режиссер и сценарист А.Г. Иванов, вошедший в историю советского кинематографа фильмами о боевых и трудовых подвигах людей, мужественно защищавших свою страну («Звезда» по книге Э. Казакевича, «В окопах Сталингра-

да» - по произведению В Некрасова, «Поднятая целина»). Роль коменданта погранзаставы Тарасова сыграл Николай Крючков.

Документальные и художественные фильмы о пограничниках стали важной частью предвоенного кинематографа – важнейшего средства просвещения и патриотического воспитания народа накануне великих испытаний и потрясений войны. «Это было в начале 1938г. когда международная обстановка становилась все более напряженной и гитлеровский фашизм открыто шел к новой мировой войне. Позади было вторжение итало-немецких войск в Испанию, проникновение японских войск вглубь Китая... В такой обстановке защита идеи суверенности народов, отпора захватчикам чужой земли приобретала особое значение», - вспоминал исполнитель роли Александра Невского в одноименном фильме Николай Черкасов. В период съемок фильма пришло сообщение о боях с японцами на озере Хасан. Сохранилась статья Сергея Эйзенштена в многотиражке, в которой он призывал съемочный коллектив в ответ на «инцидент на нашей дальневосточной границе» повысить темпы реализации картины: «Гордый самурай, как магистр тевтонского ордена, преклонил колени... На границе не спят. Не будем спать и мы» [4].

Литература и искусство предвоенного десятилетия способствовали формированию культурно-национальной идентичности и исторического сознания молодого поколения, прививали чувство любви и уважения к важнейшей структуре государственности – армии. В свою очередь, армия «стала одной из основ, на которой вырос советский проект», воплощением многонационального, неклассового и несловного единства народа, что придавало ей небывалую до сих пор силу [3, с.161-162]. 22 июня 1941г. пограничные войска Красной армии первыми вступили в бой за страну, одарившую их в предвоенные годы таким вниманием и любовью.

«Пограничная» тема в литературе и искусстве продолжила свое развитие в последующие годы, воплотившись в изобразительном искусстве, в поэзии и прозе, во многих художественных и документальных фильмах (в 1980-1988г. был снят до сих пор любимый народом многосерийный телевизионный фильм «Государственная граница»). Страна еще долго будет открывать новые имена, вспоминать героев – пограничников («Брестская крепость» С. Смирнова и др.). Фронтовик В. Харитонов, написавший слова всемирно известной песни «День победы», известен также как автор песни «Сын России», начинающейся словами: «Упал я на границе в первый бой...». Вобрав в себя чувство горечи от исторического поражения великой страны в 1991г., тема границы сохранила актуальность, а дата 28 мая остается

важной исторической датой. Военные праздники в современных условиях являются своеобразным духовно-нравственным стержнем для личности, служат сохранению и укреплению национального самосознания народа.

Литература и источники.

1. Бочаров Д. Про того, чьи песни сберегли // Культура, 2015, 23-29 января.
2. Гайдар А.П. Собр. соч. в 4-х т., т.3, М., 1964.
3. Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. М., 2014.
4. К 800-летию Александра Невского. «За поля родные, за леса, за реки, за великий наш народ вставайте, люди русские!» // Советская Россия. Отечественные записки. 2021. №8.
5. Пограничники (из серии: Советские вооруженные силы и изобразительное искусство). М.: Советский художник, 1976.
6. Руднева Е.М. Пока стучит сердце. Сост., авт. стат. и прим. И.В. Ракобольская. М., 2015.

**МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ
СОВЕТСКИХ ПОГРАНИЧНИКОВ ВО ВРЕМЯ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ К СССР ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И
ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1939 Г.), БЕССАРАБИИ И
СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ (1940 Г.)**

The moral and psychological state of Soviet border guards during the annexation of Western Ukraine and Western Belarus to the USSR (1939), Bessarabia and Northern Bukovina (1940)

Аннотация. В статье говорится о морально-психологическом настрое советских пограничников, которые в 1939-1940 гг. участвовали в обретении новой линии западной и юго-западной границы в Западной Украине, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины. Перечислены направления идеологической и профессиональной подготовки воинов-пограничников, описаны участие их в боестолкновениях, усилия по обустройству новых пограничных рубежей, формы работы среди населения новых присоединённых к СССР территорий.

Ключевые слова: История России, военная история, XX век, историческая психология, пограничные войска, Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия, Северная Буковина.

Abstract. The article talks about the moral and psychological attitude of the Soviet border guards, who in 1939-1940 participated in the acquisition of a new line of the western and southwestern borders in Western Ukraine, Western Belarus, Bessarabia and Northern Bukovina. The directions of ideological and professional training of border guards are listed, their participation in clashes, efforts to establish new border lines, forms of work among the population of new territories annexed to the USSR are described.

Keywords: The history of Russia, military history, the XX century, historical psychology, border troops, Western Ukraine, Western Belarus, Bessarabia, Northern Bukovina.

Накануне Второй мировой войны Советский Союз находился в окружении враждебных стран-антагонистов. Военная угроза вторжения со стороны потенциальных противников была вполне реальной, что продемонстрировали события на озере Хасан (1938 г.) и реке Халхин-Гол (1939 г.), когда произошли локальные вооружённые конфликты с японской императорской армией. В такой обстановке насущной стала проблема укрепления обороноспособности РККА и границ по всему периметру СССР. После начала Второй мировой войны опасность с западного направления стала наиболее явственной и вынудила советское руководство озаботиться тем, чтобы отодвинуть линию

фронтيرا как можно дальше, ради безопасности крупных промышленных центров, городов и территорий европейской части СССР. В контексте решения этой задачи правительством Советского Союза было принято решение о военно-политических операциях против Польши и Румынии, что привело к вводу советских войск в следующие регионы – Западную Украину и Западную Белоруссию осенью 1939 г., Бессарабию и Северную Буковину летом 1940 г. В советской историографии они получили название «освободительных походов».

Высшее партийно-государственное руководство СССР считало необходимым воспользоваться геополитической ситуацией, чтобы устранить Польшу как игрока на международной арене. И. В. Сталин 7 сентября 1939 г. в беседе с генеральным секретарём Исполкома Коминтерна Георгием Димитровым, напрямую сказал: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше!» [1, с. 560]. При этом Сталин умолчал, что согласно секретному протоколу к советско-германскому Договору о ненападении от 24 августа 1939 г. Советский Союз уже договорился с Третьим рейхом о фактическом разделе польской территории. Но официально говорилось о том, что «в момент полного распада Польского государства наше правительство обязано было протянуть руку помощи проживающим на территории Западной Украины и Западной Белоруссии братьям-украинцам и братьям-белорусам» [2, с. 6].

Относительно Бессарабии правительство СССР придерживалось позиции, что, воспользовавшись слабостью молодого советского государства, Румыния в 1918 г. насильственно отторгла данную область, на протяжении уже нескольких столетий находившуюся в составе Российской империи.

К осуществлению внешнеполитических акций, помимо регулярных частей Красной армии, были привлечены также пограничные войска. Однако, прежде чем использовать пограничников для входа в пределы Польши и Бессарабии, необходимо было осуществить ряд организационных мероприятий. Дело в том, что до 1938 г. части и соединения погранвойск не имели единой стройной структуры, не было и единого управления ими. Теперь в феврале 1939 г. постановлением СНК СССР пограничные войска выделили в самостоятельный род войск под руководством Главного управления пограничных войск НКВД СССР. В 1939-1940 гг. их переформировали под единую схему управления, также в них создали собственные органы разведки. Одновременно увеличивалась численность погранвойск: с 117 468 человек в 1938 г., до 143 019 в 1939 г. и около 168 000 непосредственно перед Великой Отечественной войной [3, с. 44, 45].

С учётом того, что 1 сентября 1939 г. был принят Закон о всеобщей воинской обязанности, в результате чего в ряды пограничников вливалось молодое пополнение, требовалось усилить морально-психологическую, политическую и профессиональную подготовку. Особый упор делался на углублённое идейное воспитание для чего 8 марта 1939 г. создали Политическое управление пограничных войск, которое занялось реализацией соответствующих задач. Политорганы свою работу должны были строить на том, чтобы «превратить каждую часть в неприступную крепость большевизма, воспитать в каждом бойце и командире глубокое сознание своего долга перед родиной, непоколебимую верность партии Ленина – Сталина, жгучую ненависть к врагам народа, умение распознать врага и разбить его» [4, с. 22], с тем, чтобы молодой призывник мог «вырасти в высококвалифицированного специалиста своего дела, умеющего с достоинством и честью защищать свою родину с оружием в руках, не щадя своих сил и даже самой жизни для достижения полной победы над врагом» [5, с. 1]. Особую роль в этом деле должны были играть комсомольцы и коммунисты, поскольку «коммунист-пограничник – это самый сознательный и передовой боец, примерный в службе, учёбе; дисциплине, быту, правдивый и честный в жизни, на работе, самый смелый и решительный в схватке с врагами. Он активный пропагандист и агитатор политики партии, осуществляющий её на деле в своей текущей практической работе» [4, с. 23]. В конечном итоге: «Каждый пограничник должен чётко усвоить, что всякий прорыв нарушителя через границу наносит серьёзный ущерб нашей родине: прорыв в наш тыл означает, что врагу облегчена возможность вредить народу, а прорыв за кордон означает, что возвращающийся лазутчик, совершив своё чёрное дело, безнаказанно ушёл к своим хозяевам» [5, с. 2]. Впрочем, добиться этого не всегда было просто, поскольку приходилось сталкиваться с низким образовательным уровнем бойцов. По свидетельству младшего командира Подгорного, ему сперва приходилось разъяснять красноармейцам незнакомые, трудно понимаемые ими слова, такие как «идеология», «нейтралитет», «суверенитет» и др. [6, с. 21].

Немало внимания уделяли профессиональной подготовке пограничников с учётом специфики их службы. Главная установка была такова: «Характер службы войск НКВД требует, чтобы в каждом бойце была воспитана боевая инициатива и выдержка, настойчивость и твёрдая воля в исполнении приказов, умение правильно ориентироваться в любой, даже самой сложной, обстановке, умение бить врага и побеждать его малой кровью» [7, с. 3]. «Пограничник, - отмечалось в передовой статье, опубликованной в журнале «Пограничник»

за 1940 г., - должен в совершенстве выполнять свои особые боевые задачи в будничной службе по охране границы и, кроме того, уметь действовать в составе подразделения в условиях проведения боевых операций, аналогичных частям РККА»; «У бойца-пограничника мы воспитываем сознание высокой индивидуальной ответственности за нерушимость государственной границы на том конкретном участке, который он охраняет» [5, с. 2]. При этом всячески поощрялось овладение военнослужащими погранвойск второй специальностью, чтобы в случае необходимости они могли заменить вышедшего из строя товарища.

Одним из направлений повышения боеспособности пограничных войск являлось установление железной воинской дисциплины. Абсолютно верно считали, что: «Современные средства ведения войны требуют безукоризненной чёткости и взаимодействия, чтобы нанести сокрушительный удар врагу. С другой стороны, на поле боя наш боец должен быть готов встретить до зубов вооружённого врага и, чтоб одержать победу, должен проявить исключительную стойкость и упорство в бою, моральную и физическую выдержку, крепчайшую дисциплину. Это требует того, чтобы мельчайшие изъяны в воспитании дисциплины были устранены в кратчайший срок» [8, с. 3].

Интенсивная идеологическая работа с личным составом, насколько можно судить, позитивно сказалась на умонастроениях большинства пограничников, что было продемонстрировано в событиях 1939-1940 годов. За несколько дней до начала похода в Польшу нарком НКВД СССР издал приказ о приведении пограничных частей западных областей в полную готовность для выполнения специального задания Правительства СССР. Утром 17 сентября 1939 г. пограничные отряды Белорусского и Киевского округов перешли в оперативное подчинение полевому командованию РККА. Официально пограничники предназначались для прикрытия отдельных районов, выполнения функции проводников для частей Красной армии, охраны тылов войск и местных жителей от националистических банд [3, с. 25-26]. Но в действительности профессиональные навыки воинов пограничников были использованы в первые же минуты вторжения на польскую территорию. Они осуществляли разведку позиций противника, диверсии, перерезая линии телефонно-телеграфной связи, ликвидировали часовых. В ряде мест пограничники вступали в прямой огневой контакт, уничтожая польские стражницы (заставы), а также отдельные рассеянные группы польских офицеров и осадников, которые пытались оказывать сопротивление. Многие советские воины проявили мужество в схватках с врагом. Даже будучи ранеными, они не оставляли строй. Это по-

казывает, что советские пограничники в тот момент были проникнуты глубоким чувством долга перед своей родиной, имели высокую мотивацию к выполнению своих обязанностей. Аналогичные качества они показали в 1940 г., хотя присоединение Бессарабии и Северной Буковины произошло почти без инцидентов.

По завершении «освободительных походов» пограничники приступили к обустройству новых западных и юго-западных рубежей. Необходимо было осуществить инженерное и техническое оборудование границы, включая рубку просек, установку проволочных заграждений, развёртывание наблюдательных вышек, постов, казарм, служебных помещений и т.д. Одновременно приходилось вести разъяснительную работу среди местного населения, поскольку Постановление СНК СССР от 2 марта 1940 г. «Об охране государственной границы в западных областях УССР и БССР» предусматривало сплошное отселение жителей из 800-метровой пограничной полосы со сносом всех построек, что вызывало недовольство и осложняло напряжённую обстановку [3, с. 63]. Нужно было приучать бывших граждан буржуазных государств к новым реалиям, ведь те не знали основных правил, по которым живёт граница, не считали запретным её пересечение. Надо было терпеливо разъяснять, почему теперь следует соблюдать совершенно иной режим жизни.

Параллельно пограничники вели пропагандистские беседы, рассказывая о советских порядках, о линии внешней политики СССР, о целях прихода Красной армии, ведя агитацию и помогая организовывать выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

Таким образом, в 1939-1940 гг. советские пограничники в основной массе показали себя подлинными патриотами, осознавшими свою ответственность за нерушимость границ СССР. При их непосредственном участии в Белоруссии и Украине рубеж на западе был отодвинут на 250-300 км, что стратегически было важно. Усвоив, в принципе, коммунистические идеи, они были готовы с честью встретить и дать отпор агрессору, который бы осмелился посягнуть на территориальную целостность Советского Союза. Пограничники доказали это на деле, когда началась Великая Отечественная война.

Литература и источники

1. Айрапетов О. Р. История внешней политики советского государства в 1918-1941 годы. В 2 т. Том II / под ред. М. А. Колерова. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 1088 с.
2. О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного Комиссара Иностранных Дел. тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. //

- Пограничник. 1939. № 4. С. 2-14.
3. Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны 1939-1945. М.: Граница, 1995. 432 с.
 4. За дальнейшую большевизацию войск // Пограничник. 1939. № 2. С. 22-27.
 5. Задачи политического воспитания бойцов в 1940 году // Пограничник. 1940. № 1. С. 1-5.
 6. Подгорный, младший командир. Организация самостоятельной работы // Пограничник. 1940. № 1. С. 21-23.
 7. XXIII годовщина Великого Октября // Пограничник. 1940. № 19-20. С. 1-4.
 8. Воинская дисциплина – основа боеспособности войск // Пограничник. 1940. № 11. С. 1-6.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1939 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Soviet-German Treaty of Friendship and Border of September 28, 1939 in historical memory

Аннотация. В статье на основе советско-германских документов 1939-1941 гг. рассматривается проблема отражения советско-германских отношений в исторической памяти. Автор приходит к выводу, что политическая оценка событий 1939-1941 гг. по формуле «мы сделали все правильно» не соответствует правде истории.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, советско-германские документы 1939-1941 гг., договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.

Abstract. *The article is based on the Soviet-German documents of 1939-1941. the problem of reflection of Soviet-German relations in historical memory is considered. The author comes to the conclusion that the political assessment of the events of 1939-1941. according to the formula "we did everything right" does not correspond to historical reality.*

Keywords: *historical politics, historical memory, Soviet-German documents of 1939-1941, friendship and border treaty of September 28, 1939.*

История Второй мировой (с 1939 г.) и для бывшего Советского Союза и нынешней России – Великой Отечественной войны (с 1941 г.) является важнейшим элементом национальной исторической памяти, на ее основе строится новая историческая политика современной России. Советскому Союзу, историческим преемником которого является нынешняя Российская Федерация, по праву принадлежала ведущая роль в достижении Великой Победы и статус мировой державы. Эти факты невозможно оспорить, но можно по-разному оценивать с учетом изменения политической конъюнктуры: на наших глазах происходит новая политизация исторических знаний, их превращение в инструмент политики.

Ареной исторической политики становится публичная сфера, а предметом – борьба за прошлое [1, с. 201-202]. Историческая политика направлена на формирование и последующее воспроизведение «правильных» образов прошлого в массовом историческом сознании.

В настоящее время в связи с «похолоданием» международных отношений наблюдается обострение тенденции к поляризации оценок

исторических событий, предшествовавших Второй мировой войне, и ее начального этапа. Источниковую базу этой полемики составляют, в основном, советского-германские документы 1939-1941 гг., главные из которых – договоры о ненападении от 23 августа 1939 г. и о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., а также секретные и дополнительные протоколы и приложения к ним.

Президент России В. В. Путин в канун 75-летия Великой Победы отмечал, что по поводу заключенного 23 августа 1939 г. договора о ненападении «сейчас много разговоров и претензий именно в адрес современной России. Да, Россия – правопреемница СССР, и советский период – со всеми его триумфами и трагедиями – неотъемлемая часть нашей тысячелетней истории. Но напомним также, что Советский Союз дал правовую и моральную оценку т. н. пакту Молотова-Риббентропа. В постановлении Верховного Совета от 24 декабря 1989 года официально осуждены секретные протоколы как «акт личной власти», никак не отражавший «волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор» [2].

2 июня 2020 г. в Госдуму России было направлено письмо в поддержку требования об отмене постановления II Съезда народных депутатов СССР, осудившего подписание пакта Молотова-Риббентропа [3, с. 612-614]. С таким предложением выступил депутат Госдумы, лидер партии «Родина» Алексей Журавлев: «нам нечего стыдиться, и мы не будем стыдиться за свою историю, мы сделали все правильно» [4].

В стране оживились старые дискуссии о достоверности советско-германских документов, подписанных в 1939-1941 гг. В августе-сентябре 2019 г. Федеральным архивным агентством России при участии ряда учреждений и организаций была проведена приуроченная к 80-летию начала Второй мировой войны историко-документальная выставка «1939 год. Начало Второй мировой войны» (ее хронологические рамки охватывали март – сентябрь 1939 г.). На этой выставке были впервые представлены напечатанные на гербовой бумаге оригиналы советско-германского договора о ненападении (пакта Молотова-Риббентропа) от 23 августа 1939 г. и секретного дополнительно протокола к нему (в СССР этот протокол в официально считался «фальсификацией истории» [5]).

Однако в преддверии нападения Гитлера на Советский Союз наша страна на государственном уровне была нацелена на «дружбу» с гитлеровской Германией. Поэтому важнейших документов по теме «1939 год. Начало Второй мировой войны» – германо-советского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., секретных и конфиденциальных протоколов и приложения к нему (подписанной Сталиным и

Риббентропом карты советско-германского разграничения в Польше) на выставке не было.

Чем договор о дружбе и границе отличался от договора о ненападении? «Различие огромное. 23 августа Германия еще не напала на Польшу, и формально Советский Союз мог с ней заключать такой пакт, не становясь соучастником, - повторяю, формально, ибо знал о предстоящем нападении на Польшу. 28 сентября все было иначе: Германия была агрессором, и СССР заключал с ней договор о дружбе! Впоследствии Сталин в специальном (и позорном) сообщении ТАСС 29 октября даже подтвердил, что, по его мнению, не Германия, а Франция и Англия начали войну! С агрессором Сталин собирался дружить, хотя и не без корысти», – подчеркивал советский и российский историк Л. А. Безыменский [6, с. 311].

«В отличие от советско-германского договора о ненападении, в оценке которого имеется широкий спектр несовпадающих мнений, заключенный 28 сентября 1939 г. “договор о дружбе и границе” с Германией вызывал уже в то время и вызывает сейчас резкую “реакцию неприятия”. Прежде всего – это качественно новый договор. Договор о ненападении – договор мирного времени, второй же заключен со страной – гитлеровской Германией, совершившей неприкрытый акт агрессии. Если договор о ненападении в основном соответствовал тогдашней международной практике, то договор от 28 сентября ставил под сомнение, если не подрывал, статус Советского Союза как нейтральной страны и втягивал его в беспринципное сотрудничество с гитлеровской Германией», – отмечал советский и российский дипломат и историк Г.Л. Розанов [7, с. 125].

На банкете в Кремле в честь подписания договора о дружбе и границе «Сталин демонстративно заставил рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа выпить за здоровье наркома путей сообщения СССР Лазаря Кагановича, о еврейском происхождении которого Риббентроп отлично знал. Позже Каганович прокомментировал этот тост Сталина следующим образом: “Тем самым Сталин хотел дать понять Риббентропу, что хоть мы и подписываем договор, но менять нашу идеологию не собираемся”» [8, с. 291].

Однако идеологические различия, в частности нацистский антисемитизм и антисемитизм, не помешали гитлеровцам активно сотрудничать со сталинским режимом в 1939-1941 гг., вплоть до «вероломного» нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. В идеологии сталинской партии, непримиримой к любому инакомыслию, под влиянием сближения с гитлеровской Германией наметились существенные изменения в сторону ранее невиданной толерантности к нацизму. «Идеоло-

гию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это - дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма» прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию», – заявил 31 октября 1939 г. на внеочередной пятой сессии Верховного Совета Союза ССР глава советского правительства и нарком иностранных дел В. М. Молотов [9]. Молотов сказал: «На смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Дальнейшее улучшение этих новых, хороших отношений нашло свое выражение в германо-советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанном 28 сентября в Москве... Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей» [9].

Если договор о дружбе и границе с потенциальным агрессором интерпретировать как шаг, позволивший укрепить обороноспособность СССР накануне германского вторжения, то следует подчеркнуть, что этот договор означал образование германо-советской общей границы – плацдарма для нападения на СССР, а советские стратегические поставки во многом обеспечили успех Германии войне на Западе в 1940 г.

Советский Союз, – отмечал немецкий историк Г. Швендеман, – стал абсолютно привилегированным торговым партнером Германии» [10, с. 368]. С декабря 1939 по конец мая 1941 г. доля Германии составила 40% всего экспорта СССР. В Германию из Советского Союза шли эшелоны с нефтью и нефтепродуктами, зерном, хлопком, лесоматериалами, марганцем, оловом, никелем, хромом, медью, платиной, другим стратегическим сырьем.

В СССР из Третьего рейха поставлялись новые вооружения, средства радио связи, оптические приборы, станки-автоматы. Немцы продали Советскому Союзу 35 образцов самолетов (среди них Мессершмитт-109, Мессершмитт-110, Хейнкель-100, Юнкерс-88). Германия передала Советскому Союзу недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов», вошедший в состав Балтийского флота под именем «Петропавловск» [11].

Сталин, отвечая 25 декабря 1939 г. на поздравления Гитлера и Риббентропа по случаю своего 60-летия, писал: «дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть

длительной и прочной» [12]. «Советские лидеры включили в название договора слова «о дружбе», что явно выходило за рамки прежнего договора о ненападении и договоренностей о разделе сфер интересов и не диктовалось ни международной обстановкой, ни германскими требованиями. Сталин спустя месяц после подписания договора с Германией о ненападении явно переступил грань чисто дипломатических отношений, употребив термин «дружба» в отношении режима, вызывавшего осуждение всей мировой общественности», – писал научный руководитель Института Всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян [13, с. 62-63].

Договор о дружбе и границе с потенциальным агрессором трудно интерпретировать как шаг, позволивший укрепить обороноспособность СССР накануне германского вторжения. Проще попытаться исключить из исторической памяти «неудобные» события, позволившие Гитлеру «вероломно» напасть на СССР.

Однозначно оправдательная в духе сталинской справки «Фальсификаторы истории» политическая оценка событий 1939-1941 гг. по формуле «мы сделали все правильно» не соответствует исторической правде и ведет к новым фальсификациям истории.

Литература и источники

1. Сафронова Ю.А. Историческая память. Введение. СПб, 2020.
2. Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета, 19.06.2020 [URL: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html>] (дата обращения: 20.06.2020).
3. Постановление съезда народных депутатов СССР “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года” // Второй съезд народных депутатов СССР 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет, т. IV, М., 1990. С. 612-614.
4. Информационная служба Накануне.RU//<https://www.nakanune.ru/articles/116122/> (дата обращения: 4.06.2020).
5. Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948.
6. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 311.
7. Розанов Г.Л. Сталин и Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939-1941 гг. М., 1991. С. 125.
8. Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М., 2009. С. 291.
9. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова о внешней политике Правительства. 31 октября 1939 года // Документы XX века. - <https://doc20vek.ru/node/1397> (дата обращения: 18.03.2024).
10. Schwendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993. S. 368.
11. См.: Хавкин Б.Л. «Дружба, скрепленная кровью». Советско-германские

отношения 1939–1941 годов до сих пор вызывают неудобные вопросы//Независимое военное обозрение, 27.IX.2019.

12. Правда, 25.XII.1939 г.

13. *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 62-63.

Т. М. Смирнова
T. M. Smirnova

**ВСТРЕЧА С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ:
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА**

*Meeting with civilization:
the first impressions of students of the Institute of the Peoples of the North*

Аннотация. Рассматривается первая реакция представителей малочисленных коренных народностей Севера, направленных в середине 1920-х – начале 1930-х гг. на обучение в Институт народов Севера в Ленинград, на факты и явления технологической цивилизации.

Ключевые слова: *Институт народов Севера, Ленинград, малочисленные коренные народности, северяне, цивилизация.*

Abstract. *The article considers the first reaction of representatives of the small indigenous peoples of the North, sent in the mid-1920s – early 1930s to study at the Institute of the Peoples of the North in Leningrad, to the facts and phenomena of technological civilization.*

Keywords: *Institute of the Peoples of the North, Leningrad, small indigenous peoples, Northerners, civilization.*

Представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, объединяемые общим названием «северяне», с 1926 г. получили возможность учиться в Ленинграде. Сначала это было северное отделение рабфака Ленинградского государственного университета, затем Северный факультет Восточного института, а с января 1930 г. – самостоятельный Институт народов Севера, находившийся в ведении ЦИК СССР. Первый в истории опыт подготовки специалистов среднего и высшего образования из аборигенного населения, жившего еще в условиях традиционного, практически первобытного общества, был смелым экспериментом советской власти, доказавшим свою эффективность. Однако адаптация северян к жизни в «большом мире» оказалась непростым делом – они должны были совершить «скачок» из родоплеменного уклада в городскую цивилизацию, адаптироваться не только в физиологическом и социально-культурном отношении, но и изменить мировоззренческие установки, перейдя от анимистического мировосприятия – к материалистическому.

Первая встреча с невиданными прежде явлениями вызывала у неподготовленных людей культурный шок, а осмыслялись эти явления в соответствии с традиционными представлениями об окружающем

мире. Вот что они сами рассказывали об этом.

Коряк Н. Ноянов, добиравшийся с Камчатки, рассказывал о своих впечатлениях: катер никто не тянет, а он двигается – «понял, что на катере есть апаныл 'эн (шаман), и его нинвиту (злые духи) тащат катер»; на пароходе засмотрелся на электрическую лампочку: «Как же она горит? Ведь там нету сала тюленя». Не давала покоя мысль, как пароход будет двигаться: «Если будем грести веслами, то мне трудно будет грести, – ведь пароход тяжелый». Уснул в каюте, а утром увидел, что пароход уже в знакомом селении и очень удивился: на собаках ехать полтора дня, а большой пароход за ночь доехал. Радиоантенну в Петропавловске он принял за шаманскую лестницу, а во Владивостоке увидел, что на берегу «бегают какие-то медведи с круглыми ногами и большими ледяными глазами, когда подходят к человеку, кричат как медведь: Бу! Бу!» – а это были автомобили; по улице натянута «толстая проволока, по ней дом бежит, в нем люди сидят» (трамвай). В Хабаровск выехали на поезде, опять вопрос: «Как он двигается – бегают или летает», но ни автор, ни несколько его молодых спутников этого не знали. В поезде оказалось очень неудобно сидеть – он все время дрожал, как при езде на собаках, так что «я не утерпел и закричал: «Хак-хак!». В Хабаровске уже спокойно смотрел на «бегучих медведей» – автомобили. На городских улицах было очень страшно: «думал, вот ветер подует, и на меня упадут высокие дома, все время наблюдал: если упадут, смогу ли я отскочить» [1, с. 48–49].

Студент-долганин, добиравшийся с Таймыра, жаловался: «Я ехал, как в черную бутылку. Ничего не знал и не видел, что меня ждет <...> ехали на поезде 7 суток. Но я не выдержал тряски поезда и пять суток был болен. Не пил, не ел и только на шестые сутки мне стало легче» [2, с. 45].

На берега Невы приезжали юноши и девушки, которые ориентировались в бескрайней тундре, но в городе, где не видно горизонта и «мешают» дома, могли заблудиться. Многие могли сказать о себе подобно этому долганину: «Долго я никуда не ходил. Отойду от ворот на пять шагов и оглядываюсь, т.к. боюсь заблудиться» [2, с. 46]. Коряк Н. Ноянов сетовал: «Дома я слышал, что Ленинград очень красивый город. Приехали. Мне не понравилось то, что дома высокие и все загромождают – хочется увидеть что-нибудь подальше. Ведь глаза в тундре привыкли смотреть далеко» [1, с. 49]. Еще один северянин-инсовец Сироткин, легко одетый, зимой вышел из института и «потерялся», «хотел ознакомиться с местностью, не учитывая, что здесь не тундра, в которой он хорошо ориентировался, а каменный город». Не зная русского языка, не мог спросить у прохожих дорогу, и только спустя три

дня, сильно простуженный, был приведен милиционером в институт [3]. Этим молодым людям было тесно и душно в помещении, и поначалу они разводили во дворе костер и ставили чум, чтобы можно было свободно дышать. Жители Детского Села нередко наблюдали, как по вечерам сидели у костров северяне в европейской одежде, а некоторые – в малицах и унтах [4, с. 50].

Не только вид города, но и его жизнь была для этих детей бескрайнего Севера непонятной и странной. Чукча Тэвлянто, один из первых северян, приехавших учиться в Ленинград, удивлялся: «Люди ходят и ходят по улицам... А когда же они охотятся? Когда добывают пищу?» Нанаец Я. Самар признавался: «... здешняя жизнь вызывает во мне удивление, ибо до сих пор ничего подобного я не видел. Когда я приехал в Ленинград, мне как бы открылся новый неведомый мир. Увидев в первый раз первомайскую демонстрацию, я даже испугался, т.к. никак не мог понять, что это такое и куда идут все эти люди» [5]. Уже цитированный долганин удивлялся, что в городе «люди лились, как вода, без остановки» [2, с. 45].

Автор другого рассказа, уже немного привыкший к Ленинграду, делится своими впечатлениями: «Пойдешь в центр города, так делается даже страшно. Туда, сюда катятся автомобили, автобусы и кричат: «ту-ту-ту». Трамваи проносятся по рельсам и громко кричат вагоновожатые. Люди все бегут и бегут... Войдешь в большой магазин, и так весело и интересно все осмотреть, что не хочется идти домой. Везде там и здесь виднеются высокие трубы. Это фабрики и заводы. Из труб идет черный дым. На этих фабриках и заводах готовят еду, что нужно для человека: пищу, одежду и вообще все вещи» [2, с. 24].

Студенты-северяне называли свой институт «чудесным чумом», а их самих на родине земляки звали «красными шаманами» [6]: они, как шаманы, обладали невиданными и неслыханными прежде способностями, понимали чудесные знаки, «разговаривали» с книгой и газетой, умели читать и писать и учили этому других, а готовила их новая власть, символом которой был красный цвет.

В Институте народов Севера рождались новые личности, объединявшие в себе древнюю традицию и современность и устремленные в будущее.

Литература и источники

1. Ноянов Н. С Камчатки в Ленинград // Тайга и тундра. (Л.), 1932. № 1 (4). С. 48–49.
2. Как я попал на Севфак (рассказ долгана) // О нашей жизни. Сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А.С. Енукидзе и обработанных

- преп. А.К. Подгорской. Вып. I. Север / Стеклограф. Сев. Ф-т Лен. Вост. Ин-та им. А.С. Енукидзе, [1928], – 129 с.
3. Карлина И.И. Воспоминания об Институте народов Севера в 1930-х гг. / Рукопись.
4. Воскобойников М.Г. Подготовка в Ленинграде педагогических кадров для школ народов Крайнего Севера // Просвещение на советском Крайнем Севере. В помощь учител. школ Крайнего Севера. Вып. 8. Л.: Госучпедгиз, Лен. Отделение, 1958. С. 50–64.
5. Самар Я. Впечатление о демонстрации // Тайга и тундра. (Л.), 1932. № 1 (4). С. 49.
6. Воскобойников М.Г. Чудесный чум. Рассказы и очерки. [Улан-Удэ], 1971. – 72 с.

*А. В. Зотова, Сидненко Т.И.
A. V. Zotova, Sidnenko T.I.*

ПОЛНОЕ СНЯТИЕ БЛОКАДЫ И МЕЧТЫ ЛЕНИНГРАДЦЕВ О РАЗВИТИИ ГОРОДА

*Complete lifting of the blockade and dreams of Leningraders about the
development of the city*

Аннотация. На основе архивных документов и широкого круга историографии анализируются меры органов городского управления Ленинграда по скорейшему восстановлению Северной столицы после тяжелой осады. Обращается внимание на то, что все намеченные планы были нацелены на перспективу и в центре их внимания был Человек, в первую очередь – ленинградские дети.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, 1944 год, перспективное планирование

Abstract. Based on archival documents and a wide range of historiography, the measures taken by the Leningrad city government to quickly restore the Northern capital after a heavy siege are analyzed. Attention is drawn to the fact that all the plans were aimed at the future and the center of their attention was the Person, first of all, the Leningrad children.

Keywords: Siege of Leningrad, 1944, long-term planning

В 1944 г. в ленинградской печати было опубликовано письмо рабочих, служащих и интеллигенции Приморского района Ленинграда на имя секретаря областного и городского комитетов ВКП(б) А. А. Жданова. В нем шла речь об организации соревнования за быстрее восстановление промышленности и городского хозяйства Ленинграда. Инициатива жителей Приморского района была поддержана другими горожанами. В частности, трудящиеся Смольнинского района Ленинграда выступили в печати с поддержкой жителей Приморского района. Они писали: «Мы должны в кратчайший срок решить великую и почетную задачу — возродить былую славу Ленинграда, крупнейшего индустриального, культурного и научного центра страны, вернуть Ленинграду величие и красоту столичного города» [1]. При всей патетике эти слова, без сомнения, были созвучны настроениям большинства горожан. Желание быстрее восстановить город, наладить его экономическую жизнь и свой собственный быт было искренним.

В 1944 г. финансовые органы Ленинграда начали масштабную работу по восстановлению города. ГКО держал восстановление Ленинграда под особым контролем и оказывал ему существенную помощь. Только в феврале 1944 г. — апреле 1945 г. им было принято 31 поста-

новление и распоряжение, касавшиеся тех или иных вопросов восстановления ленинградской экономики.

29 марта 1944 г. ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году» [2, л. 131151, 152239]. Документ предусматривал возрождение промышленности города: ему предстояло активно развивать энергетику, металлургию, турбостроение, станкостроение, приборостроение, электропромышленность, промышленность строительных материалов. Перед городской экономикой была поставлена важная задача — ленинградская промышленность до конца года должна была достичь по объему выпускаемой продукции четверти довоенного уровня [3], что по тем временам казалось немыслимым. Кроме того, были приняты такие постановления и распоряжения, как «Об обеспечении углем Ленинграда» [4, л. 10], «О срочной помощи топливом ленинградским электростанциям» [2, л. 64], «О возвращении в Ленинград в 1944 г. военно-морских учебных заведений» [5, л. 100], «О мерах помощи по восстановлению нефтебаз в г. Ленинграде и Ленинградской области» [6, л. 9396, 97100], «Об обеспечении г. Ленинграда дровами на отопительный сезон 1944/1945 года» [7, л. 173179, 180183], «О эвакуации в Москву и Ленинград населения для работы в промышленности, строительстве и на транспорте» [8, л. 100, 101102] и другие.

В 1944 г. на фоне выбывших из Ленинграда 51,3 тыс. человек в город было эвакуировано 423,2 тыс. человек. Осенью 1944 г. в город были направлены военнопленные, участвовавшие в дальнейшем в восстановлении промышленных предприятий, жилых домов и в строительстве новых [9].

После полного снятия блокады основные усилия экономики города были нацелены на восстановление предприятий и Ленинграда в целом. В связи с этим возросла нагрузка на строительную индустрию и, в частности, на 13 крупнейших строительных организаций. Выполнением работ по дорожному строительству занимался трест «Лендорстрой». Контора «Ленмостострой» занималась работами по восстановлению мостов и набережных. Стройконтора управления «Водоканал» принялась за ремонт водопроводного и канализационного хозяйства. Важным участком работы было восстановление жилого фонда Ленинграда, которым занимался «Ленжилремстройтрест». Эту же работу выполняли ремонтно-строительные конторы РЖУ. За ремонт домов, находившихся в ведении Ленгорисполкома, отвечала ремонтно-строительная контора управления домами исполкома Ленгорсовета. К совершенно мирной работе приступила и строительная

контора «Лензеленстрой», занимавшаяся озеленением города.

Опыт ведения боевых действий против Германии и ее союзников обусловил формирование нового стратегического мышления у руководителей Советского государства. Уже на завершающем этапе войны СССР, осознавая сложность будущей военно-политической обстановки в мире, начал активно формировать новую конфигурацию экономики государства, в которой военно-промышленному комплексу предстояло играть значительную роль. Начавшаяся вскоре холодная война, подтвердила опасения советского руководства. Создание военно-промышленного комплекса как стратегического направления отечественной экономики стало реальностью.

На фоне возврата к мирному производству в Ленинграде была сформирована новая индустриально-оборонная концепция. Ее главная идея состояла в том, чтобы превратить Ленинград в центр развития танкостроения, авиастроения, артиллерии, а также производства боевой техники, боеприпасов и оружия.

В рамках восстановления Ленинграда исполкомом были приняты различные меры, в том числе: решение № 114-46 исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 19 мая 1944 г. «О производстве ремонтно-восстановительных работ в здании бывшего Мариинского дворца» [10, л. 38], решение № 119-4 от 25 июля 1944 г. «Об обеспечении Архитектурно-художественного училища материалами, инструментом и оборудованием» [10, л. 62] и многие другие.

5 мая 1944 г. было принято решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся «О разработке мероприятий по восстановлению городов Петродворец и Пушкин» [10, л. 35]. Его главная идея состояла в том, чтобы восстановить пригороды Петродворец и Пушкин как места отдыха трудящихся Ленинграда. При этом работа должна была вестись в шести основных направлениях: организация массового отдыха в дворцовых парках; обустройство домов отдыха и баз однодневного отдыха; создание пионерских лагерей; открытие санаториев для детей и взрослых и оздоровительных детских учреждений; обеспечение деятельности домов инвалидов Великой Отечественной войны; начало индивидуального строительства дач.

Работы предполагалось проводить таким образом, чтобы в скором времени численность одновременно отдыхающих в домах отдыха и санаториях в г. Пушкине составляла 1012 тыс. человек, а в Петродворце — 56 тыс. человек. Кроме того, планировалось, что численность массовых посетителей парков и дворцов в дни отдыха составит в г. Пушкине 100 тыс. человек, а в Петродворце — 120 тыс. человек. Хотя

война еще продолжалась в нескольких сотнях километров от этих мест, уже через год, с летнего сезона 1945 г., планировался ввод в эксплуатацию домов отдыха и санаториев в Пушкине и Петродворце не менее чем на 5 тыс. человек.

Планы восстановления пригородов поражают своей грандиозностью и социальной ответственностью. В частности, было запланировано восстановление питомников Всесоюзного института растениеводства, находившегося между городами Пушкин и Павловск, консервация и частичное восстановление дворцов, что позволило бы предотвратить их дальнейшее разрушение восстановление жилого фонда, а также коммунально-бытовых предприятий и учреждений.

Уже тогда было принято решение, действующее, по существу, до сих пор, о том, чтобы в городах Пушкине и Петродворце не строились промышленные предприятия, не связанные с обслуживанием этих городов как мест отдыха трудящихся. В пригороды были возвращены находившиеся там прежде высшие учебные заведения. Ставилась задача создания собственной сельскохозяйственной базы картофельно-овощного и молочно-животноводческого направления, способной полностью обеспечить потребности отдыхающих и населения этих городов.

Исполнительные органы Ленинграда, несмотря на военное время, всячески стремились заботиться о детях, проживавших в городе. 29 июля 1944 г. исполкомом Ленгорсовета депутатов трудящихся было принято Решение № 119-42 «О дополнительном отпуске средств на пополнение школьных библиотек» [10, л. 73]. В конце года, 15 декабря 1944 г., исполкомом Ленгорсовета депутатов трудящихся было принято Решение № 129-14-з «О проведении зимних каникул и праздника новогодней елки в школах г. Ленинграда». В документе было написано: «Обязать управление по делам искусств т. Загурского провести с 1 по 10 января 1945 г. для школьников 32 утренних спектакля в городских театрах, 13 спектаклей в ТЮЗе и 21 спектакль в Театре кукол» [10, л. 130-131]. Кроме того, для детей устраивались ежедневные бесплатные киносеансы, а на радио был спланирован специальный цикл передач для школьников. Дети фронтовиков вывозились в зимние оздоровительные лагеря, для них устраивались новогодние елки. Только в Ленинградском дворце пионеров в дни школьных каникул был проведен новогодний праздник для 3200 человек. Представляют интерес мероприятия запланированные на время зимних каникул для учащихся школ 1944/45 учебного года: открытие конькобежного спортивного сезона с участием школьных команд в эстафетном беге; лыжная эстафета на приз Дворца пионеров; праздник пловцов: мастеров

и учащихся ленинградских школ; праздник на льду; конькобежные спортивные соревнования; городские стрелковые соревнования на первенство школ; посещение музеев, и выставок: могила Кутузова — Казанский собор, могила Суворова, Музей артиллерии, Музей Дома Красной армии, Выставка «Оборона г. Ленинграда» и другие [10, л. 147].

5 ноября 1944 г. исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся было принято решение № 127-21 «Об организации детских санаториев на Карельском перешейке». Планировалось создать к июню 1945 г. на Карельском перешейке в районе деревень Тюресево и Келомяки детские санатории на 1650 коек и больницу-филиал Института хирургического туберкулеза на 175 коек [10, л. 112].

В 1944 г. в Ленинграде планировалось затратить 7,8 млн руб. на обеспечение населения качественной лечебной сетью. В частности, было решено провести работы по восстановлению больниц им. Куйбышева, им. Боткина, им. 25-го Октября, им. Раухфуса, родильного дома им. Снегирева и других [11].

Ленинградцы создали ряд экономических проектов, нацеленных на долгосрочную перспективу (проект сельскохозяйственного развития, образовательные проекты, научные проекты, социально-культурные проекты и т. д.). Например, земельным отделом Ленгорисполкома был разработан проект развития сельского хозяйства пригородной зоны Ленинграда с 1944 по 1948 г. Его главная идея состояла в том, чтобы за счет городского экономического потенциала полностью обеспечивать ленинградцев высококачественной сельскохозяйственной продукцией. 15 января 1945 г. было принято постановление ГКО № 7326 «О переселении колхозников в районы Карельского перешейка Ленинградской области» [12, л. 511, 12]. Такие меры должны были способствовать скорейшей реализации задуманного.

20 марта 1944 г. впервые за всю войну из Ленинграда в Москву вновь отправился состав знаменитого поезда «Красная стрела». Заботливые ленинградские железнодорожники еще в июне 1941 г. надежно укрыли состав и спрятали все его оборудование, а также белье, одеяла, ковры и даже хрустальные графины [13].

Решением исполкома Ленгорсовета 30 апреля 1945 г. с 20 часов затемнение в Ленинграде отменялось и разрешалось «нормальное освещение улиц, жилых домов, предприятий, учреждений и всех видов транспорта» [14, 15]. Это был один из последних своеобразных «аккордов» — предвестников Великой Победы.

Литература и источники

1. Сделаем Ленинград еще краше. Обязательство трудящихся Смольнинского района // Трибуна кировцев. — 1944. — № 16. — 23 июня. — С. 1.
2. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222.
3. Ленинград в ожидании победы. 1944-1945 / Авт.-сост. С. Б. Борзенко, А. О. Кожемякин. — СПб.: Реконструкция; СПбГУТД, 2015. — С. 53.
4. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 211.
5. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 253.
6. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 266.
7. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 331.
8. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 405.
9. Колли Р. Блокада Ленинграда. — М.: изд-во КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — С. 73.
10. ЦГА СПб. Ф. Р-1853. Оп. 7. Д. 339.
11. О плане восстановления городского хозяйства Ленинграда на 1944 год // Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. — 1944. — 10 июня. — № 11. — С. 4.
12. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 350.
13. Ленинград в ожидании победы. 194-1945 / Авторы-составители С. Б. Борзенко, А. О. Кожемякин. — СПб.: Реконструкция; СПбГУТД, 2015. — С. 48.
14. Об отмене затемнения по городу Ленинграду (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 29 апр. 1945 г., № 145, п. 64-6) // Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. — 1945. — 15 мая. — № 9. — С. 1.
15. Об увеличении отпуска электрической энергии для освещения квартир трудящихся города Ленинграда. (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 30 апр. 1945 г., № 145, п. 65) // Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. — 1945. — 15 мая. — № 9. — С. 1.

*Д. П. Капьятец
D. P. Kapuyatets*

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕГКОГО ТАНКА Т-70 НА ГОРЬКОВСКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ ЗАВОДЕ

Production of the T-70 light tank at the Gorky Automobile Plant

Аннотация. Легкий танк Т-70 не пользовался приоритетом в отечественной историографии. Наши танкисты не жаловали его за слабое вооружение и бронирование, считая легкой добычей немецкой артиллерии и бронетехники. Разработанный в 1941-1942 гг. как танк военного времени (максимально дешевый в производстве, с широким использованием автомобильных агрегатов), легкий танк Т-70, конечно, не выдерживал сравнения ни с легендарной «тридцатьчетверкой», ни с немецкими PzKpfw III и PzKpfw IV. Однако, именно легкие танки сыграли неоценимую роль в самый трудный период Великой Отечественной войны – их массовое производство позволило хотя бы отчасти компенсировать чудовищные потери первых месяцев войны. Достаточно сказать, что даже на Курской дуге эти машины составляли более четверти нашего танкового парка.

Создание легкого танка Т-70 в условиях военного времени представляет интерес для историков, как в плане его применения, так и в плане мобилизации внутренних ресурсов конструкторских и производственных, для выпуска в кратчайшие сроки новых образцов бронетанкового вооружения. Этот опыт показывает сильные и слабые стороны промышленности тогдашней России, пределы возможностей мобилизационной экономики.

Ключевые слова: война, производство, танк, Горьковский автомобильный завод.

Abstract. *The T-70 light tank was not a priority in Russian historiography. Our tankers did not favor it for its weak armament and armor, considering it an easy prey for German artillery and armored vehicles. Developed in 1941-1942 as a wartime tank (as cheap as possible to produce, with extensive use of automotive units), the T-70 light tank, of course, could not be compared with either the legendary "34" or the German PzKpfw III and PzKpfw IV. Suffice it to say that even at the Kursk Bulge, these vehicles made up more than a quarter of our tank fleet.*

The creation of the T-70 light tank in wartime conditions is of interest to historians, both in terms of its use and in terms of mobilizing internal design and production resources for the production of new models of armored weapons in the shortest possible time. This experience shows the strengths and weaknesses of the industry of that time in Russia, the limits of the possibilities of the mobilization economy.

Keywords: war, production, tank, Gorky Automobile Plant.

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны легкие танки оставались в тени средних и тяжелых танков, о них не писали хвалебных од, воевавшие на них ветераны не оставили обширных воспоминаний. Например, В.Н. Замулин в монографии о Прохоровском побоище ограничился констатацией того, что Т-70 не был способен на

равных бороться ни с одним немецким танком и основными орудиями ПТО противника [1, с. 263]. А.Б. Широкоград в труде «Танковая война на Восточном фронте» вообще не упоминает о танках Т-70 (за исключением статистических таблиц) [2]. А между тем доля укомплектованности 1 танковой армией по состоянию на 4 июля 1943 г. легкими танками (Т-60, Т-70) составляла 19% [3, с. 39], а 2 танковой армии в июле 1943 г. - 31% от общей численности танков [4, с. 81].

В настоящей статье сделана попытка на основе архивных документов и других материалов раскрыть деятельность коллектива Горьковского автомобильного завода по созданию легкого танка Т-70 в условиях военного времени.

В октябре 1941 года ОГК Наркомата танковой промышленности дало задание о вооружении легкого танка 45 мм танковой пушкой вместо 20 мм авиапушки и введении в состав его третьего члена экипажа [5, с. 91].

Согласно работе М.В. Коломийца, еще в октябре 1941 г. заместитель главного конструктора Горьковского автозавода по танковому производству Н.А. Астров (бывший начальник КБ Московского завода № 37) предложил ГАБТУ КА эскизные проработки по новому легкому танку. Машина была спроектирована с использованием ходовой части Т-60, но имела усиленное бронирование и вооружение [6, с. 46].

Основываясь на документы Отдела главного конструктора (ОГК ГАЗ) можно сказать, что работы по созданию нового танка Т-70 были начаты в середине ноября 1941 г. по инициативе отдела. «Подобие опытного образца» было построено в течение 20 дней. Был использован корпус танка Т-60, нагрузка создана искусственно. Опытный образец будущего Т-70 был закончен 14 февраля 1942 г. [7, л. 6].

Изготовление опытного образца проводилось в экспериментальном цехе и других цехах завода: литейный цех, 10-й отдел, инструментально-штамповый отдел (ИШО), ремонтно-механический цех, моторный цех № 2, большую работу провела лаборатория двигателей цеха испытаний ОГК [7, л. 6-7]. Новую машину собрали в последних числах декабря, о чем старший военпред на ГАЗе военинженер 2-го ранга Окунев сообщал в своем докладе о работах предприятия, датированном 17 января 1942 г.: «Изготовлен новый танк (построен макетный образец) с двумя двигателями ГАЗ-202, расположенными гуськом, с агрегатами танка Т-60 с пушкой 45 мм. Вес предполагается 8 тн. Лобовая броня 45 мм, я настаиваю на увеличении толщины бортов для этого танка с 15 до 30 мм, что вызовет увеличение веса до 9 тн. Образец в настоящее время испытывается с весом, доведенным до 7-8 тн».

В январе 1942 г. ГА3-70 проходил заводские испытания в окрестностях Горького. Параллельно велось устранение конструктивных недоработок машины (а их выявилось довольно много). По первоначальному плану, 1 февраля новый танк должен был поступить на полигонные испытания. Однако этот срок завод сорвал, несмотря на то, что за работой над новой боевой машиной следило руководство страны [6, с. 46-47].

Первый образец танка имел то же бронирование, что и Т-60. Он сильно напоминал своего предшественника, но был более пропорционален. 20 февраля начались испытания ГА3-70, которые, несмотря на ряд поломок трансмиссии (испытания велись в глубоком снегу при температуре окружающего воздуха до - 35 градусов), в целом закончились успешно.

26 февраля 1942 г. прототип нового танка был показан представителям Главного автобронетанкового управления Красной армии, однако новая боевая машина не произвела на них благоприятного впечатления. Так, в акте приемной комиссии отмечалось слабое бронирование ГА3-70, в основном соответствовавшее таковому на Т-60 и лишь незначительно усиленное в лобовой части, недостаточная проходимость по снегу, неудобство работы с вооружением – в башне ГА3-70, как и Т-60, располагался один человек – и ряд других недостатков. Поэтому отношение военных к танку было, мягко говоря, неоднозначным – по боевым качествам новая машина не сильно превосходила Т-60, но при этом была значительно дороже. Тем не менее, главный конструктор по танковому производству ГАЗа Н.А. Астров обещал, что указанные недостатки будут устранены в кратчайший срок, для чего в план опытных работ Горьковского автомобильного завода на I квартал включили «создание танка ГА3-70 с увеличенной башней и уширенной гусеницей».

Результаты испытаний нового легкого танка ГА3-70, которому военные присвоили обозначение Т-70, доложили «наверх», и 6 марта 1942 г. председатель Государственного Комитета Обороны (ГКО) И.В. Сталин подписал постановление ГКО № 1394сс «Об организации производства танков Т-70 на Горьковском автозаводе им. Молотова Наркомсредмаша» [6, с. 47-48]. Так в 1942 году на смену Т-60 пришел легкий танк Т-70 массой около 10 т с 45 мм пушкой и спаренным с ней пулеметом. Экипаж танка состоял из 2 человек. [8, с. 22].

Апрельский план по выпуску Т-70 сумел выполнить только ГА3, собравший 50 машин, завод № 38 изготовил лишь 7 танков. Последний только в июне смог выйти на заданную мощность по сборке Т-70, но все равно не смог догнать Горьковский автозавод, который являлся

основным производителем танков Т-70 для Красной армии – более 80 % этих боевых машин были собраны в Горьком [6, с. 55].

О сложности освоения производства Т-70 свидетельствует тот факт, что отдел главного технолога ГАЗ по этому изделию освоил выпуск 1560 новых деталей [9, л. 89].

К изготовлению бронекорпусов и башен новых легких танков привлекались заводы наркомата танковой промышленности (НКТП) № 176, № 177, № 178 и № 180. Однако с первых дней организация производства Т-70 столкнулась с целым рядом проблем. Например, новый танк требовал вдвое больше двигателей, аналогичных установленным на Т-60, и заводы начали испытывать затруднения в выполнении установленной правительством программы выпуска танков.

Так, первоначально планировалось до 50 % танков оснащать литыми башнями, производство которых поручалось заводу № 178 в Кулебаках – это предприятие имело довольно мощную литейную базу. Тем не менее, задание по отливке башен к танку Т-70 в марте 1942 г. выполнить не удалось: вместо 20 отлили 9. Причиной этого являлось позднее получение чертежей с автозавода для производства модели отливки [6, с. 53]. К июлю 1942 г. завод № 178 освоил отливку из легированной стали литых башен и литых деталей для корпусов Т-70, лючков и масок пушки, чем полностью обеспечил программу заводов № 176 (Муром) и 177 (Выкса) для этой машины [10, л. 34].

Горьковский автозавод сдал в июне 1942 г. 350 Т-70 при плане 390 штук. Причины невыполнения объяснялись, в частности, перерывами в прибытии коробок передач, поставляемых филиалом ЗИС в Миассах (Урал), перебоями в 12В электрооборудовании, в результате чего в конце месяца завод с согласия БТУ перешел на установку 6В электрооборудования. Имело место отсутствие достаточного внимания к производству танков со стороны дирекции завода, так как в июне ГАЗ осваивал новое производство по боеприпасам. Совершенно неудовлетворительным было качество броневых корпусов, что вызвало необходимость подгонок почти во всех машинах крышек лаза водителя, регулировки балансиров этих крышек, имело место непараллельность и коробление бортов. Чрезвычайно обострился вопрос с качеством танков Т-70 (как и других советских танков того времени). При сборке машин на испытаниях выявлялось громадное количество дефектов, требующих смены агрегатов, главным образом по причине течи. Это объяснялось отклонениями от технологических процессов изготовления ряда деталей и агрегатов в цехах из-за штурмовщины, опять-таки из-за того, что завод был перегружен заказами, а управление производством завода со стороны аппарата главного технолога

было так же слабо [6, с. 55-56]. Но вопросы качества новой машины не оставались без внимания руководства завода. Так, 17 апреля 1942 г. вышел приказ директора ГАЗ об организации длительных испытаний трех серийных танков Т-70 для определения их качества [11, с. 63].

Усиление боевой мощи и бронирования танков противника, как и невозможность дальнейшего наращивания аналогичных свойств у Т-70, обуславливало в изменившихся условиях войны снижение его боевой эффективности и привело к полному прекращению производства легких танков в 1943 году. [8, с. 22] Однако, с решением о прекращении производства Т-70 не все были согласны, одним из них был командующий 2-й Гвардейской танковой армией генерал-лейтенант танковых войск С.И. Богданов, который 25 сентября 1943 года в своем докладе в ГАБТУ Красной Армии писал: «Танк Т-70 ввиду своей высокой подвижности как нельзя лучше соответствует задаче преследования отступающего противника. В отличие от Т-34 и КВ, танк указанного типа обладает малой шумностью (звук танка не превышает звука автомобиля) даже в движении на самых высоких оборотах, что в купе с малыми размерами самого танка позволяет подразделениям на Т-70 подбираться практически вплотную к противнику, не вызывая у него преждевременной паники». Далее Семен Ильич писал: «Считаю решение о прекращении производства танка Т-70 преждевременным. Выпуск танка следует сохранить, усилив его вооружением за счет перехода к 45 мм пушке обр. 1942 года или полковой пушке обр. 1943 года» [4, с. 231-232].

Вместе с тем руководство страны высоко оценило работу коллектива ГАЗ. Постановлением СНК СССР главному конструктору ГАЗ Липгарту Андрею Александровичу за разработку конструкции нового типа легкового автомобиля и нового типа танка была присуждена Сталинская премия первой степени в размере 150 тысяч рублей. Бывшему главному конструктору завода № 37, работающему в ОГК, Астрову Николаю Александровичу за разработку конструкций новых типов легких танков также присуждена Сталинская премия первой степени в размере 150 тысяч рублей [12, с. 1]. Награждались и другие работники завода. Так, 29 апреля 1942 г. были премированы технологи за обеспечение скоростной подготовки производства машин Т-70 и ГАЗ-64-125 [11, с. 64].

Всего за 1943 г., несмотря на значительный ущерб от бомбардировок Люфтваффе, Горьковский автомобильный завод имени В.М. Молотова при плане 3200 Т-70М смог передать в войска 3348 танков и 1758 двигателей ГАЗ-203. В целом за 1942-1943 гг. заводы № 37, № 38 и ГАЗ произвели 8321 танк Т-70 и Т-70М, причем последних было

около 5000 штук, или более 60% [6, с. 69-70].

В 1942 году руководство Наркомата танковой промышленности придавало выпуску легких танков Т-70 такое же значение, как и выпуску танков Т-34. По оценке Наркома танковой промышленности И.М. Зальцмана, в 1942 году горьковский танкостроительный узел давал фронту примерно столько же танков, сколько выпускала в этот период промышленность Великобритании [13, с. 26-28].

Литература и источники

1. Замулин В.Н. Прохоровское побоище: Правда о «Величайшем танковом сражении» / В.Н. Замулин. – М.: Эксмо: Яуза, 2010. 784 с.
2. Широкоград А.Б. Танковая война на Восточном фронте / А.Б. Широкоград. – М.: Вече, 2019. – 464 с.
3. Небольсин И.В. Первая из Гвардейских. 1-я танковая армия в бою. / И. Небольсин. – М. Яуза: Эксмо, 2016. – 1056 с.
4. Небольсин И.В. Любимая Сталиным. 2-я Гвардейская танковая армия в бою / И. Небольсин. – М. Эксмо: Яуза, 2016. – 992 с.
5. Подрепный Е.И., Титков Е.П. Нижегородские машиностроители-Красной Армии (1941-1945 гг.). / Подрепный Е.И., Титков Е.П.; АГПИ им. А.П. Гайдара – Арзамас: АГПИ, 2010. – 313 с.
6. Коломиец М.В. Танки-«смертники» Великой Отечественной / М.В. Коломиец. – М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2010. – 160с.
7. Государственное казенное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее –ГОПАНО). Ф. 39. Оп. 3. Д. 25.
8. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. под редакцией профессора маршала бронетанковых войск Лосик О.А., М. Воениздат 1979, 413с.
9. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 4214.
10. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2640.
11. Горьковский автомобильный завод. 1929-2006. Люди. События. Факты. Энциклопедический справочник / Авт.-сост. В.А. Белов. – Н. Новгород: Кварц, 2006. 608с.
12. Сорочкин Ю. Лауреаты Сталинских премий / Ю. Сорочкин // Автогигант. 1942. 14 апреля. № 58 (3453). – С.01.
13. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2621.

ВОПРОС ЛИЧНОЙ ГРАНИЦЫ В РАБОТЕ С.Л. РУБИНШТЕЙНА «ЧЕЛОВЕК И МИР»

*Problem of personal boundaries in the scientific study of S.L. Rubinstein
«Person and the World»*

Аннотация. В статье рассматривается понятие личной границы и делается попытка выяснить, как именно ставился этот вопрос в одном из самых известных трудов С.Л. Рубинштейна «Человек и мир». Кроме того, подчеркивается, что понятие личной границы в отечественной психологии отсутствовало в то время, когда создавались работы С.Л. Рубинштейна.

Ключевые слова: личная граница, идеологический пресс, этический выбор, рефлексия.

Abstract. This article deals with the problem of personal boundaries in the scientific study of S.L. Rubinstein « Person and the World». Remarkably, the term «personal boundaries» did not exist among terms of Russian psychology during the period of Rubinstein's scientific work.

Keywords: personal boundaries, ideological press, ethical choice, reflection.

К изучению научного наследия С.Л. Рубинштейна, одного из классиков отечественной психологии, часто обращаются современные исследователи. В условиях изменений, происходящих в обществе, с появлением новых научных концепций оно раскрывается новыми гранями.

В конце XX века и истекающей первой четверти XXI-го в психологии все чаще употребляется понятие «личная граница». Следует отметить, что в отечественной психологии оно появилось сравнительно недавно.

С.Л. Рубинштейн был первым из отечественных психологов, кто в условиях мощного идеологического пресса, которому подвергалась, в частности, психология, ввел такие понятия как «личная жизнь» и «частная жизнь».

Это является одним из объяснений того, почему работа «Человек и мир» была опубликована лишь через 13 лет после кончины ученого.

Понятие границы многомерно. Оно может включать в себя пространство и время, но, в то же время, непременно подразумевает определенность [6].

Что же касается личных границ, то в психологии так называют правила, которые человек сам для себя устанавливает и старается придерживаться их в отношениях с другими [3]. Однако границы могут осознаваться не всегда. Проведение границ необходимо, чтобы человек мог

выделить себя из своего окружения [2]. Кроме того, граница является зоной взаимодействия личности со средой. Многие личностные проблемы связаны либо с несформированными границами, либо с неумением их защищать [5].

Отношения человека к миру, согласно С.Л. Рубинштейну, разно-модальны и разнокачественны. Благодаря своей деятельности человек преобразует мир [1]. Ученый подчеркивал разницу между познанием и действием. Познание может мир объяснить, но не изменить [1].

Действительность, по мнению ученого, всегда будет «сопротивлять-ся» действиям человека, каждое из которых имеет свои последствия [4]. Он уделял внимание вопросам этического выбора, относится ли человек к другому человеку лишь как средству достижения своих собственных целей либо проявляет к нему интерес как личности со своими интересами, ценностями, желаниями, особенностями реагирования на коммуникативные ситуации [4]. «Всякая ситуация по самому существу своему проблемна. Отсюда – постоянный выход за пределы ситуации, а сама ситуация есть становление» [4, с.48]. То есть человек в ситуации не заперт, часто можно найти несколько способов ее решения. Для этого необходима рефлексия, без которой невозможно понять другого человека, в также сформулировать отношение к своей собственной жизни. С.Л. Рубинштейн выделял три типа отношений: трагическое, юмористическое и деятельное [4]. Но их, все-таки, гораздо больше.

Настроенность на другого человека невозможна без восприятия его как целостной, отдельной личности. А отдельность и целостность предполагают наличие границ. И «этичное отношение» людей друг к другу подразумевает уважение таковых.

С.Л. Рубинштейн не отождествлял понятия «личная жизнь» и «частная жизнь.» Из частной жизни, по его мнению, «отчуждено все общественное» [4, с.53]. А «личная жизнь» подразумевает «утверждение существования» другого человека [4, с.53]. Он говорил и о расшифровке «подтекста поведения», интерпретации того, что «человек «имел в виду» своим поступком» [4, с.63]. Однако, в современной жизни приходится принять, что существуют лишь поступок и факт. А попытки интерпретации могут оказаться всего лишь интеллектуальными уловками. Но могут и не оказаться. «Жизнь могуча, бесконечно разнообразна и чревата всем добрым и злым» [4, с.57].

Литература и источники

1. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л.Рубинштейна // М., Наука, 1989
2. Ильюшенко Н.С. Категория «граница» как конституирующий принцип

- индивидуального самосознания // https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/School_young_ph/11_Pyushenko.pdf Дата обращения: 30.03.24
3. Постникова И. Со мной так нельзя: что такое личные границы // <https://journal.tinkoff.ru/lichnie-granitsy/>
4. Рубинштейн С.Л. *Человек и мир* // <https://avidreaders.ru/book/chelovek-i-mir.html> Дата обращения 28.03.24
5. Сахарова Н.А., Щукина Ю.В. Феномен «психологические границы личности» в психологии // <http://www.psyanima.su/journal/2014/3/2014n3a1/2014n3a1.pdf> Дата обращения 30.03.24
6. Психологические границы// <https://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: 30.03.24

М.М. Калашева
M.M. Kalasheva

ГРАНИЦА КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

*The border as a mechanism for preserving national identity in the
countries of the Balkan Peninsula*

Аннотация. В центре внимания статьи — проблема сохранения национальной идентичности в странах Балканского полуострова в контексте признания их географических и территориальных границ. Особый акцент в статье сделан на международно-правовом содержании термина «граница» и роли, которую административная граница оказывает на сохранение национальной идентичности в странах Балканского полуострова.

Ключевые слова: Балканский полуостров, Балканы, национальная идентичность, государственная граница, Югославия, народы Балкан.

Abstract. *The article focuses on the problem of preserving national identity in the countries of the Balkan Peninsula in the context of recognition of their geographical and territorial borders. Particular emphasis in the article is placed on the international legal content of the term «border» and the role that the administrative border has on the preservation of national identity in the countries of the Balkan Peninsula.*

Keywords: *Balkan Peninsula, Balkans, national identity, state border, Yugoslavia, peoples of the Balkans.*

Вопрос определения государственных границ в международном праве оказывает большое влияние на современное геополитическое положение всех стран в мире. Установление границ позволяет каждому государству закрепить свой спектр различных интересов, многие из которых являются важными для определённого этноса и выражаются в сохранении его национально – культурной идентичности и безопасности. Нормы международного права обеспечивают территориальные границы и целостность каждого государства, позволяя ему функционировать в пределах своего географического пространства. Вследствие чего границы являются особым административным институтом в теории международного права. Ярким примером, подтверждающим важность определения территориальных границ в современном мире и как следствие — сохранение национальной идентичности — стал Балканский полуостров.

Балканы на протяжении веков, имея особое геополитическое положение, являются центром притяжения интересов различных госу-

дарств. На территории Балканского полуострова сегодня располагаются двенадцать государств: Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, частично признанное государство Республика Косово, Румыния, Северная Македония, Сербия, Словения, Турция, Хорватия, Черногория, имеющие свои особые национальные традиции, язык, вероисповедание и менталитет. К сожалению, современные Балканы — это ещё и территория, где на протяжении десятилетий продолжается перманентный вооруженный конфликт, который трудно разрешить. Эту территорию часто сравнивают с перекрестком, где сходятся политические и экономические интересы всего мира, или историческим мостом, соединяющим разные цивилизации. Подобный порядок вещей в географическом положении Балкан породил динамичную модель формирования государственности у ряда стран здесь расположенных, где главным очагом напряжённости стали Босния и Косово. Не зря в массовом сознании социума закрепилось известное выражение о том, что Балканы представляют с собой «пороховой погреб» всей Европы [1]. Именно поэтому политики, общественные деятели и учёные всего мира постоянно ищут ответ на сложный вопрос о том, насколько прочным может быть мир, поддерживаемый Дейтонскими соглашениями от 14 декабря 1995 года [2].

Самобытные культурные традиции, национальные языки и обычаи Балкан долгие годы во многом сохраняли и защищали жизнеспособность этих стран от вызовов западноевропейской модели государственного устройства. Постоянные конфликты и военные действия, отсутствие механизма политической культуры, нестабильная политическая ситуация на полуострове стали одной из больших проблемой для всего этого региона. Поэтому само понятие «балканизация» напрямую связывают с политической раздробленностью, отсутствием идеи единства в этом регионе [3]. Здесь особого внимания заслуживает вопрос о статусе Косово, где постоянно происходят межэтнические и региональные столкновения. Сегодня Косово представляет собой своеобразный азимут христианской и мусульманской цивилизации, с присущей ему нестабильной политической ситуацией во взаимоотношениях между различными этносами и конфессиями.

Балканские страны в постсоциалистическую эпоху пережили определенные культурные изменения, характеризующиеся социальным конфликтом, затронувшим национальную и культурную идентичность, особенно в государствах бывшей Югославии [4]. Подобный рост национализма привел к серьезным изменениям в интеллектуальной среде и продвижению националистических взглядов, что имело далеко идущие негативные последствия для населения Балканского

полуострова: резко обострились региональные конфликты и возросла международная напряженность. Все это способствовало формированию представлений о важности идеи национального суверенитета. Вопросы же о возможности интеграции этнических и национальных культур, правовой статус и суверенитет каждого отдельного гражданина и другие положения, основанные на демократических ценностях равенства и свободы, утратили свою актуальность.

Необходимо понимать, что политика регионализации на Балканах открывает большие перспективы для развития национальных обществ в политической, культурной и экономической сферах. Она способствует развитию демократии и ослаблению напряженности, вызванной расовыми и религиозными противоречиями, позволяя региону преодолеть исторические ограничения и защититься от возможной аннексии. По сути, она предоставляет своеобразную платформу для решения многих вопросов настоящего и будущего государственного устройства Балкан.

Существующие самобытные национально – культурные традиции, общие экономические интересы балканских народов должны лежать в основе деятельности правительств этих государств. Требуется разработать некий автономный план регионального развития всего полуострова в целом, но с учётом интересов каждого государства в отдельности. Следует поощрять Балканские государства к более тесному сотрудничеству в европейских и международных делах. Подобная интеграция Балкан в систему европейского единства активно поддерживается в Евросоюзе, поскольку подобное ограничивает национальную самостоятельность этих государств. Но такой проект европейской интеграции должен нести в себе согласованные усилия по развитию межбалканского сотрудничества, учёта интересов отдельных стран и народов, сохранения национальной идентичности. Иными словами, это должна быть определённая модель параллельного функционирования взаимодополняющих процессов.

В последнее время на Балканах явно усиливаются тенденции к самоопределению. Причиной такого роста национального самосознания стали значительные изменения в политических, культурных и экономических вопросах. В настоящее время это сложное взаимодействие между балканскими странами выходит за рамки простых забот о безопасности границ и правах человека. На регион оказывают значительное влияние маркеры исторической памяти, прочно связывающие их с Российской Федерацией, которая всегда отстаивала интересы Балканского полуострова в ООН и понимание того факта, что законодательные практики, ограничивающие гражданские и политические права

этнических меньшинств вообще не должны существовать.

К большому сожалению, политический курс многих государств Балканского полуострова по-прежнему формируются под влиянием давнего чувства исторической несправедливости, которое отражается в государственных границах и потере некоторых территорий.

Народы Балкан все еще находятся в процессе осознания своей национальной - культурной идентичности, понимания того, кто они есть. На последнюю роль в этом процессе занимают постоянные военные действия на Балканском полуострове и вмешательства других государств, что является серьезным препятствием на пути их поступательного развития [5]. Следовательно, наиболее подходящей стратегией для решения обеспечения права народов на самоопределение и установления мира в межэтнических отношениях станет понимание того факта, что органам власти и управления необходимо разработать единый акт (договор) правового характера, регулирующий межэтнические отношения; обозначить демократические ценности и внутренние механизмы, направленные на урегулирование конфликта интересов отдельных этносов; устранить все противоправные действия со стороны органов государственной власти, в которых проявляются черты возможного доминирования над нормами права. Представляется, что давно и глубоко укоренившиеся буквально на ментальном уровне межэтнические противоречия привели к тому, что в ряде государств Балканского полуострова остро стоит вопрос о сохранении национальной государственности и целостности административного устройства.

В связи с этим особым образом актуализируется вопрос о том, каким образом народы Балканского полуострова должны оставаться верными своей национальной и культурной идентичности? Как выбрать правильный путь будущего государственного единства и поступательного развития?

На наш взгляд, только четкое представление о том, что все возможные нарушения в сфере межэтнических отношений всегда будут мешать будущему развитию любого демократического государства помогут найти правильный путь государственного устройства на Балканах. Подобный целевой подход позволит стать двигателем народного единства на пути выработки механизмов, способствующих сплочению всех народов Балканского региона, при сохранении их уникальной идентичности.

Самобытные традиции, обычаи, язык, культура, музыкальное наследие и все то, что составляет балканский национальный дух должны навечно оставаться за представителями разных этнических образова-

ний. В тоже время, существующий в современном мире процесс глобализации, охвативший все сферы общественной жизни различных социумов, несет в себе неоднозначный и противоречивый характер. С одной стороны благодаря глобализации и интеграции инновационных процессов во взаимоотношениях с различными культурами, народы Балкан взаимодействуют и развиваются в культурном, духовном, политическом и экономическом плане. С другой стороны, чрезмерные процессы подобного плана приводят к потере той национально - культурной идентичности, той отличительной черты, которая присуща только народам Балканского полуострова. Люди сами делают свою историю, поэтому необходимо уметь устранять негативные последствия глобализации и все худшие ее проявления.

Народам Балкан важно самим формировать систему общественных ценностей внутри своего социума, которая включала бы в себя целеустремленность, ответственность, стремление к саморазвитию, историческую память и национальную идентичность. На протяжении многовековой истории народы Балкан формировали свою неповторимую культурную традицию и общественное устройство, которые необходимо сохранить.

Именно поэтому важно не только беречь это самобытное богатство, но и способствовать тому, чтобы идея о национальной идентичности заняла своё особое место в мировом культурном наследии. Балканский полуостров должен стать достойным примером сохранения национальной идентичности у государств его населяющихся.

Положительную роль в развитии институтов национальной идентичности на Балканах, несомненно, оказывает Российская Федерация, давно и прочно связанная с ними исторически, культурно и духовно.

Таким образом, государственная граница является неотъемлемой частью сохранения независимости государства и его нации. До настоящего времени многие государства сталкиваются с проблемой формирования административных границ, что вызывает конфликты на международной арене. Обеспечение суверенитета, сохранение исторической памяти, национальной идентичности, защита личности и общества не могут быть достигнуты без приведения к общей правовой регламентации вопросов о государственной границе, ее статуса и правового положения.

Вопросы сохранения национально-культурной идентичности посредством соблюдения правового статуса административных границ для стран Балканского полуострова возможны сегодня только при соблюдении некоторых условий.

Во-первых, необходимо разработать единый правовой механизм

на всей территории Балканского полуострова, с помощью которого будет гарантирована защита национальной идентичности для разных этносов в пределах государственных границ.

Во-вторых, следует выработать стратегию по развитию межкультурного обмена, используя формы многостороннего договора между странами Балканского полуострова.

В-третьих, важно сохранить историческую память разных этнических образований, которые населяли Балканы с давних времён, поскольку именно подобный подход позволяет обеспечить реальное сохранение и развитие национальной идентичности каждого народа этой территории.

Литература и источники

1. Пономарева Е.Г. Балканы остаются регионом с неисчерпанным конфликтным потенциалом. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/balkany-ostayutsya-regionom/> (дата обращения: 14.04.2024).
2. The Dayton Peace Agreement. Text of Dayton Peace Agreement Documents Initialed in Dayton, Ohio on November 21, 1995. URL: <http://www.state.gov/www/regions/eur/bosnia/bosagree.html> (дата обращения: 14.04.2024).
3. Гаджиев К.С. Политическая философия. М.: Экономика, 1999.
4. Пономарева Е.Г. Балканы как зона (дез)интеграции // Политическая наука перед вызовами современной политики: материалы VII Всероссийского конгресса политологов 18–20 ноября 2015. М., 2015. С. 460–462.
5. Ламаш М.В. Балканский полуостров: особенности геополитических и межнациональных процессов // Русская политология. 2021. №1 (18).

РОССИЙСКАЯ «ДИПЛОМАТИЯ НАСЛЕДИЯ» НА ГРАНИЦЕ ДВУХ МИРОПОРЯДКОВ

Russian “heritage diplomacy” on the border of two world orders.

Аннотация. В работе анализируются исторические предпосылки осуществления Россией в современных международных условиях «дипломатии наследия». На конкретных примерах определяется ее суть, основные формы и результаты.

Ключевые слова: международная гуманитарная политика России, культурное наследие, традиционные ценности, многополярный мир, новый миропорядок.

Abstract. The work analyzes the historical prerequisites for Russia’s implementation of “heritage diplomacy” in modern international conditions. Using specific examples, its essence, main forms and results are determined.

Keywords: international humanitarian policy of Russia, cultural heritage, traditional values, multipolar world, new world order.

В начале XXI века в условиях глобализации чрезвычайную актуальность приобрела проблема сохранения этнокультурных ценностей стран и народов мира, отражающих их идентичность. Особо остро она встала перед Россией. Объяснение этого следует искать, прежде всего, в 1990-х годах, когда в период становления Российской Федерации ее государственное руководство предпринимало активные попытки перехода к «общечеловеческим ценностям» и по сути отказа России от ее этнокультурного кода. Усугубляли негативные последствия такой государственной политики разрыв налаженных в прежний период международных связей и переориентация их на страны Запада. В результате такой разрушительной политики государственного руководства России стали размываться характерные для Российской цивилизации базисные ценностные основы и замещаться чуждыми. Как свидетельствовал о рубеже XX–XXI веков замечательный ученый, культуролог В.Б. Земсков: «Запад воспринимает часть русских как «чужих», часть как «других», часть как «похожих на себя», но все равно «чужих, как всегда нуждающихся в управлении», а в русском самосознании противоборствуют также «свои», «другие» и чужие»» [1, с.41]. А для многих ранее дружественных стран и целых регионов новая Россия из-за разрыва прежних связей и отсутствия информации о ней превратилась в terra incognita. Так, например, при опросе об освещении бразильскими СМИ событий в России «30% опрошенных

сочли информацию о России «недостаточной», а 33% - «практически отсутствующей», вследствие чего представления о России у 60% опрошенных было «нейтральным», у 5% - «кажущимся нейтральным с негативным подтекстом» и у 3% - «негативным» [1, с.41].

Процесс размывания цивилизационных этнокультурных ценностей и их разнообразия в условиях сложившегося к началу XXI века однополярного миропорядка приобретал все более угрожающий характер, подрывая систему международной безопасности. В своем выступлении на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 года В.В. Путин заявил: «Известно, что проблематика международной безопасности много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межцивилизационного диалога. Однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [2].

Эти установки в полной мере отразились в концепции «Сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009 – 2015 годы», разработанной и утвержденной Министерством культуры РФ 17 декабря 2008 года. В ней отмечалось: «Реализация Концепции способствует более глубокому осознанию значения нематериального культурного наследия и его охраны как основы идентификации нации, фактора, способствующего сближению и взаимопониманию между людьми» [3].

Государственный переворот на Украине в 2014 году, поддержанный странами Запада, последующие за этим массовые гонения на русский мир, русскую культуру и язык потребовали уточнения не только внутренней культурной политики, но и задач внешней политики РФ, роли и места в их решении нематериального культурного наследия России. Стратегия государственной культурной политики до 2030 года, утвержденная Правительством РФ 29 февраля 2016 года, в полной мере отразила новые реалии. Среди приоритетных направлений Стратегии определялись: «усиление и расширение влияния российской культуры в иностранных государствах, популяризация туристской привлекательности России, продвижение традиционных для российского общества нравственных ценностей, традиций и обычаев, популяризация культурного наследия России» [4].

И, наконец, начало Специальной военной операции в феврале 2022 года, нацеленной на защиту русского мира в Донбассе и защиту национальных интересов и безопасности РФ потребовало от ее государственного руководства создания необходимых концептуально-пра-

вовых оснований для решения поставленных задач. 5 сентября 2022 года был подписан Указ Президента РФ «Об утверждении концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». В Концепции подчеркивалось, что накопленный Россией веками опыт, культурное наследие и духовный потенциал позволили ей «занять особое место в мировом культурном пространстве и создали возможности для успешного продвижения за рубежом традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Однако, как подчеркивалось в Концепции, глобализация «ставит под угрозу культурную самобытность стран и народов», увеличивается количество попыток «дискредитировать Русский мир, его традиции и идеалы» [5]. В Концепции были определены следующие задачи гуманитарной политики РФ за рубежом: «формирование представление о России как о государстве, которое бережно охраняет свою богатую историю и культурное наследие; защита, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих Русскому миру. В целях укрепления положительного образа России в мире следует активно использовать в рамках международных форматов различные инструменты «дипломатии наследия», способствующие охране и популяризации российского исторического и культурного наследия за рубежом» [5].

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года были утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и определялись как документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ. Проведение такой политики предполагало «формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, повышение роли России в мире за счет продвижения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, основанных на исконных общечеловеческих ценностях» [6].

В условиях проводимой странами Запада политики антироссийских санкций и «отмены культуры» России осуществлять «дипломатию наследия» чрезвычайно сложно. Наиболее реальной площадкой для ее проведения становится территория самой России, а форматом – международные форумы и фестивали. Ярким примером подобной практики стала VI Всемирная Фольклориада, проведенная летом 2021 года в столице Башкирии Уфе под эгидой Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Международного Совета организаторов фольклорных фестивалей – СIOFF. В Фольклориаде приняли участие делегации 37 стран мира. Проект собрал более 1000 участников, 70

ремесленников. Во время Фольклориады работала Международная выставка промыслов и ремёсел. На ней были представлены работы ремесленников из 19 стран мира. Примечательно, что Проект «VI Всемирная фольклориада в TikTok» вошел в список финалистов международной премии «Культура онлайн» [7]. Тем самым активное использование интернет ресурса для популяризации событий Фольклориады еще более расширило ее международную аудиторию.

За проведение VI Всемирного фестиваля фольклора его организаторы во главе с творческим директором Тamarой Пуртовой стали лауреатами премии Правительства РФ 2023 года в области культуры [8].

Лауреатами премии Правительства РФ за 2023 год стали также организаторы фестиваля фольклора и традиционной культуры «Горцы» во главе с автором проекта Мариян Мугадовой. Этот Фестиваль проходит с 2004 года, а с 2012 года он находится под патронатом ЮНЕСКО. В 2023 году в ходе реализации нацпроекта «Культура» в нем приняли участие лучшие фольклорные коллективы и мастера декоративно-прикладного искусства из более 20 регионов России, Республики Беларусь, Азербайджана, Израиля и Армении [9].

Примеры того, как с помощью фольклорных фестивалей популяризируются традиционные ценности народов России, - многочисленны. В 2023 году Челябинск в 13-й раз принял Международный фестиваль национальных культур «Синегорье». Фестиваль был основан в 2005 году и постепенно обрел популярность не только в России, но и далеко за ее пределами. В 2023 году его участниками стали многочисленные коллективы из различных регионов России и Государственный академический ансамбль танца Беларуси. Международный фестиваль народного искусства и ремесел «Садко», проводимый в Великом Новгороде под эгидой Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Международного Совета организаторов фольклорных фестивалей – CIOFF и Международной организации по народному творчеству IOV при ЮНЕСКО с 2002 года, в 2023 году принял мастеров-ремесленников из Республики Беларусь и многих регионов России. С 2010 года в городе Ковров Владимирской области проводится Международный фестиваль народного творчества «Золотое кольцо». А 29 марта 2024 года в РГПУ им. А. И. Герцена состоялось торжественное открытие X Международного фольклорного фестиваля «Сохраняем традиции» и гала-концерт участников из различных регионов России, а также Болгарии и Египта. В программу гала-концерта фестиваля вошли вокальные номера и танцевальные композиции, игра на национальных инструментах, дефиле мастеров национального костюма и обряд одевания невесты в исполнении участников разных

возрастов [10].

Таким образом, в сложных условиях формирования нового миропорядка, перехода к многополярному миру российская «дипломатия наследия» осуществляет историческую роль по сохранению и популяризации традиционных ценностей не только России, но и всего человечества.

Литература и источники

1. На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) /отв. ред. В.Б. Земсков. – М.: Новый хронограф, 2011. - 696 с.
2. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 31.03. 2024).
3. Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009-2015 годы. URL: <http://www.folkcentr.ru/wp-content/uploads/2017/03/> (дата обращения: 24.03. 2024).
4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm> (дата обращения: 31.03. 2024).
5. Указ Президента РФ «Об утверждении концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 31.03. 2024).
6. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 01.04. 2024).
7. Всемирная Фольклориада – 2021. URL: <https://rcntrb.com/ru/2-uncategorised/6450-vsemirnaya-folkloriada-2021> (дата обращения: 03.04.2024).
8. Лауреаты премии Правительства РФ в области культуры. URL: https://culture.gov.ru/press/news/mikhail_mishustin_vruchil_premii_pravitelstva_v_oblasti_kultury_za_2023_god/ (дата обращения: 03.04. 2024).
9. Фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы». URL: <https://xn--80aараремсчfmo7a3с9сhj.xn--plai/news/v-dagestane-proydet-festival-folklor-a-i-traditsionnoy-kultury-gortsy> (дата обращения: 03.04. 2024).
10. X Международный фольклорный фестиваль «Сохраняем традиции». URL: https://www.herzen.spb.ru/news-events/news/?ELEMENT_ID=32412 (дата обращения: 03.04. 2024).

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ГРАНИЦУ КАК НОВАЯ ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИИ

Traveling abroad as a new form of cultural practice in Russia

Аннотация. В центре внимания статьи — особенности и этапы становления туризма в России в XVIII — начале XX в. Особый акцент в статье делается на анализе новой формы межкультурной практики для россиян — длительных и частных путешествиях за границу, географии поездок, вопросам персонификации российских путешественников и развитию туристических коммуникаций России с европейскими странами.

Ключевые слова: *путешествия за границу, форма культурной практики, туризм в России в XVIII — начале XX в., межкультурные коммуникации.*

Abstract. *The article focuses on the peculiarities and stages of tourism formation in Russia in the XVIII — early XX centuries. The special emphasis in the article is made on the analysis of a new form of intercultural practice for Russians — long and private trips abroad, geography of trips, issues of personification of Russian travelers and development of tourist communications between Russia and European countries.*

Keywords: *traveling abroad, form of cultural practice, tourism in Russia in XVIII - early XX centuries, intercultural communications.*

Практика знакомства с окружающим миром посредством путешествий существует уже давно. Ещё в XII в. на Руси была распространена церковная традиция, основанная на далеких путешествиях в малоизвестные земли, получившая названия <<хождения>>, которые описаны в исторических памятниках, имеют документальные и литературные подтверждения.

В процессе путешествий расширялся кругозор человека, приобретались новые знания и навыки, происходило знакомство с культурными традициями других народов и др. История путешествий уходит своими корнями в древние времена, когда развивая торговые, политические, религиозные контакты происходило знакомство с новыми территориями и народами. Считается, что первыми путешественниками, которые ради получения новых впечатлений и удовольствий стали осуществлять дальние поездки, были древние римляне. Они много перемещались по стране, совершая длительные путешествия для отдыха и лечения. Хорошо развитая дорожная сеть Римской империи способствовала такому быстрому и безопасному передвижению.

С течением времени путешествия стали популярны и в России, в XVIII в. в стране появляется и активно развивается новая форма меж-

культурных коммуникаций — длительные поездки по Европе, получившие название Grand tour. Отличительная особенность подобного рода культурных практик постепенно становится важной составляющей частной жизни российского дворянства, свободной и достаточно самостоятельной категории граждан. Этому есть несколько объяснений.

Во-первых, благодаря развитию экономических, политических, культурных и др. контактов с европейскими странами они стремились узнать новый для себя окружающий мир. Во-вторых, посредством путешествия за границу осуществлялось личное освоение нового социально — культурного пространства Европы и знакомство с иностранной повседневностью и бытом. И наконец, рост количества путешествий был напрямую связан с финансовыми возможностями россиян. Так, например, в поездки стали отправляться семьями, уезжали для получения образования или лечения и др.

История путешествий за границу в России прошла в своём развитии несколько этапов. Это — XVIII в., затем вторая половина XIX в., когда в России идет процесс формирования национального туризма как профессиональной отрасли и начало XX в. — время, когда представители российской аристократии традиционно проводили конец осени в Париже. Рассмотрим их немного подробнее.

Отмена в 1762 г. обязательной дворянской службы в России способствовала изменению ориентиров в повседневной жизни этой категории граждан. В результате чего, путешествия за границу становятся определенной нормой культурной практики. Дворяне с семьями и без, состоящие на службе чиновники, а также художники и литераторы начинают совершать частные путешествия за границу. В какой-то степени длительные поездки в Европу становятся неким подражанием стандартам повседневной жизни европейских дворянских семей. Путешественники из России открывают для себя популярные европейские курортные места, где не только отдыхают, но и лечатся. Постепенно россияне обосновываются и создают свои колонии в Баден - Бадене и Висбадене в Германии, в Ницце во Франции, в Сан - Ремо в Италии и многих других странах.

Туристическим поездкам россиян за границу способствовало широкое распространение современных для того времени средств передвижения. Это были — брички, кибитки, тарантасы и кареты, специальные закрытые экипажи на четырёх колёсах с рессорами, получивших название дормез, название которого происходит от французского слова «спать».

Среди первых российских путешественников «по долгу службы» был князь А.Л. Кантемир, обосновавшийся в Европе, начиная с 1738

г. и вплоть до своей смерти. Он жил в Париже, где некоторое время выполнял обязанности российского посланника.

В 1752 г. в Женеву с целью получения образования приехал граф А.С. Строганов, который много путешествовал по Европе, изучал язык и национальную культуру страны своего пребывания и даже был близко знаком с Вальтером. Это было длительное путешествие по меркам того времени — с 1752 по 1757 гг. Строганов посещал лекции в университетах Женевы, Болоньи и Парижа. Опубликованные им позднее автобиографические путевые записки, в которых он самым подробным образом описал историю и географию путешествий, различные города и страны, систему государственного управления в европейских странах и др., являются первым опытом воспоминаний путешественника в России.

Известными российскими путешественниками за границу была супружеская чета — граф и графиня Шуваловы. В 1764 — 1766 гг. и 1777 — 1781 гг. они много путешествовали по разным городам и провинциям Франции.

Случилось так, что к концу XVIII в. россияне настолько основательно обосновались во Франции, что не только приезжали в эту страну на отдых, но и сами стали принимать деятельное участие в жизни аристократических салонов. Так, например, в 1787 г. и 1788 г. торжественные балы на пятьсот человек устраивала в своём собственном доме княгиня Н.П. Голицына, отец которой в 1760 — 1763 гг. был послом во Франции. Затем в 80 - е годы XVIII в. она вместе с мужем и детьми много путешествует по странам Европы, ее семья была дружна со многим известными представителями европейского искусства того времени. Даже несмотря на тот факт, что Екатерина II была недовольна столь долгим отсутствием этой семьи за границей, княгиня Голицына долго не возвращалась в Россию [1, С. 140 - 141].

Русские путешественники за границей не только изучали повседневную жизнь и быт европейцев, но и хорошо знали их традиции и нормы этикета. Так, например, графиня Н.П. Головкина стала первым автором романа на русском языке, который был переведён и опубликован во Франции. Многие россияне, находясь за границей могли свободно говорить на иностранных языках.

Со временем длительные путешествия за границу для многих представителей российского дворянства превратились в постоянное проживание в странах Европы. Они покупали дома, открывали великосветские салоны, организовывали приемы, общались с известными европейскими политиками и литераторами. Одним из самых изысканных великосветских салонов своего времени, открытым в Риме в на-

чале XIX в., был салон княгини З.А. Волконской, говорившей на нескольких иностранных языках. Русские путешественники, художники и дипломаты, многие иностранцы и др. считали за честь побывать в гостях у княгини Волконской. Здесь устраивались музыкальные вечера, ставились спектакли на русском языке, проходили костюмированные римские карнавалы и др. Впоследствии, достаточно близко познакомившись с Италией, княгиня из путешественницы превратится в постоянного жителя этой страны, где в 1835 г. приняла католичество.

Благодаря представителям российской аристократии, которые широко практиковали путешествия за границу, постепенно, шаг за шагом расширялись межкультурные контакты России и европейских стран. Дружеские отношения, общность интересов и взаимный социо-культурный обмен способствовали определенной межкультурной интеграции.

Начиная со второй половины XIX в. в России быстрыми темпами развивается новая профессиональная отрасль — туризм. Путешествия за границу становятся со временем неотъемлемой частью повседневной жизни для ряда категорий населения страны. В русском литературном журнале XIX в. «Отечественные записки» появляются даже публикации о туризме [2, С.1].

Именно в это время в Европе начинают складываться и первые туристические направления, где предпочитают проводить своё свободное время путешественники из России. Фактически, в ряде европейских городов возникают даже целые колонии из россиян. Это, например, Ницца, в которой строятся православные церкви, открываются великосветские салоны, появляются русские бульвары и др.

Представители российской аристократии формируют на Лазурном берегу, приезжая сюда в зимнее время, особую атмосферу русского присутствия. Так, из 104 семей иностранцев, проживших здесь — более 30 составляют русские семьи. Затем идут англичане и др. [3, С.13].

С 1856 г. в Ниццу часто приезжала, путешествуя за границей, вдовствующая императрица Александра Фёдоровна. В 1858 г. великая княгиня Елена Павловна ввела практику летних сезонов в Ницце. Вследствие чего, многие русские аристократы стали активно арендовать жильё и проводить отпуск во Франции. В городе появились русские рестораны, театры, складывалась система страхования, организовывались акционерные общества.

Ещё одной страной российского туристического присутствия со временем становится Италия, где можно было встретить большое количество российских художников и литераторов. Любопытно, но наряду с итальянским направлением путешествий за границу в кон-

це XIX в. у россиян возникает большой интерес к поездкам в страны Арабского Востока и Африки.

Вплоть до революционных событий 1917 г. в России, путешествия за границу являются одной из наиболее востребованных межкультурных практик. Так, например, в Риме в 1914 г. было создано «Общество имени А.И. Герцена», одной из целей создания которого было сближение духовной связи европейских стран с Россией. Путешественники, которые в начале XX в. все активнее открывали для себя новые туристические маршруты и направления, считались платёжеспособными клиентами в Европе. Со временем путешествия за границу стали определенной нормой повседневной жизни для россиян.

Таким образом, путешествия за границу как новая форма межкультурных практик вошла важной составляющей в образ жизни не только для представителей российского дворянства, конструируя туристическое пространство XVIII — начала XX вв. в России. Со времени наиболее популярные европейские страны русского туристического присутствия станут на долгие годы центрами эмигрантской колонии в Европе [4, С. 85 - 93].

Литература и источники

1. Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по - *французски*: русская литература на французском языке XVIII — первая половина XIX век. М. 2010. С. 140 - 141.
2. Ливенский Н. Туристы вообще и особенно русские // *Отечественные записки*. 1859. N 34. С.1.
3. Нечаев С.Ю. *Русская Ницца*. М., 2008. С.13.
4. Баркова О.Н. Спорные вопросы в исследовании русской женской эмиграции во Франции 1917 - 1939 гг. / *КЛИО*. 2017. N 9 (129). С. 85 - 93.

**ПСИХОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ РУКОВОДСТВОМ
СТРАНЫ В ПОГРАНИЧНОМ СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ
И МИРА В ОБЛАСТИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

*Psychology of the country's leadership in the border state of war and
peace in the field of military-technical cooperation*

Аннотация. В статье в краткой форме раскрыты такие факторы, как политический, финансовый, экономический, организационный, выбора, качества и цели, влияющие на психологию принятия решений политического и военного руководства Российской империи и СССР по организации военно-технического сотрудничества в интересах флота с зарубежными странами в пограничном состоянии перехода от мира к войне.

Ключевые слова: *психология политического и военного руководства, военно-техническое сотрудничество, критические факторы, пограничное состояние, мирное и военное время.*

Abstract. *The article briefly reveals such factors as political, financial, economic, organizational, choice, quality and goals that affect the psychology of decision-making by the political and military leadership of the Russian Empire and the USSR on the organization of military-technical cooperation in the interests of the fleet with foreign countries in the borderline state of transition from peace to war.*

Keywords: *psychology of political and military leadership, military-technical cooperation, critical factors, border state, peacetime and wartime.*

Историко-психологические аспекты мирного и военного времени, а также перехода от мира к войне освещают в том числе психологию политического и военного руководства, а также принятие ими военно-политических, стратегических и тактических решений [1]. Данные решения касались и военно-технического сотрудничества в интересах флота.

Самостоятельно развивать военное кораблестроение не могла ни одна мировая морская держава. Тем или иным образом использовался опыт кораблестроительного производства, создания военно-морской техники и вооружения других государств. Не были исключением Российская империя и СССР. Создание системы военно-технического сотрудничества началось на основании Указа императора Александра III об утверждении «Положения Комитета Министров о правительственных заказах за границей» от 12 декабря 1893 года [2, л. 9], которым устанавливался механизм импортных закупок для всех министерств и ведомств Российской империи.

Следует отметить, что система военно-технического сотрудничества дореволюционного и советского периодов была аналогичной. Ее функционирование осуществлялось по следующим направлениям: закупка кораблей, образцов военно-морской техники и вооружения, в том числе для их изучения; командировки отечественных специалистов на зарубежные предприятия и иностранных специалистов на отечественные предприятия в целях получения опыта; приобретение лицензий и патентов; получение материалов посредством военно-морской разведки и др.

Функционирование системы военно-технического сотрудничества кардинальным образом менялось в связи с решением политического и военного руководства в пограничном состоянии перехода с мирного на военное время. На психологию принятия данного решения существенным образом влияли критические факторы, меняющиеся в годы кризисов и катаклизмов, вызванные состоянием мирного и военного времени. Основными среди них являлись: политический, финансовый, экономический, организационный, выбора, качества и цели.

Политический фактор обеспечивал в мирное время доступ к новинкам военно-морской техники и вооружения почти всех наиболее развитых мировых морских держав. В военное время количество стран ограничивалось только теми, с которыми имелись союзнические обязательства [3, с. 68].

Финансовый фактор определял финансовые возможности обеспечения строительства флота. В мирное время осуществлялось либо плановое обеспечение потребностей флота либо, при принятии новых программ военного кораблестроения осуществлялось внеплановое выделение денежных средств. В военное время выделялось неограниченное количество денежных средств, в том числе полученных в кредит от других стран [3, с. 71].

Экономический фактор заключался в том, что в мирное время экономика развивалась планомерно и динамично, модернизировалось производство, осваивались новые технологические процессы. В военное время проводилась мобилизация экономики, направленная на обеспечение действующего флота [3, с. 75].

Организационный фактор определял структуру и задачи системы военно-технического сотрудничества в мирное время в зависимости от потребностей флота. В военное время задачи существенно изменялись, реорганизовывались старые и создавались новые структуры системы военно-технического сотрудничества [3, с. 80].

Фактор выбора определял в мирное время возможность получения от зарубежных поставщиков наиболее подходящей номенклатуры

новых образцов техники и вооружения, выбираемых в интересах отечественного флота. В военное время приходилось получать то, что поставщики могли предоставить [3, с. 90].

Фактор качества свидетельствовал о качестве получаемой военно-морской техники и вооружения. В мирное время имелась возможность получать зарубежную военно-морскую технику и вооружение высокого качества. В военное время приходилось получать от зарубежных стран устаревшую продукцию не всегда высокого качества [3, с. 93].

Фактор цели определял, для чего, в каких целях осуществлялись закупки в интересах флота. В мирное время новинки военно-морской техники и вооружения приобретались в ограниченном количестве с целью их досконального изучения и рассмотрения возможности создания аналогичных образцов. В военное время осуществлялись массовые закупки военно-морской техники и вооружения, необходимые для оснащения флота, участвующего в боевых действиях [3, с. 95].

Важными особенностями вышеперечисленных критических факторов являлись, во-первых, четкая взаимосвязь и взаимозависимость между ними; во-вторых, цикличность проявления: они проявлялись и в Российской империи, и в Советском Союзе; в-третьих, их коренные изменения происходили с переходом с мирного на военное время и с военного времени на мирное.

Таким образом, на психологию политического и военного руководства Российской империи и СССР при принятии ими решений по военно-техническому сотрудничеству в интересах ВМФ важную роль играли факторы политический, финансовый, экономический, организационный, выбора, качества и цели. Данные факторы кардинальным образом менялись в периоды кризисов и катаклизмов, обусловленных пограничным состоянием перехода государства от мирного к военному времени.

Литература и источники

1. Война как историко-психологическое явление. Мировые войны – феномен XX века. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России URL: <https://history.wikireading.ru/126261> (дата обращения 29.03.2024).
2. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф-401. Оп. 6. Д. 94.
3. Федулов С. В. Исторический опыт военно-технического сотрудничества Российской империи, СССР с зарубежными странами в интересах Военно-морского флота (1890–1950). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. 464 с.

НА СТЫКЕ ИНТЕРЕСОВ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ПОГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И ИНДИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

*At the intersection of interests: geopolitical realities and border
interaction between China and India in the context of the Russian-
Ukrainian conflict*

Аннотация. В рамках данной статьи исследуется влияние российско-украинского кризиса на динамику пограничного взаимодействия Китая и Индии, осложненную историческими территориальными спорами и современными геополитическими вызовами. Анализируются как возможности, которые данный кризис создает для поиска компромиссов и урегулирования существующих противоречий, так и риски эскалации напряженности и усиления конфронтации в регионе.

Ключевые слова: Китай, Индия, Пограничные споры, Российско-украинский кризис.

Abstract. This article examines the impact of the Russian-Ukrainian crisis on the dynamics of border interaction between China and India, complicated by historical territorial disputes and modern geopolitical challenges. The article analyzes both the opportunities that this crisis creates for finding compromises and resolving existing contradictions, as well as the risks of escalating tensions and intensifying confrontation in the region

Keywords: China, India, Border disputes, the Russian-Ukrainian crisis

История международного сотрудничества азиатских гигантов, чей экономический потенциал наращивался с каждым годом, претерпевала различные аспекты: от полного взаимного отторжения до объединения путем трансрегионального партнерства. Современное дипломатическое сотрудничество Китая и Индии становится актуальным во второй половине XX века на фоне кардинальных перемен в геополитическом ландшафте региона. В 1950 году, после приобретения Индией независимости от Британской империи и провозглашения Китайской Народной Республики после победы над Гоминьданом, два государства установили дипломатические отношения [1]. Данный этап сотрудничества ознаменовал признание Индией Коммунистической партии Китая в качестве легитимной власти не только на ее континентальной части, но и в отношении Тибета. Однако, несмотря на начальный период дружественных отношений, исторически сложный вопрос Тибета вскоре стал источником серьезных противоречий.

В том же 1950 году, проведение Чамдоской операции и ввод Народно-освободительной армии Китая в Тибет обострили давние территориальные споры. «Соглашение из 17 пунктов» [2], следствием которого стало включение Тибета в состав КНР, не до конца примирило тибетцев с «новой» властью.

Основой для нового этапа сотрудничества Китая и Индии стали «Пять принципов мирного сосуществования» [3], провозглашавшие взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимную выгоду, а также мирное сосуществование. Ситуация обострилась в 1959 году, когда в Тибете вспыхнуло антикитайское восстание. Разрыв бывшего соглашения и формирование в Индии правительства Тибета в изгнании, несмотря на признание индийскими властями Тибета как части КНР, вызвали протест Китая [4]. Обеспокоенность Индии действиями Китая в регионе спровоцировала пограничные конфликты.

Пограничное взаимодействие Китая и Индии представляет собой многогранный процесс, пронизанный историческими спорами и современными геополитическими интересами. Налаживание дипломатического сотрудничества Китая и Индии путем ежегодного диалога начинается с 1980-х годов. Так, в 1988 году страны согласились наладить двустороннюю инициативу по пограничным спорам. Подписанное далее соглашение «о поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля в приграничных районах Индии и Китая» [5], с одной стороны, сдерживало силы двух государств, с другой - выявляло сложность поиска взаимных решений.

2013 год ознаменовался новым скачком напряженности между странами: споры в приграничном районе Гималаев заняли важное место в дипломатическом сотрудничестве. Эскалация конфликта была связана с китайской инициативой строительства дороги на плато Доклам, что вызвало острую реакцию со стороны Индии. Данный инцидент продемонстрировал хрупкость достигнутых договоренностей и сохраняющийся потенциал для конфронтации. В 2019 году китайско-индийские отношения «вступили в новый этап» [6]. По словам Си Цзыньпина, ситуация, при которой «дракон и слон сольются в танце» станет «верным путем для обеих стран» [7]. Однако, несмотря на заявления о стремлении к мирному сосуществованию и сотрудничеству, выраженные лидерами обеих стран, пограничные столкновения продолжают оставаться реальностью: относительно недавние вооруженные столкновения в регионе Аксайчин, территория которого находится под контролем Поднебесной, но оспаривается Индией, обнажили неразрешенность проблем.

Исторически непростые взаимоотношения Китая и Индии, отягощенные территориальными спорами, приобрели дополнительную сложность в контексте российско-украинского кризиса. Данный кризис выступает в роли дополнительного фактора, усложняющего и без того непростую геополитическую обстановку в регионе. Он становится своеобразным катализатором, усиливающим напряженность для двусторонних отношений. Более, кризис на Украине может подтолкнуть Китай и Индию к пересмотру своих военных доктрин и усилению военного присутствия в приграничных районах. Однако, с другой стороны, российско-украинский кризис открывает и определенные возможности для китайско-индийского взаимодействия. Осознавая риски дестабилизации региона, обе страны могут быть заинтересованы в активизации дипломатических усилий по урегулированию споров и поиску взаимовыгодных компромиссов. В данном контексте, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и объединение в рамках БРИКС могут стать важными площадками для диалога и выработки совместных подходов по обеспечению стабильности в Азии. Более, российско-украинский кризис способствует ускорению процессов формирования многополярного мироустройства. Стремление Китая и Индии к большей стратегической автономии и снижению зависимости от Запада приводит к укреплению региональных интеграционных процессов и формированию новых центров сил.

Анализ официальных заявлений и позиций двух стран позволяют сделать вывод о том, что Китай и Индия, несмотря на стремление к сохранению стратегической автономии, демонстрируют различные акценты и приоритеты в своей реакции на украинский кризис. Китай, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других государств, выступает за мирное урегулирование конфликта путем переговоров и диалога. В своих заявлениях, китайское руководство подчеркивает необходимость учитывать законные интересы безопасности всех сторон, включая Россию, и призывает к созданию сбалансированной и устойчивой архитектуры безопасности в Европе. Стремясь к деэскалации конфликта, Си Цзиньпин подчеркнул: «необходимо охлаждать ситуацию, а не подливать масла в огонь, создавать условия для восстановления мира и избегать дальнейшего обострения противоречий» [8]. Китай также акцентирует внимание на негативных последствиях кризиса для мировой экономики и выступает за сохранение стабильности глобальных цепочек поставок. В данном контексте, китайский лидер добавил: «Необходимо снизить негативное влияние кризиса на мировую экономику и не подрывать стабильность глобальных цепочек производства и поставок» [9]. Такая позиция об-

условлена как стремлением Китая сохранить партнерские отношения с Россией, так и опасениями по поводу возможного усиления влияния США.

Индия, в свою очередь, заняла более нейтральную позицию, воздерживаясь от осуждения действий России и не присоединяясь к западным санкциям [10]. Такой подход объясняется, с одной стороны, традиционно дружественными отношениями между Индией и Россией, являющейся важным поставщиком вооружений и энергоносителей, а с другой стороны, стремлением Индии сохранить баланс в отношениях с западными странами, которые являются ее важными экономическими и политическими партнерами. Примечательно, что премьер-министр Нарендра Моди на встрече с президентом России Владимиром Путиным заявил, что «сегодняшняя эпоха - это не эпоха войн» [11], подчеркивая важность мирного урегулирования конфликтов и диалога.

Различия в подходах Китая и Индии к российско-украинскому кризису, несмотря на их общее стремление к стратегической автономии, могут оказывать как сдерживающее, так и стимулирующее воздействие на решение пограничных споров между этими двумя азиатскими гигантами. С одной стороны, расхождения в оценке ситуации на Украине и выборе внешнеполитических партнеров могут привести к усилению взаимного недоверия и подозрительности, затрудняя поиск компромиссов по пограничным вопросам.

С другой стороны, оба государства, осознавая риски эскалации напряженности в условиях глобальной неопределенности, могут быть заинтересованы в снижении уровня конфронтации и перенаправлении ресурсов на решение внутренних проблем и укрепление своих позиций на мировой арене. В этом контексте украинский кризис может стать катализатором для активизации дипломатических усилий и поиска взаимоприемлемых компромиссов по пограничным вопросам.

Литература и источники

1. Шавлай Э. П. История индийско-китайских отношений 1950–1991 гг. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. №3. С. 168
2. Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека (Белая книга) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китая [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/zfbps/199209/t19920925_878916.html (дата обращения: 15.02.2024).
3. Внешняя политика КНР: «Пять принципов мирного сосуществования» [Электронный ресурс] // Новый дипломатический словарь [сайт]. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/внешняя-политика-кнр-пять-принципов-мирного-сосуществования/> (дата обращения: 15.02.2024).

4. Пилько А. (2023) Китай и Индия: история отношений и прогнозы на будущее [видео файл] // YouTube. 16 сентября (<https://www.youtube.com/watch?v=Ykofh6Zb9XQ&t=1121s>) Просмотров: 15.02.2024.
5. Шавлай Э.П. Китайское направление внешней политики Индии в 1991-2021 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.-М., 2021 - С. 80 URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2021/shavlay-diss.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
6. Комментарий: Встреча Си Цзиньпина и Н. Модии наметила направление для устойчивых отношений между Китаем и Индией [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости [сайт]. URL: https://russian.news.cn/2019-10/15/c_138471597.htm (дата обращения: 15.02.2024).
7. Там же.
8. Си Цзиньпин рассказал, что необходимо для урегулирования кризиса на Украине [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20240416/ukraina-1940326377.html> (дата обращения: 28.02.2024).
9. Там же.
10. Глава МИД Индии объяснил отказ от присоединения к санкциям против России [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/11/2023/6548a7d29a79475e336ac543> (дата обращения: 25.04.2024).
11. Премьер Индии прокомментировал конфликт на Украине [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20230623/indiya-1879896004.html> (дата обращения: 25.04.2024).

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ И УКРАИНЫ

*Analysis of social relations on the frontier regions on the example of
Russia–Ukraine border*

Аннотация. В истории развития и формирования многих государств и народов четко прослеживаются особенности влияния социальных (или, по-другому, общественных) отношений внутри локально проживающих народов на формирование государственных границ. Поскольку государственные границы все еще являются предметом дискуссий во многих регионах мира, стоит более детально оценить предпосылки формирования конфликтов, в особенности сопоставить личностные качества людей, проживающих на приграничных территориях и качества целых народов и государств, формирующих этнос, культуру и самобытность.

Ключевые слова: граница, казаки, Украина, общественные отношения, социальные отношения, Российское государство.

Abstract. *In the history of the development and formation of many states and peoples, the peculiarities of the influence of social (or, in other words, public) relations within locally living peoples on the formation of state borders are clearly visible. Since state borders are still a subject of debate in many regions of the world, it is worthwhile to evaluate in more detail the preconditions for the formation of conflicts, in particular to compare the personal qualities of people living in border areas and the qualities of entire peoples and states that form ethnicity, culture and identity.*

Keywords: *border, Cossacks, Ukraine, public relations, social relations, Russian state.*

На протяжении многих столетий формирование государственных границ являлось острым культурно-социологическим фактором, что непосредственно влияло на проживающих на приграничных территориях народы. Пределы территорий государств, в свою очередь были непосредственно подвержены влиянию не только купли-продажи территорий, военных конфликтов, но и социальных отношений в историко-культурных областях, через которые проходила государственная граница. По сей день вопрос общественных отношений на границе выступает неким фактором обострения международной обстановки.

Целью работы является проанализировать влияние социальных отношений народов, проживающих на границе Украины и Краснодарского края, выделить факторы, которые способствовали форми-

рованию государственной границы, а также провести корреляцию и сравнение влияния общественных отношений стран на границы и их устойчивость.

Методология проведения исследования включает в себе сравнение, сопоставление, гносеологические и онтологические философские науки, а также использование элементов политологии и социологии.

В процессе формирования государственных границ нашего отечества возможно выделить определенное количество этапов, что отличаются между собой особенностями государственных взаимоотношений между соседями Российского государства. Зачастую, многими упускается один из ведущих факторов, который влияет на формирование границ и отношения историко-культурных областей. Этим фактором является общественные отношения народов, что проживают локально на приграничных территориях. Самым наглядным примером таких взаимоотношений, безусловно, является юг Российского государства, в частности территории современного Краснодарского края и границы с Украиной.

Приграничные территории юга на протяжении истории Российского государства зачастую подвергались большому числу нападений со стороны враждебных народностей и государств. Исторически сложилось, что именно на территориях юга России располагались наиболее густонаселенные места проживания казаков. Казаки, как этносоциальная группа, во многом определила взаимоотношения и формирования общественной, социальной и политической жизни приграничных территорий юга России, в частности, перенося на современные территориальные рамки, границу Украины и Краснодарского края [1].

Анализируя особенности социального развития юга России с начала XX века, в том числе влияние формирования личных границ на примере казачьих этносоциальных групп, их быта, семейного уклада, мы можем провести связь между общественным устоем и процессом формирования границ с Украиной.

Также провести некую связь уже над формированием государственной границы с Украиной и отношением новообразованной Советской властью по отношению к казакам. Как утверждают некоторые источники, Большевики и социалисты-революционеры в своих листовках открыто призывали народ к оружию и к жестокой расправе с «врагами революции» — казаками. Московский комитет РСДРП ещё в декабре 1905 года направил «Советы восставшим рабочим» в низовые организации. Там было написано: «...казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегда враги рабочих. ...смотрите на них

как на злейших врагов и уничтожайте их без пощады...» [2].

III Всеукраинский съезд советов провозгласил независимую Украинскую Социалистическую Советскую Республику. В этот же день был заслушан «Вопрос о границах с Российской Республикой». Север Таврической губернии включался в состав УССР, а 4 северных уезда Черниговской губернии стали частью РСФСР.

Таким образом, была установлена база для дальнейшего формирования границ на юге России.

В дальнейшем, с приходом к власти большевиков, вопрос о государственных границах встал, условно говоря, на второй план, и на протяжении XX века не имел таких острых последствий. Однако, уже в конце XX века, после распада СССР, повсеместно встал вопрос об установлении границ новых государств, которые ранее являлись Советскими Социалистическими Республиками в составе СССР.

Формально граница существует с 24 августа 1991 года, когда Украина объявила о независимости от СССР. 8 декабря 1991 года односторонний выход Украины из СССР был подтверждён подписанием Беловежских соглашений (подписанных также Россией-РСФСР и БССР) и 26 декабря принятием декларации о прекращении существования СССР Советом Республик Верховного Совета СССР [3].

Здесь можно провести и сопоставить некоторые факторы, которые в будущем повлияют на развитие политических и социальных аспектов на юге России, в частности, на границе Краснодарского края и Украины. После распада СССР территориальное деление республики снова обросло новыми проблемами, которые корнями, уходили еще в особенности социального строя столетие назад. Уже после двух десятилетий возникают новые вопросы о принадлежности территорий, о легитимности линии границы в том виде, в котором она устоялась в 1991 году [4]. Далее, в отношениях двух стран наступает длительный конфликт в связи с началом российско-украинского кризиса 2014 года.

В современности вопрос о границах двух стран снова встает острым ребром на периферии социальных и межличностных отношений. Мы можем проанализировать политические события и провести корреляцию с общественными и социальными отношениями народов на юге России. Если у людей установлены доверительные отношения, межличностные границы начинают стираться, конфликты между людьми сходят на нет. В обратной ситуации, если человек не придерживается доверительных отношений, его личностные границы четко показывают ту линию, за которой должны находиться все остальные люди. Мы можем перенести данную концепцию на отношения уже не конкретных людей, а целых народов и историко-культурных областей.

Те процессы, что происходили в обществе людей, то, как они формировали свою народную идентичность, во многом влияет на то, какими именно будут границы государств, как они будут выстраиваться, какие конфликты были и могут возникнуть в будущем.

Таким образом, проанализировав данный феномен на границе Краснодарского края и Украины, мы можем понять необходимость в дальнейшем исследовании влияния общественных отношений на границы стран, ведь в будущем это может помочь нам более прозрачно оценивать возможные и текущие конфликтные ситуации между государствами и народами.

Литература и источники

1. Мациевский Герман Олегович. Российское казачество в политических событиях начала XX века // XX век и Россия: общество, реформы, революции. - 2015. - №3 - С. 47–57.
2. Советы восставшим рабочим // Известия Моск. С. Р. Д. - 11 декабря 1905 г.
3. Российско-украинская граница // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Российско-украинская_граница (дата обращения: 09.04.2024).
4. Паламарь Николай Григорьевич. Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства // Власть. - 2008. - № 4. - С. 100–103.

**ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ, ИЛИ «РУБИКОН» БУДУЩЕГО
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

*For whom is the bell of a special military operation ringing or the
“Rubicon” of the future of humanity*

Аннотация. Статья посвящена вопросу смыслополагания специальной военной операции РФ на территории Украины. Подчеркивается его предельная актуальность для сотрудников органов внутренних дел, как гарантов внутренней национальной безопасности России. Предлагаются и анализируются в качестве ключевых смысловых ориентиров специальной военной операции: защита людей, земель и ценностей. Делается особый акцент на последнем, на борьбе за духовный, культурный суверенитет России, от исхода которой зависит ни много ни мало будущее Человека.

Ключевые слова: *специальная военная операция, сотрудник органов внутренних дел, патриотическое воспитание, традиционные духовно-нравственные ценности.*

Abstract. *The article is devoted to the issue of the meaning of the special military operation of the Russian Federation on the territory of Ukraine. It is emphasized that it is extremely relevant for employees of the internal affairs bodies as guarantors of Russia's internal national security. It is proposed and analyzed as the key semantic guidelines of a special military operation: the protection of people, lands and values. Special emphasis is placed on the latter, on the struggle for the spiritual and cultural sovereignty of Russia, on the outcome of which depends no less than the future of Man.*

Keywords: *a special military operation, an employee of the internal affairs bodies, patriotic education, traditional spiritual and moral values.*

Рассмотрение специальной военной операция Российской Федерации на Украине (далее – СВО) в зеркале ее смыслов является далеко не праздным, а предельно (жизненно) важным. Наша история богата примерами того, как невнимание к смыслополаганию таких сложных и противоречивых кампаний (событий, мероприятий) как СВО приводило к внутренней катастрофе. Дефицит смыслов губителен для любой борьбы! Достаточно вспомнить Первую Мировую войну, с которой СВО (в их отличии от ВОВ) объединяет как раз непроявленность (неотчетливость) смысловых ориентиров. И если в ВОВ превращение общей мысли, философии, владеющей исторической истиной, в простое, доступное всем, страстное, святое патриотическое чувство происходило естественно, практически само собою, то специфика СВО требует в этом отношении от каждого из нас дополнительных

усилий, дополнительной серьезной работы, которая приобретает особую актуальность в условиях второго, так называемого информационного фронта. Отметим также, что предельно остро эта задача на смысл СВО стоит перед сотрудниками органов внутренних дел, как одних из гарантов внутренней национальной безопасности, стоящих в авангарде защиты политических и нравственных основ российской государственности. Активизация, сопровождение и поддержка данной деятельности – одновременно зона ответственности и критерий эффективности системы патриотического воспитания.

Прежде чем осветить варианты смыслополагания СВО, позволим себе анкетно вспомнить о ее «чтойности» и хронологии, тем более что они предоставляют богатую почву для размышления.

Ощутимая конфликтность между Россией и Украиной возникла еще в 1991 году, когда после подписания Беловежских соглашений бывшие республики Советского Союза отправились в свободное самостоятельное плавание. Именно тогда под отношения двух постсоветских государств была заложена бомба замедленного действия, взрывом которой в 2022 году ознаменовалась СВО.

Первые 20 лет шли «газовые войны», а именно кризисы 1993, 2005 и 2009 годов. Разменной монетой, как правило, являлись скидки на газ и условия соглашения о предоставлении места в Крыму российскому Черноморскому Флоту.

В 2004 году к экономическому напряжению добавилось политическое. Результаты выборов президента Украины (победу одержал В. Янукович) были восприняты украинской общественностью как сомнительные. Этим воспользовались сторонники оппозиционного кандидата В. Ющенко и инициировали серию массовых забастовок и протестов, получившую название «Майдан» или Оранжевая революция и приведшую к пересчету голосов и объявлению президентом В. Ющенко. Тогда гражданской войны на Украине удалось избежать, однако внутривнутриполитическая ситуация в стране продолжала с каждым годом ухудшаться и нашла свое разрешение в «Евромайдане», в силовом захвате власти в 2013 году. Формальным поводом для начала продолжительных кровопролитных противостояний в центре Киева и регионах стал отказ Правительства Украины подписать договор с Евросоюзом.

Следующей реперной точкой в ретроспективе рассматриваемых нами событий стало 23 февраля 2014 года, дата отмены Верховной Радой Украины закона, гарантировавшего использование русского языка как регионального. В этот же день, который считается формальным началом «Русской Весны», в Севастополе прошел митинг, ставший

символом громкого нет НАТО, Евросоюзу, Украине, Евромайдану и решительного «да» России. Вслед за искрой, возгоревшийся в Крыму, пламя протеста распространилось на юго-восток Украины: поднялась Одесса, Харьков, Донецк и другие города Новороссии. Несогласные требовали решения вопроса о статусе русского языка и децентрализации власти в регионах. Первый этап этого русского восстания увенчался воссоединением 18 марта 2014 года Крыма с Россией и референдумами 11 мая 2014 года в Донецкой и Луганской областях в пользу их государственного суверенитета. Реакция официального Киева последовала незамедлительно: уже в апреле 2014 он объявляет, что принимает вызов и начинает силовую операцию против так называемых сепаратистов на Востоке и Юго-Востоке Украины. С этого момента кровопролитные боевые столкновения, обстрелы мирных жителей, каждодневные смерти детей – будни Мариуполя, Донецка, Краматорска, Славянска и др. городов ополчения.

Несмотря на неоднократные попытки мирного, дипломатического решения ситуации, инициируемые в основном Россией с 2014 по 2021, мир в Донбассе так и не наступил. К концу 2021 ситуация на границе Российской Федерации с Украиной перешла в критическую, острую стадию, индикаторами которой стали усиление военной группировки украинской стороны и стягивание ею к границе средств поражения, поставляемых странами НАТО; ежедневные артиллерийские и минометных обстрелы территорий самопровозглашенных республик (далее – ДНР и ЛНР), в том числе и с применением запрещенных видов вооружений; враждебная риторика М. Зеленского о вступлении Украины в НАТО, о получении Украиной ядерного оружия. Эти факторы потребовали от Президента и Парламента РФ незамедлительных действий по защите интересов России, обеспечения безопасности населения страны, а также русско-язычного населения ДНР и ЛНР. В рамках решения этой задачи 24 февраля 2022 года В. Путин в своем обращении к нации объявил о начале СВО на территории ДНР и ЛНР, а также Украины.

От ретроспективы событий перейдем к смыслам СВО. Предложим три ответа на вопрос ЗАЧЕМ.

Первый, лежащий на поверхности и озвученный Президентом, – защита наших людей, которые на протяжении восьми лет подвергались издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. Отметим, что коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение – официально утвержденные традиционные духовно-нравственные российские ценности [1].

Смысловая связка русский человек - русская земля является так

же традиционной и сакральной для нашей культуры. История России изобилует примерами того, какими тяжелыми последствиями оборачивалась для нашей страны нарушение очень мудрого завета Николая I: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен» [2]. Историческую легитимность наших амбиций в отношении Востока Украины В. Путин пространственно доказал в своем интервью от 6 февраля 2024 г. американскому политическому обозревателю Карлсону Такеру [3].

Третий смысл СВО, по нашему мнению, ключевой, заключен в том, что происходящие на Украине события – это не просто конфликт двух государств, систем и т.п., а это «Рубикон» борьбы культур, цивилизаций, ценностей за будущее Человека и Человечества.

Сложившийся к сегодняшнему дню и уже ставший нормой человеческой жизнедеятельности порядок вещей может привести к исчезновению вида *homo sapiens* (человека понимающего), как в биологическом, так и в духовном смысле. Потенциальной угрозой биологического уничтожения является конфликт технизированного человека и природы – глобальный экологический кризис. Духовное уничтожение *homo sapiens* связано с тем, что практика манипулирования массовым сознанием, процесс глобализации, отсутствие метанаррации, характерные для к. XX- н. XXI столетия, породили весьма удобную для себя разновидность – *homo farber* – человека функционирующего, то есть человека-элемента, человека - «винтика», человека культуры потребления, культуры полезности и т.п. Налицо скукоживание, мелчание, девальвация, отрицание всего истинно человеческого (ума, души, духа, совести, жизни) и общечеловеческого (ценностей, интересов, культуры), сведение их на уровень торговой конторы и мещанского благосостояния». [4, С. 26-27]. На смену высшего измерения Жизни, сформированного христианством, приходит новая религия (внутреннего, духовного мещанства) со своими плодами, милитаризмом, шовинизмом. Сегодня не только человек человеку, но и народ народу – волк. Распространение этих ценностей – результат американского влияния на европейскую культуру, начавшегося после Второй мировой войны. Сегодня это воздействие достигло такого уровня, что культурный фундамент и культурное сознание Европы оказались в серьезной опасности и близки к окончательному исчезновению [5].

Россия, одной из первых (во многом в силу своих культурно-исторических особенностей) осознав степень и реальность угрозы антропологической нравственной катастрофы и взяв курс на защиту и сохранение духовных ценностей, национальной культуры и достоинства человека, до сих пор успешно отражала угрозу проникнове-

ния деструктивных идей в свою культурную сферу. И СВО – это во многом кульминация, разрядка многолетней борьбы нашей страны за свой духовный, культурный суверенитет. Если мы выстоим, Россия может стать своего рода «Ноевым ковчегом для всей европейской культуры» [5].

В завершении, призвав в соавторы великого Э. Хэмингуэя с его великим романом и метафорой колокольного набата, повторим основной пафос нашей статьи. Как бы не хотелось всем нам абстрагироваться от происходящих сегодня в рамках СВО событий, мы не сможем остаться в стороне и переждать с опущенной в песок голову. Колокол звонит по каждому из нас, каждому придется решить задачу на смысл, особенно солдатам правопорядка, тем, кто на свои плечи возложил невыносимо простую заботу – жила бы страна Родная.

Литература и источники

1. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 / Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502/> (дата обращения: 24.05.2023).
2. Шабельникова Н.А. «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен» // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 74-87.
3. Интервью В.В. Путина К.Такепу / Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Мережковский Д. Грядущий хам. – М.: Т8RUGRAM, 2018. – 130 с.
5. Хауке Р. Утраченное культурное единство большой Европы и новая холодная война // Перспективы. Электронный журнал. 2016. №3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utrachennoe-kulturnoe-edinstvo-bolshoy-evropy-i-novaya-holodnaya-voyna> (дата обращения: 10.03.2024).

А. В. Зотова, С. Н. Полторак
A. V. Zotova, S. N. Poltorak

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Modern problems of the post-Soviet borderland

Аннотация. Авторы рассматривают актуальные вопросы, возникшие в области пограничья после распада Советского Союза на самостоятельные государства. Обращается внимание на ряд спорных межгосударственных вопросов территориального характера. Отмечаются непрерывные попытки США и ЕС влиять на пограничную политику постсоветских государств, превратив ее в один из инструментов манипулирования.

Ключевые слова: границы постсоветского пространства, внешнеэкономическая деятельность, таможня, государственная безопасность

Abstract. *The authors examine current issues that arose in the border area after the collapse of the Soviet Union into independent states. Attention is drawn to a number of controversial interstate issues of a territorial nature. There are continuous attempts by the United States and the EU to influence the border policy of post-Soviet states, turning it into one of the instruments of manipulation.*

Keywords: *borders of the post-Soviet space, foreign economic activity, customs, state security.*

Люди старшего поколения хорошо помнят, что во времена СССР внутреннее пограничье носило формальный, сугубо ритуальный характер. На границах союзных республик устанавливались красиво оформленные памятные знаки, извещавшие проезжавших по трассе или по железной дороге о том, что они пересекли границу между республиками. Поскольку на территории Советского Союза действовали единые законы и общая Конституция страны, разграничение территорий не имело практического значения. Существовавшие между республиками границы играли лишь духовную роль, никак не сказываясь на повседневной жизни граждан.

С распадом СССР ситуация принципиально изменилась. Возникла практическая необходимость определения сухопутных, водных и воздушных границ между новыми государствами. Поначалу казалось, что бывшие братские республики легко определятся со своим размежеванием. На практике это оказалось сложно и болезненно. Интеграционные процессы, протекавшие в Советском Союзе в новых условиях, не всегда могли прекратиться быстро. Например, железнодорожный транспорт, следовавший по территории Российской Федерации в южном направлении, в советские времена, двигаясь по

Ростовской области, в течение нескольких десятков минут находился на территории Украины. До 1991 г. это не имело никакого значения, но с 1992 г. факт заезда российского железнодорожного транспорта на территорию сопредельного государства уже требовал юридического обоснования. С каждым годом претензии Украины к России по этому поводу становились все жестче. В результате, российская сторона была вынуждена построить дополнительный участок железной дороги в обход украинской территории.

Еще сложнее из-за новых границ стало преодолевать расстояние между Калининградской областью и остальной частью Российской Федерации в силу их разделения территорией Литвы. Если в первые месяцы после 1991 г. эта проблема была мало заметна, то вскоре Литовское государство стало в полной мере использовать различные рычаги пограничного влияния для решения своих политических проблем.

В каждом государстве постсоветского пространства есть свои требования к ввозимым и вывозимым на его территорию товарам. Изначально действовали Таможенные кодексы каждой из стран. Затем с 1 июля 2010 г. вступил в силу Таможенный кодекс Таможенного союза. С 1 января 2018 г. стал действовать договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, который заменил отдельные таможенные кодексы стран-участниц Таможенного союза [1]. Особенностью постсоветского развития пограничного пространства стала выработка новыми государствами собственных концепций и стратегий как пограничного, так и таможенного развития. К примеру, Киргизия создала Концепцию таможенной службы на 2022-2024 гг., взяв за основу идеи цифровизации, разработанные ЕАЭС. По мнению создателей этой концепции, ее реализация позволит качественно улучшить показатели во внешней торговле, повысить эффективность внешнеэкономической деятельности благодаря результатам действий национальной таможни и внедрению в жизнь современных проектов в таможенной сфере [2]. В РФ разработана Стратегия развития таможенной службы вплоть до 2030 г. [3] Братская Белоруссия создала Дорожную карту реализации задач Стратегии, которая позволяет упростить ряд процедур при пересечении границы [4]. Евразийской экономической комиссией разработана Стратегия деятельности блока по таможенному сотрудничеству до 2025 г. В Стратегии определены семь приоритетных направлений: формирование новой операционной модели таможни; информационные таможенные технологии; развитие транзитного потенциала Союза; обеспечение таможенного пространства доверия; таможенная инфраструктура; регулирование

трансграничной интернет торговли; международное партнерство [5, с. 6]. Все эти меры позволят сформировать единую интегрированную современную таможенную систему в регионе.

Время показало, что недавние братские народы, приобретя собственную государственность, не прочь пересмотреть границы с Россией в свою пользу. До вступления в ЕС Латвия и Эстония предъявляли Российской Федерации территориальные претензии, которые не были удовлетворены. Не довольны современным решением пограничного вопроса и наши казахские соседи. С июля 2007 г. действует совместная демаркационная комиссия, в результате разрабатываются и принимаются демаркационные документы, определяются места установки пограничных знаков. С мая 2009 г. на российско-казахской границе проводились полевые демаркационные работы. К сожалению, этот вопрос до сих пор остается актуальным. 2-6 октября 2023 г. состоялось 133-е заседание, на котором был согласован план работ на 2024 г. Очередное заседание запланировано провести в Казахстане [6]. Кроме того, пока не разрешены пограничные конфликты Киргизии и Таджикистана.

Разумеется, наибольшие проблемы пограничного характера у России и Украины. Специальная военная операция на время отложила эти вопросы, но вполне понятно, что после завершения СВО пограничный вопрос будет одним из центральных во взаимоотношениях этих двух государств.

Оценивая пограничную проблематику на постсоветском пространстве, следует заметить, что ведущие западноевропейские государства и США проявляют к ней огромное внимание. Они стремятся использовать этот аспект в усилении своего личного влияния на бывшие союзные республики. Вкладывая в оборудование пограничных территорий немалые средства, страны Запада умело зарабатывают на этом колоссальные дивиденды, нередко подчиняя магистральные политические линии государств своим собственным интересам.

Для усиления своего влияния на бывшие советские республики коллективный Запад создает всевозможные программы (БОМКА, КАДАП, ЛЕЙКА, ICMPD, EUBAM, программы ООН, НАТО, ОБСЕ), способствующие усилению контроля за внешнеэкономической деятельностью республик бывшего Советского Союза: осуществляется внушительное финансирование, внедряется своя электронная таможенная система, на обучение в учреждения ЕС приглашаются специалисты таможенных и пограничных служб постсоветских республик. Также американские и европейские специалисты приезжают в государства постсоветского пространства с целью внедрения «правиль-

ного» опыта управления границами. Кроме того, международные организации осуществляют государственные реформы и влияют на законодательство республик [7].

Развитию внешнеэкономической деятельности постсоветских государств способствует упрощение таможенного контроля. Введены такие инструменты, как электронное декларирование, предварительное информирование, новые технологии уплаты таможенных платежей. Во многом этому способствовали программы ЕС и США, осуществлявшие финансирование на обучение соответствующих служб постсоветского пространства и внедрение своего программного обеспечения. Например, по программе БОМКА с 2003 по 2019 г. Таджикистан и Киргизия получили 40,1 млн евро. [8] Благодаря этому заинтересованные политические игроки коллективного Запада получили не только доступ, но и возможность руководства внешнеэкономической деятельностью постсоветских государств.

Таким образом, пограничье стало объектом для политического и экономического торга, чем умело пользуются США и ЕС. Складывающаяся ситуация имеет не только политические и экономические, но и психологические последствия. Жители некогда единого советского пространства часто болезненно переживают современную реальность, сравнивая ее с добрососедскими отношениями советского времени, не знавшими пограничных проблем [9].

Литература и источники

1. Зотова А.В., Полторак С.Н. Деятельность таможенных и пограничных служб в государствах постсоветского пространства // Клио. 2023. №12. С. 177-196. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_10_177
2. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 8 апреля 2022 года № 202 «Об утверждении Концепции развития таможенной службы Кыргызской Республики на 2022-2024 годы» (в редакции постановления Кабинета Министров КР от 12 июля 2022 года № 378, 29 мая 2023 года № 285). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159121?ysclid=1194dkcsyh850324831> (дата обращения: 18.08.2023).
3. Стратегия развития таможенной службы РФ до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 1388-р). URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-23052020-n-1388-r/strategiia-razvitiia-tamozhennoi-sluzhby-rossiiskoi/>?ysclid=1195e0z2nq375194197 (дата обращения: 18.08.2023).
4. Стратегия развития таможенных органов на 2021-2025 гг. и прогнозный период до 2030 г. URL: https://web.archive.org/web/20211208224908/https://www.customs.gov.by/ru/strategija_razvitiya-ru/ (дата обращения: 18.08.2023).
5. Стратегия деятельности блока по таможенному сотрудничеству до 2025 года. М.: ЕЭК, 2020. 18 с.
6. РФ и Казахстан утвердили проекты итоговых документов демаркации на часть участков границы // ТАСС. 10.10.2023. URL: <https://tass.ru/>

politika/18967631 (дата обращения: 11.10.2023).

7. Зотова А.В., Полторак С.Н. Международные организации и их влияние на управление границами постсоветских государств // Клио. 2024. №2. С. 218-235. Doi 0.24412/2070-9773-2024-2-218-235

8. European Union. External Action. URL: <https://eubam.org/ru/who-we-are/> (дата обращения: 22.09.2023).

9. Зотова А.В., Полторак С.Н. Границы постсоветского пространства: проблемы управления // Клио. 2023. № 9(201). С. 193-206. Doi 0.51676/2070-9773_2023_09_193

В. Д. Климов
V. D. Klimov

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова
(Владивосток)

Научный руководитель – Шабельникова Н.А., доктор исторических наук, профессор, полковник полиции, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Cross-border cooperation between law enforcement agencies of the Russian Federation and the countries of the Asia-Pacific region at the turn of the 20th-21st centuries

Аннотация. В статье рассматривается международное сотрудничество министерств и служб Российской Федерации и различных ведомств стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в сфере защиты государственных границ и противодействия международным преступным группам, деятельности которых связана с пересечением границ государств. Акцентируется внимание на правовой регламентации деятельности различных ведомств стран АТР. Делается вывод о том, что международное сотрудничество являлось необходимостью в борьбе с транснациональной преступности на территории Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: Приморский край, международное сотрудничество, Правоохранительные органы, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Abstract. The article examines the international cooperation of ministries and services of the Russian Federation and various departments of the countries of the Asia-Pacific region in the field of protecting state borders and countering international criminal groups whose activities are related to crossing state borders. Attention is focused on the legal regulation of the activities of various departments of the Asia-Pacific countries. It is concluded that international cooperation was a necessity in the fight against transnational crime in the Asia-Pacific region.

Keywords: Primorsky Krai, international cooperation, Law enforcement agencies, Asia-Pacific region.

Приморский край Российской Федерации находится в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а его столица – Владивосток, по праву считается «воротами в Азию», только 750 км отделяют столицу Приморья от Сеула, 1335 км от Пекина и 1067 км составляет расстояние

до Токио [2]. В свою очередь расстояние между Владивостоком и Москвой по прямой составляет 6418 км, а расстояние между Владивостоком и Санкт-Петербургом 6538 км.

Геополитическое положение Приморского края определяется тем, что через территорию Приморья Россия на протяжении более 1000 км граничит с крупнейшей страной мира – Китаем и с Северной Кореей (около 30 км), а через Японское море выходит к морским границам Японии и Южной Корее, к другим странам АТР[1].

После прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик и сложившийся в последствии социальной и экономической ситуации в нашей стране в 90-е годы XX века, вопрос охраны государственных границ встал ребром. Российская Федерация как правопреемник СССР сохранила свое членство в большинстве договоров о сотрудничестве со странами, с которыми имеется общая государственная граница, однако дальнейшая регламентация различных положений являлась необходимостью.

Приморский край в 90-е годы XX века представлял для преступного мира особый интерес:

- 1) огромное количество портов;
- 2) конечная точка Транссибирской магистрали;
- 3) дикорастущие нарко-содержащие растения;
- 4) удаленность от центральной части России;
- 5) среда обитания животных и растений из Красной книги т.д.

Учитывая вышеперечисленные факты, а также тяжелое экономическое положение населения, Приморье стало притягивать к себе огромное количество «лихих» людей не только со всей страны, но и из-за рубежа, которые стремились к созданию благоприятной почвы для формирования межрегионального взаимодействия организованных транснациональных преступных групп.

Найти решение проблемы с транснациональной преступностью, которое представляет собой межгосударственное, а иногда и межконтинентальное явление, в рамках одного государства практически невозможно.

Таким образом, несмотря на некоторые территориальные разногласия и демаркацию границы, 18 декабря 1992 года в г. Пекине было заключено соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной республики, где в ч.1 ст. 1 данного нормативно-правового акта было указано, что стороны в пределах своей компетенции осуществляют обмен информации о: «Преступлениях международного характера, в том числе связанных с незаконным обо-

ротом наркотических средств и психотропных веществ, контрабандой, фальшивомонетничеством, подделкой документов, незаконным перемещением через границу движимых культурных и исторических ценностей, а также преступлениях в сфере экономики»[5].

Вышеуказанное соглашение неоднократно доказывало свою практическую значимость. В рамках данного договора было оказано существенное противодействие и пресечение преступной деятельности, так как к концу 1996 года на территории Приморского края осуществляли свою преступную деятельность несколько преступных китайских группировок, сформированных по территориальному принципу. В них состояли, в основном, выходцы из двух беднейших северных китайских провинций - Хэйлунцзян и Цзилинь. Известны «ванцинская» (г. Ванцин) и «янбенская» (г. Янбень) группировки, а также группировки с названием «Голова змеи» и «Рассерженная собака» [4].

Важную роль в жизни Приморского края играет море. Однако, море также служит источником опасности, ведь многие преступные группы используют морской транспорт для перемещения контрабанды и нападения на судна.

Так, с 20-21 декабря 2000 года в Токио проходила встреча господина Ли Гю Сик, комиссара Национального агентства Морской полиции Республики Корея, генерала Константина Тоцкого, директора Федеральной пограничной службы Российской Федерации, адмирала Джеймса М.Лой, коменданта Береговой охраны Соединенных Штатов и господина Шого Араи, начальника Управления безопасности на море Японии. Главы ведомств обсудили многосторонние сотрудничество в области охраны и поддержания порядка в северо-западной части Тихоокеанского региона. По результатам встречи были определены следующие приоритетные направления совместной деятельности:

- а. Предупреждение незаконной перевозки наркотиков и другой контрабанды (включая оружие и боеприпасы).
 - б. Предупреждение незаконной миграции на море.
 - в. Нерушимость морских границ.
 - г. Предупреждение пиратства, вооруженных грабежей судов и терроризма.
 - д. Реализация законов и договоров по охране морских ресурсов.
 - е. Обеспечение безопасности мореплавания и окружающей среды
- [3].

А также был заключен Меморандум об основах развития сотрудничества между Федеральной пограничной службой Российской Федерации и Управлением безопасности на море Японии.

В рамках данного Меморандума, в 2001 году состоялось участие

сторожевого корабля Федеральной пограничной службы Российской Федерации в морском параде Управления безопасности на море Японии, а также визит во Владивосток двух патрульных кораблей Управления безопасности на море Японии. В 2002 проходило совещание экспертов Управления безопасности на море Японии и Федеральной пограничной службы Российской Федерации в г. Владивосток. Плотное взаимодействие по охране морских границ в Японском море и Тихом океане продолжалось в вплоть до 2005 года [7].

Подводя итоги, следует отметить, что на рубеже XX-XXI, одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов Приморского края стала охрана государственных границ от международных преступных групп как на суше, так и на море. В рамках своей деятельности, службы и министерства Российской Федерации уполномоченные на охрану границ и противодействие преступности успешно заключали ряд международных договоров о сотрудничестве, а также реализовывали различные мероприятия по борьбе с транснациональной преступностью. Охрана прилегающих к границе территории всегда представляет интерес для стран, имеющих общую сухопутную или морскую границу, что порождает хороший потенциал для совместного сотрудничества.

Источники и литература

1. Бакланов П.Я. географическое положение приморского края // Fegi.ru. URL: Географическое положение Приморского края (fegi.ru) (дата обращения: 10.04.2024).
2. Владивосток // Study in Russia. URL: <https://studyinrussia.ru/life-in-russia/discover-russia/towns/vladivostok/> (дата обращения: 10.04.2024).
3. К итогам рабочего визита в Японию директора ФПС России К.В.Тощого // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/1615560/> (дата обращения: 10.04.2024).
4. Организованные преступные формирования Дальневосточного региона в 90х годах XX века // StudFiles. URL: <https://studfile.net/preview/3542804/page:11/> (дата обращения: 10.04.2024).
5. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики // base.garant.ru. URL: Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики (Пекин, 18 декабря 1992 г.) | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 10.04.2024).
6. Шабельникова Н.А., Беляева Н.А. Деятельность правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России в ракурсе современных отечественных исследованиях // Клио. 2023. № 7. С. 29-38.
7. Японо-Российские отношения // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.embjapan.go.jp/RELATIONSHIP/COOPERATE/HELP/seccservice.html> (дата обращения: 10.04.2024).

Н. А. Жукова, А. В. Тухомиров
N. A. Zhukova, A. V. Tikhomirov

**МЕРОПРИЯТИЯ ПО СЛУЧАЮ ЮБИЛЕЯ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ДОМА КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА
ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРИЛИ ГРАНИЦЫ ИНТЕРЕСОВ
ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДОМА ОФИЦЕРОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО
ОКРУГА**

Events on the occasion of the anniversary of the Leningrad House of the Red Army and Navy have significantly expanded the boundaries of the interests of residents of St. Petersburg to the activities of the House of Officers of the Leningrad Military District

Аннотация. В статье приводится характеристика основных мероприятий, приуроченных к 100-летию со дня торжественного открытия Ленинградского Дома Красной Армии и Флота (январь – апрель 2024 г.), а также делается обзор историографии и этапов деятельности учреждений культуры, размещавшихся в здании на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: *Офицерское Собрание Армии и Флота, Ленинградский Дом Красной Армии и Флота, Дом офицеров, Российская национальная библиотека.*

Annotation. *The article provides a description of the main events dedicated to the 100th anniversary of the grand opening of the Leningrad House of the Red Army and Navy (January-April 2024), as well as an overview of the historiography and stages of the activities of cultural institutions located in the building at the corner of Liteyny Prospekt and Kirochnaya Street in St. Petersburg.*

Keywords: *Officers' Assembly of the Army and Navy, Leningrad House of the Red Army and Navy, House of Officers, National Library of Russia.*

В опубликованной в печати до середины 2023 г. историографии учреждений культуры, размещавшихся в здании Офицерского Собрания Армии и Флота (Литейный проспект, дом 20), отсутствует информация о деятельности Ленинградского Дома Красной Армии и Флота, но в ходе новых исследований удалось обнаружить источники, которые позволили восстановить историю деятельности этого учреждения. Материалы исследования впервые были представлены в январе 2024 г. в журнале «КЛИО» в статье «Торжественное открытие Ленинградского Дома Красной Армии и Флота (к 100-летию со дня открытия – 8 апреля 1924 года)» [1].

В настоящее время в историческом здании размещается Дом офи-

церов Ленинградского военного округа (далее – Дом офицеров). В начале 2024 г. начальник Дома офицеров С. А. Кононов (он является автором труда по истории Офицерского Собрания Армии и Флота [2]), проявив интерес к данному исследованию, принял решение об организации целого ряда мероприятий, посвященных 100-летию со дня торжественного открытия Ленинградского Дома Красной Армии и Флота.

15 февраля 2024 г. командование Дома офицеров объявило конкурс живописи и графики, приуроченный к столетнему юбилею с момента открытия Ленинградского Дома Красной Армии и Флота. Конкурсные работы должны были отображать сюжеты, тематически связанные с Домом офицеров и его ролью в военной истории России: внешний вид Дома офицеров (архитектура, интерьеры, виды из окон и др.); портреты выдающихся лиц, чья деятельность связана с Домом офицеров (к примеру, портрет К. Шульженко); работы, посвященные образовательной деятельности Дома офицеров (лекционные занятия, зарисовки шахматных турниров и др.).

Участники конкурса должны были представить свои работы для оценки членами жюри. Состав жюри был определен методическим отделом и утвержден начальником Дома офицеров. Прием творческих работ осуществлялся в библиотеке Дома офицеров с 15 февраля до 29 марта 2024 г. После подведения итогов авторам лучших работ были присуждены дипломы победителей конкурса. Ряд работ, отмеченных жюри, отобраны для участия в выставке. Их авторы награждены дипломами лауреатов конкурса и памятными призами. Работы, получившие призовые места, планируется приобрести в собственность Дома офицеров, а после завершения выставки – разместить в постоянной экспозиции Дома офицеров.

Открытие выставки живописи и графики состоялось 5 апреля 2024 г., в день проведения торжественных мероприятий, посвященных 100-летию Ленинградского Дома Красной Армии и Флота. На выставке были представлены 89 работ. Среди них есть работы Сообщества художников-профессионалов и любителей «URBAN SKETCHERS-Saint Petersburg» и студентов Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица. Выставка будет открыта до 2 июня 2024 г.

Еще одна выставка, развернутая в ходе подготовки к торжественному собранию, была посвящена деятельности учреждений культуры в здании на Литейном проспекте (организатор выставки – заведующая библиотекой Дома офицеров М. А. Василевская, кураторы выставки – сотрудники кафедры гуманитарных и социально-экономических

дисциплин Военной академии связи Н. А. Жукова и А. В. Тихомиров). В экспозицию вошли труды по истории деятельности Офицерского Собрания Армии и Флота, Ленинградского Дома Красной Армии и Флота [1], Дома Красной Армии, Окружного Дома офицеров (авторы Н. А. Жукова, С. А. Кононов, В. М. Котков, М. Я. Тарасов, А. В. Тихомиров и др.).

На выставке были представлены предметы, отображающие различные этапы деятельности учреждения. В их числе – Устав Офицерского Собрания Армии и Флота, «Вестник общества ревнителей военных знаний», членский билет Ленинградского Дома Красной Армии, программы концертов, входные билеты, юбилейные значки, номера периодической печати, фоторепортаж о творчестве К. Шульженко, методические пособия и др.

Сто лет назад, 8 апреля 1924 г., в работе торжественного собрания по случаю открытия Ленинградского Дома Красной Армии и Флота принимали участие представители различных организаций и учреждений Красной Армии, Балтийского Флота и Ленинграда, среди которых был член РВС ЛВО Н. М. Воронин, Командующий войсками ЛВО В. М. Гиттис, представитель Красного Балтийского флота, член РВС Балтийского флота К. С. Еремеев, заместитель начальника Политуправления ЛВО П. В. Лашевич, секретарь Северо-западного Бюро ЦК РКП(б) и Губисполкома Ленинградского Совета Г. Е. Евдокимов, представитель культшефа, режиссер М. Л. Катравцев, многочисленные сотрудники военных учебных заведений, красноармейцы и краснофлотцы [1, с. 151–152].

5 апреля 2024 г. почетными гостями Дома офицеров стали представители командования Ленинградского военного округа, сотрудники военных организаций и учебных заведений, представители общественных организаций и администраций Санкт-Петербурга и Ленинградской области, видные деятели культуры, ветераны и офицеры Вооруженных Сил России, слушатели, курсанты, кадеты, юнармейцы, реконструкторы в форме 1920-х годов, многочисленные гости-друзья Дома офицеров, и, конечно, руководство и сотрудники Дома офицеров.

С поздравлениями по случаю юбилея к собравшимся в историческом зале Офицерского Собрания Армии и Флота обратились заместитель командующего Ленинградским военным округом, генерал-майор В. Журавлев, сотрудник Комитета по культуре Санкт-Петербурга Ф. Болтин, председатель Общественной палаты Ленинградской области А. Ф. Габитов и др. В ходе торжественной части начальнику Дома офицеров С. А. Кононову были вручены юбилейные приветствия, а

ряду сотрудников Дома офицеров – памятные подарки и грамоты.

В ходе концертной программы документальные фото- и видеосюжеты чередовались с выступлениями артистов. Зрители вспомнили яркие страницы истории учреждения: строительство и торжественное открытие 22 марта 1898 г. Офицерского Собрании Армии и Флота; формирование в конце 1917 г. Рабоче-Крестьянского Дома-Клуба (Дом Рабоче-Крестьянской Армии, с конца 1921 г. – Дом Красной Армии Петроградского военного округа), торжественное открытие 8 апреля 1924 г. Ленинградского Дома Красной Армии и Флота.

В марте 1928 г. в соответствии с руководящими документами по деятельности Домов Красной Армии было изменено наименование – Ленинградский Дом Красной Армии, а 11 апреля 1934 г. присвоено почетное наименование «имени С. М. Кирова».

В годы Великой Отечественной войны Ленинградский Дом Красной Армии имени С. М. Кирова стал центром духовного сопротивления фашизму. На его базе были сформированы 14 артистических бригад, первые из которых отправились на фронт 4 июля 1941 г. [3]. 8 апреля 1944 г. Дом Красной Армии был награжден орденом Красной Звезды. В 1946 г. учреждение получило название – Ленинградский Окружной Дом офицеров имени С. М. Кирова [2, с. 62]. В 1964 г. в здании был открыт музей Ленинградского военного округа [2, с. 63].

Во второй половине XX века концертный зал Окружного Дома офицеров был одной из главных концертных площадок Ленинграда, где впервые зажигались такие звезды, как Аркадий Райкин, композитор Андрей Петров, Эдуард Хиль, Людмила Сенчина, Эдита Пьеха, Сергей Захаров, Марина Капуро и др. В XXI веке художественные коллективы Дома офицеров неоднократно выступали в Сирийской Арабской Республике и перед участниками Специальной военной операции.

5 апреля 2024 г. в концертной программе по случаю 100-летия Ленинградского Дома Красной Армии и Флота выступили творческие коллективы Дома офицеров: детский ансамбль танца «Орденанс», дуэт «Братья-Славяне», Хор ветеранов Великой Отечественной войны и Вооруженных Сил им. Ф. М. Козлова. В концерте также приняли участие: заслуженная артистка России Т. Калинченко, народный артист С. Стругачев (во время его исполнения песни «Журавли» зал встал и замер в молчании в память о трагических событиях 22 марта 2024 г. в «Крокус Сити Холле»), заслуженная артистка России С. Письмиченко, Эдуард Хиль – младший, Ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа, Ева Канна, хореографическая школа «Солнышко Петербурга», Детский хор Телевидения и Радио Санкт-Петербурга. За-

вершил концерт народный артист России, солист Мариинского театра В. Герелло. Ведущими мероприятия были Николай Поздеев и художественный руководитель Дома офицеров Ирина Смолина. По окончании концертной программы начальник Дома офицеров С. А. Кононов поблагодарил ведущих и многочисленных участников мероприятия, сотрудников и гостей за прекрасный концерт и внимание к Дому офицеров. В зале прозвучали продолжительные аплодисменты.

В завершении вечера, как и сто лет назад, «публика наполнила буфет, где к ее услугам чистенькие столики, пиво и всякого рода закуски, по всем уголкам Дома проходили оживленные беседы групп военных всех родов войск и частей гарнизона» [1, с. 153].

Неожиданным подарком для Дома офицеров стало открытие в начале апреля 2024 г. в Новом здании Российской национальной библиотеки (далее – РНБ) выставки «Офицерское собрание Санкт-Петербурга», приуроченной к 100-летию со дня открытия Дома Красной Армии и Флота [4]. В экспозиции были представлены труды А. М. Беляева, Н. А. Жуковой, В. Г. Исаченко, А. В. Македонского, В. Н. Питанина, М. Я. Тарасова, А. В. Тихомирова и других авторов, повествующих об истории здания на Литейном проспекте. Один из разделов выставки рассказывал о деятельности Офицерского Собрания Армии и Флота, становлении Общества ревнителей военных знаний. Часть экспозиции была посвящена торжественному открытию 8 апреля 1924 г. Ленинградского Дома Красной Армии и Флота [1]. Материалы выставки отражали историю Петербургского-Петроградского-Ленинградского военного округа (1864–2010) и деятельность Дома Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Среди документов были копии изображений из коллекции электронной библиотеки РНБ «Великая Отечественная война»: артистические и концертные бригады, афиши спектаклей, приглашения на мероприятия, материалы «Выставки трофеев» (1941) и «Выставки русской военной книги» (1944). Завершали экспозицию издания о текущей деятельности Дома офицеров. Выставка работала до 29 апреля 2024 г. [5].

Авторы данной статьи ознакомились с экспозицией и были приятно удивлены качественной подборкой материалов, поэтому они искренне поблагодарили за ее организацию сотрудников читального зала выставки новых поступлений Нового здания РНБ: куратора – ведущего библиотекаря А. П. Волкову и заведующую читальным залом Л. М. Веселову (отдел фондов и обслуживания РНБ). В дар РНБ был передан труд начальника Дома офицеров Ленинградского военного округа С. А. Кононова «Офицерское Собрание» [2].

События, связанные с празднованием 100-летия со дня торже-

ственного открытия Ленинградского Дома Красной Армии и Флота, освещались не только в военных средствах массовой информации [6], но и получили отражение в городских средствах массовой печати и многочисленных интернет-ресурсах, что позволило значительно расширить границы интересов жителей Санкт-Петербурга к деятельности Дома офицеров Ленинградского военного округа, который по-прежнему остается одним из основных городских центров культуры для военнослужащих, членов их семей, горожан и гостей города.

В завершении отметим, что материалы исследования Н. А. Жуковой и А. В. Тихомирова позволили не только восстановить страницы истории Ленинградского Дома Красной Армии и Флота, но и определить задачи по дальнейшему изучению его деятельности. Так, выяснилось, что в начале июня 1924 г. именно члены кружка шахматно-шашечного и военных игр Ленинградского Дома Красной Армии и Флота стали инициаторами проведения в Ленинграде партии «живых шахмат» [7], которая состоялась 20 июля 1924 г на площади Урицкого (сегодня – Дворцовая площадь). И надеемся, что Комитет по физической культуре и спорту Правительства Санкт-Петербурга проведет ряд мероприятий по случаю столетия этого события.

Литература и источники

1. Жукова Н. А., Тихомиров А. В. Торжественное открытие Ленинградского Дома Красной Армии и Флота (к 100-летию со дня открытия – 8 апреля 1924 года) // Клио. 2024. № 1. С. 145–157.
2. Кононов С. А. Офицерское Собрание. М., 2022. 96 с.
3. Место встречи на Литейном // Санкт-Петербургские ведомости. 2024. 11 апреля. С. 4.
4. Выставка «Офицерское собрание Санкт-Петербурга». К 100-летию со дня открытия Дома Красной Армии и Флота: [сайт]. URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA8438/Vystavka-Ofiterskoe-sobranie-Sankt-Peterburga (дата обращения: 12.04.2024).
5. Афиша на АПРЕЛЬ 2024 г. СПб.: РНБ, 2024. 4 с.
6. Колыбель армейской культуры: Ленинградскому Дому Красной Армии и Флота – 100 лет // На страже Родины. 2024. 5 апреля. С. 12.
7. Вакулин М. Хроника шахмат и шашек // Красная Звезда. 1924. 7 июня. С. 4.

А. А. Халин, А. Н. Штефан
A. A. Khalin, A. N. Shtefan

КУРС «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» И ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ

*The course «Fundamentals of Russian statehood» and problems of
morality*

Аннотация. Статья посвящена обобщению опыта преподавания курса «Основы российской государственности» в российских вузах. Особое внимание уделено формированию традиционных духовно-нравственных ценностей российской цивилизации у современного студенчества. Сделан вывод о необходимости выработки нравственных навыков поведения студентов, их готовности противостоять враждебным попыткам «коллективного Запада» навязать россиянам чуждые ценности. Автор призывает к единению различных российских социальных институтов в деле нравственного воспитания молодежи.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, гражданственность, патриотизм, нравственная элита, российская государственность и российская цивилизация.

Abstract. The article is devoted to summarizing the experience of teaching the course «Fundamentals of Russian statehood» in Russian universities. Special attention is paid to the formation of traditional spiritual and moral values of Russian civilization among modern students. The conclusion is made about the need to develop moral skills of students' behavior; their readiness to resist the hostile attempts of the "collective West" to impose alien values on Russians. The author calls for the unity of various Russian social institutions in the moral education of young people.

Keywords: traditional spiritual and moral values, citizenship, patriotism, moral elite, Russian statehood and Russian civilization.

В сентябре 2023 года в вузах России на всех направлениях подготовки введен новый предмет «Основы российской государственности». О его своевременности и актуальности говорить не приходится: вузовская общественность на протяжении последних лет настойчиво и последовательно ратовала за усиление гуманитарной подготовки студенчества. Однако, процесс имел совершенно иную направленность; шло сокращение и даже ликвидация традиционных вузовских дисциплин, таких как истории России, философия, геополитика.

Реалии 2022 года, начало специальной военной операции на Украине в одно мгновение поставило все на свои места. Стало ясно, что выполнить свой патриотический долг, защитить страну молодое поколение может только тогда, когда знает, что защищать и зачем защищать. Совершенно по-новому обозначилась задача многонационального сотрудничества народов России по защите единого для всех

Отечества. Лозунг «Народов много – Родина одна» стал основным в деле единения россиян перед западной угрозой.

Введение нового курса, наряду с чисто познавательными задачами, имеет своей главной целью формирование гражданственности, осознание своей идентичности, воспитание патриотического сознания в студенческой среде. Задача эта многосторонняя, что и обусловило междисциплинарный характер вводимого предмета.

Сразу следует отметить, что разработка курса потребовала от преподавателей вузов и новаторства, и разносторонних знаний, и напряженной работы. Сегодня уже можно сказать о приобретении определенного опыта в преподавании курса.

Главные направления и задачи курса – 1. Теоретические основы российской государственности и 2. Выработка поведенческих навыков в русле традиционных духовных ценностей российской цивилизации.

При преподавании курса мы опирались на Указ Президента РФ: *«Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»* [1], концепциях национальной безопасности и внешней политики и других.

Первое на что надо обратить внимание – отсутствие базовых знаний у студентов первого курса даже в рамках школьного курса обществоведения. Первая тема «Наша страна – Россия: основные социально-экономические, политические и геополитические характеристики» вызывает у студентов неподдельный интерес именно потому, что об этих «характеристиках» мало что слышали и не задумывались. Открывая этой темой курс, преподаватель сразу приступает к формированию патриотической, гражданской и нравственной позиций личности студента.

Курс очень эклектичный, даже я бы сказал «мозаичный». В ходе преподавания курса стало понятно, что его авторам не удалось избежать дублирования с другими предметами. Прежде всего, это относится к истории России, но и к ГМУ, политологии, философии. Многие темы прямо повторяют другие дисциплины, например, стратегическое планирование, русская философия и др. Из этого следует сделать вывод о необходимости пересмотра структуры курса, изменения его тематического плана.

В свою очередь это потребует изменения методики проведения лекционных и семинарских занятий. Наличие достаточно большого количества часов позволяет трансформировать курс как по содержанию, так и по форме, усиливая именно активную позицию студентов.

В прошедшем году мы достаточно эффективно использовали аудио- и видеоматериалы. Однако предстоит еще более внимательно отбирать материалы для лекционных и, особенно, семинарских занятий с их обсуждением.

Необходимо ставить перед студентами поведенческие задачи и искать их решение. На основе теоретических знаний студенты приобретают навыки жизни, практики повседневности. В итоге должна появиться некая «поведенческая шкала» как инструмент оценки событий общественной жизни. И здесь встает очень важный и непростой вопрос: а на каких духовно-нравственных ценностях должна основываться эта шкала. Ответ, казалось бы, очевиден – на ценностях российской цивилизации: государство, семья, коллективизм, память и др. Все эти ценности подробно прописаны в упомянутом нами Указе Президента. Ответ ясен - на них и надо ориентироваться. Ан нет... В реальной жизни мы сталкиваемся с очевидным противоречием между продекларированной государственной политикой в сфере формирования и сохранения нравственных основ российского общества и реальной практикой. Современные СМИ, телевизионные шоу и «развлекаловки» не просто не формируют эти ценности, они откровенно издеваются над ними и культивируют враждебные России ценности. Вместо семьи – однополые браки, вместо честности – деньги, вместо коллективизма – индивидуализм, вместо патриотизма – предательство. Все это стало очевидно и выпукло в последние 2 года, в период прямого столкновения с западным миром. Неслучайно патриарх Кирилл, выступая в Совете Федерации прямо подчеркнул агрессивную, враждебную, наступательную войну «коллективного Запада» именно на фронте столкновения традиционных духовно-нравственных ценностей [2].

Нашумевшие события последних месяцев – «голая вечеринка», «отмена» нескольких одиозных фигур нашего телевидения и эстрады от эфира (но и скорое их возвращение) показывают непоследовательность многих наших руководителей в деле отстаивания российских ценностей.

Невольно возникает вопрос – а кто в России элита, а кто – быдло. Судя по тому, что вытворяет наша «культурная интеллигенция», высокооплачиваемы «звезды» - это и есть аморальное быдло. И надо, с точки зрения наших традиционных ценностей, объяснять нашим студентам, что есть «настоящий человек». Известный полярный исследователь и путешественник Дмитрий Шпаро в одном из интервью сказал: «Настоящий человек это тот, на кого хочется быть похожим». Мы же не хотим быть похожими на подлецов, негодяев, предателей.

Президент России В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. отмечал: участники специальной военной операции — настоящая элита страны, которая может в будущем управлять Россией. «Подлинная, настоящая элита — это все, кто служит России. – говорил он. - Труженики и воины. Надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России» [3].

В деле нравственного воспитания российского студенчества важно объединить усилия, а не претендовать на свою исключительность в этом важном деле. Не раз слышал, как религиозные деятели утверждали, что хранителем традиционных духовно-нравственных ценностей является церковь. Можно подумать, что учителя в школах, преподаватели в вузах нашей страны учат своих учеников аморальному поведению. Не разъединять надо, а объединять. Это только усилит наши позиции в борьбе с настоящим нашим врагом – разрушителем ценностей российской цивилизации.

Центральная задача – выработать понимание российской государственности как теоретической основы патриотического поведения. Практическая задача заключается в выработке поведенческих навыков, своеобразной шкалы оценки общественных событий, явлений, ситуаций и определение, отстаивание своей позиции. При этом следует исходить из того, что для этого потребуются определенное мужество, способность обосновать и отстоять свою позицию. Не надо стыдиться простых поступков, основанных на традиционных российских ценностях. Правда и справедливость - вот основа этих традиций.

Наша задача и задача курса, прежде всего, подготовка гражданина России, воспитанного на традициях, устоях нашего народа и гордости за его достижения.

Литература и источники

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 16.03.2024).
2. Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 23 января 2024 года на пленарном заседании XII Рождественских Парламентских встреч в Совете Федерации ФС РФ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6096523.html> (дата обращения 16.03.2024).
3. Послание Президента России Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/948373> (дата обращения 16.03.2024).

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ЛИМИТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ: ИЗ ОПЫТА ОТНОШЕНИЙ ГРУЗИИ И ТУРЦИИ.

Neoliberalism and the limitation of state borders: from the experience of relations between Georgia and Turkey

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс становления и трансформации неолиберализма в политической сфере Грузии, с учетом опыта отношений между Грузией и Турцией, особенно в контексте лимитации государственной границы. Выявлены ключевые события и принятые решения, влияющие на дальнейшее развитие неолиберальных идей. Проведен анализ перспектив неолиберального развития в Грузии, включая изучение сущности неолиберализма и политического дискурса, особенно в свете проведенных реформ в последнее десятилетие.

Ключевые слова: Грузия, политика, реформы Саакашвили, неолиберализм, лимитация, государственные границы, экономический либерализм, Турция, взаимоотношения, сторонники неолиберализма, неолиберальные реформы в Грузии

Abstract. This article examines the process of formation and transformation of neoliberalism in the political sphere of Georgia, taking into account the experience of relations between Georgia and Turkey, especially in the context of limiting the state border. Key events and decisions made that influence the further development of neoliberal ideas are identified. An analysis of the prospects for neoliberal development in Georgia is carried out, including a study of the essence of neoliberalism and political discourse, especially in light of the reforms carried out in the last decade.

Keywords: Georgia, politics, Saakashvili's reforms, neoliberalism, limitation, state borders, economic liberalism, Turkey, relationships, supporters of neoliberalism, neoliberal reforms in Georgia

В первую очередь нужно четко обозначить что представляет собой неолиберализм и его главные постулаты. Неолиберализм можно характеризовать его верой в устойчивый экономический рост как средство достижения человеческого прогресса, его уверенностью в свободных рынках как наиболее эффективном распределении ресурсов, его упором на минимальное вмешательство государства в экономические и социальные дела, подчеркивающая важность свободной рыночной конкуренции. Также, неолиберализм, возникающий в 1970-е гг., стал отражением возврата интереса ученых и политиков к идеям международного сотрудничества. Неолиберализм связан с экономическим либерализмом «laissez-faire», который начал расти в XX

веке. Сторонники неолиберализма рассматривают свободные рынки и торговлю как основу человеческого процветания, создающую наиболее благоприятные условия для личной свободы, роста рабочих мест, технологических инноваций и транснационального сотрудничества, которые способствуют миру и глобальному процветанию. Неолибералы считают, что вмешательство правительства в систему свободного рынка способствует неэффективности и стагнации [1]. Также, они отвергают регулирование отраслей: высокие налоги и общественные услуги, которые не подлежат рыночной конкуренции и верят в уменьшении роли правительства и ограничении его функцией защитой частной собственности. Критики неолиберализма утверждают, что неолиберальная политика усугубляет, а не смягчает экономическое и социальное неравенство. Зачастую они ссылаются на последствия нерегулируемого капитализма, сокрушение или устранение социальной защиты, которая обычно представляется правительствами для поддержки тех, кто экономически и социально уязвим. К тому же, критики утверждают, что неолиберализм не учитывает системную бедность и расизм, и другие формы дискриминации – все это препятствует равному доступу преимуществ свободного рыночного капитализма, которые по мнению неолибералов являются общедоступными [2]. Можно сказать, что неолиберализм и его сторонники утверждают, что именно индивидуальные недостатки, а не системное неравенство ведут к социальной и экономической уязвимости.

В неолиберализме утверждается то, что частному сектору следует предоставить больше власти в экономике посредством такой политики, как приватизация, дерегулирование и сокращение государственных расходов в частном секторе. основополагающие неолиберальные принципы связаны с призывами к личной свободе и самоопределению. Рынок создает процветающее общество за счет экономической свободы, где люди имеют полную экономическую автономию и выбор, и чем свободнее рынок, тем лучше для общества. Другими словами, неолиберализм утверждает, что рыночная капиталистическая экономика создает свободное политическое общество со свободными людьми. Неолиберальная модель — это экономическая и политическая доктрина, которая поддерживает абсолютно свободный рынок без какого-либо вмешательства государства. Это эволюция классического либерализма XVIII и XIX веков, хотя он настаивает на еще более низких правилах, чем те, которые предлагались такими авторами, как Адам Смит. Смена парадигмы началась в 60-х и 70-х годах XX века. Одним из первых мест, где его принципы были внедрены, была Чили во времена диктатуры Пиночета. Неолиберализм зарекомендовал себя

как доминирующая экономическая система в начале 80-х годов XX века. Неолиберальная экономическая политика, которая также известна как «либертарианство», основана на принципе полной свободы личности, но без учета общественных интересов, единой системы налогообложения и идеи минимизации налогового бремени. Однако это не исключает финансовой поддержки со стороны государства в целях обеспечения свободы личности. Например, в образовательной или социальной сферах. С одной стороны, экономика значительно улучшается, но с другой стороны, в этом процессе выигрывают лишь немногие, а это приводит к большому увеличению неравенства [3]. К 1980-м годам неолиберализм завоевал господство у республиканцев, таких как президент Рональд Рейган. Высокопоставленные чиновники в демократической президентской администрации Джимми Картера, а позже и Билла Клинтона также приняли неолиберализм. Неолиберализм также поддерживали консерваторы, такие как премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, и международные организации, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд. Неолиберализм характеризуется как защита свободного рынка. А последователи неолиберализма утверждают, что это лучший способ распределения ресурсов. Цены не должны регулироваться, а должны определяться спросом и предложением. Отсутствие государственного вмешательства должно иметь место как на национальном, так и на международном рынке, поэтому сторонники неолиберализма выступают против введения тарифов на импорт. Если рассматривать недостатки неолиберализма, то хотелось бы выделить риск социальных кризисов. Такая экономическая политика обычно приводит к серьезным экономическим кризисам [3, с.80]. Волнения внутри общества нарастают, и, как отмечают многие исследователи, это может привести к значительным социальным диспропорциям.

Неолиберализм выступает за открытие внешних рынков политическими средствами. Открытие рынков включает в себя свободную торговлю и разделение труда в соответствии с международной специализацией. Характерными чертами неолиберальной экономики можно назвать либерализация налоговой среды, углубление международных экономических отношений, отмена социального налога, снижение налогового давления, либерализация рынка труда. В начале XXI века такие черты стали результатом роста экономики Грузии, иностранных инвестиций и появление в обществе не существовавшего ранее среднего класса [3, с.100]. Но, однако экономическая политика Грузии в этот период не была столь неолиберальной, и этому способствовали многие факторы. Во-первых, если некоторые налоги отменялись, то

в противовес увеличивались остальные налоги. Так, например, при отмене социального налога индивидуальный подоходный налог уравновешивался повышением.

23 ноября 2003 год стал важным поворотным моментом в истории современной Грузии. Десятки тысяч мирных демонстрантов во главе с новым лидером Михаилом Саакашвили зайдя в здание парламента в центре Тбилиси и вынудили президента Эдуарда Шеварднадзе уйти в отставку. Причин для свержения Эдуарда Шеварднадзе у протестующих было более чем достаточно. Десятилетие его правления было омрачено экономическим застоём, потерей территории, повсеместной безработицей и бедностью, частыми нарушениями прав человека и повсеместной коррупцией. Новый лидер символизировал стремление нации вырваться из порочного круга регресса, переживаемого за десятилетие неудачного перехода. Наследие, которое правительство Михаила Саакашвили унаследовало от своего предшественника, несомненно, было плачевным. Коррупция заполнила все уровни управления, государственный бюджет составлял всего 15 %, инфраструктура находилась в полуразрушенном состоянии, а электроснабжение даже в столице Тбилиси ограничивалось несколькими часами в день. Можно сказать, что термин «несостоявшееся государство» хорошо описывает ситуацию в Грузии в начале 2004 года. Борьба с бедностью занимала центральное место в предвыборном манифесте Михаила Саакашвили и его партии «Единое национальное движение», наряду с восстановлением территориальной целостности, демократизацией, установлением верховенства права и интеграция в евроатлантическое сообщество. После победы на президентских выборах, набрав 95% голосов, Михаил Саакашвили и его команда приступили к быстрой реализации масштабных неолиберальных реформ.

Всеобщая приватизация, почти полное дерегулирование, сокращение или отмена 20 различных налогов, либерализация торговли и массовое сокращение государственного сектора, проведенные за короткий период времени, превратили Грузию в одну из самых либеральных экономик в мире [5]. Основным механизмом сокращения бедности должен был стать «быстрый и устойчивый» экономический рост, которому будет способствовать совершенствование управления, борьба с коррупцией, создание благоприятной деловой среды, привлечение прямых иностранных инвестиций, приватизация и крупномасштабные инфраструктурные проекты. На практике программа реформ оказалась действительно радикальной. Сокращение государственного сектора было одной из первых инициатив правительств, поскольку неэффективная и коррумпированная государственная служба рассма-

тривалась как серьезное препятствие для развития. Так, в результате количество министерств было сокращено с 28 до 13, а 18 самостоятельных ведомств были упразднены или ликвидированы.

В 2012 году Грузия заняла девятое место в рейтинге Всемирного банка по легкости ведения бизнеса, поднявшись со 112 места в 2005 году. Внушительные результаты были достигнуты в Индексе экономической свободы в период в 2003 года по 2012 год, с 82-го на 34-е место. При партии Михаила Саакашвили – «Единое национальное движение» были осуществлены множество неолиберальных реформ. Например, реформа полиции, где воцарился порядок и равенство перед законом, улучшение бизнес-среды – налоговый кодекс был упрощен, снижение налогов, стало проще проходить процедура лицензирования. В Грузию начали поступать крупные инвестиции, открываются новые рабочие места в частном секторе. А также проходили реформы в сфере образования, безопасности, транспорта и других. Так, в действующем неолиберальном законодательстве Грузии, акцентирует внимание особенно на налоговое законодательство, а также социальную защиту, труде и здравоохранении. К политическим партиям с неолиберальной идеологией в Грузии можно отнести: «Неолиберальную партию Грузии» – основана в 2002 году и была ликвидирована поле «революции роз» в 2003 году; «Республиканская партия Грузии» – основание в 1978 году; «Путь Грузии» – основание в 2006 году. Противостояние свободному рынку – это монополия и хочется отметить то, что упразднение в Грузии в 2004 году антимонопольной службы не было одобрено всеми, но если анализировать именно появление внутри страны монополии или олигополии, то можно подойти лишь к выводу о противоречии неолиберальному принципу, потому что сам свободный рынок сталкивается с проблемами существования [6]. Проблема, которая идет в разрез с неолиберализмом является создание элементов блага. Когда рыночная конкуренция блокируется, будет рост цен на продукцию. Однако, ничто из вышеперечисленного не противоречит тезису о том, что экономическая политика была неолиберальной так сильно, как факты закрытия предприятий. Вскоре, Всемирный банк начал привлекать правительственные делегации из различных стран с переходной экономикой и развивающихся стран для изучения успешного опыта Грузии в проведении рыночных реформ. Но, коррумпированная и неэффективная государственная бюрократия была основным препятствием на пути развития, возможно, был необходим определенный уровень либерализации, особенно устранение бюрократии и приватизация убыточных государственных предприятий.

Неолиберализм в отношениях между Грузией и Турцией

Международное сотрудничество является важным признаком не-олиберализма в отношениях стран между собой, а сотрудничества в области безопасности является основным залогом стабильности и прогресса в своей стране и стране-партнёра. Именно такие отношения и связывают Грузию с Турцией. Турция всегда поддерживала очень тесные отношения с кавказскими государствами. Грузия и Турция являются давними партнерами, но отношения между двумя соседними странами вышли на новый уровень в последние десятилетия, после распада СССР. После обретения независимости Грузия столкнулась с множеством социально-экономических проблем. С 1990-х гг. были активизированы турецко-грузинские экономические, торговые и культурные связи. После введения безвизового режима межэтнические отношения значительно активизировались, и Турция стала востребованным местом для тех, кто был в поисках возможности трудоустройства. Турция реализует политику «ноль проблем» с соседними странами и основной целью этой политики является поддержание мирных отношений со всеми соседями. На данный момент Грузия является одним из тех соседей Турции, в отношении которого политика «нулевых проблем» оказалась успешной. Турецко-грузинские отношения являются образцовыми, а политика безвизового въезда – один из показателей данных успешных отношений. символ выдающихся взаимоотношений. Основываясь на анализе взаимоотношений Грузии и Турции, можно сказать о том, что грузино-турецкие отношения основаны по принципу «win-win», что означает, что обе страны выслушивают друг друга и находят точки совместной работы по интересующим вопросам, подразумевается, что от такого сотрудничества выигрывают обе стороны. Интересы и приоритеты Грузии во многом совпадают с интересами и приоритетами Турции. С точки зрения Грузии, Турция является ценным союзником и альтернативным источником торговли и инвестиций, который играют важную роль в снижении экономической зависимости Грузии от России [7]. Участие Грузии в Каспийском энергетическом проекте как транзитная страна укрепили роль Грузии во внешней политике и сделал Грузии и Турцию взаимозависимыми. Турция активно сотрудничает с Грузией в военной сфере, а также поддерживает реформы и модернизацию вооруженных сил Грузии. С 1990-х гг. Турция является членом НАТО и поддерживает стремления Грузии присоединиться к евроатлантическим структурам. Вместо с странами НАТО, Турция и Грузия проводят военные учения. Одним из первых соглашений Грузии с Турцией – соглашение о сотрудничестве в области обороны в июне 1997 года, когда Турция обязалась обеспечить обучение грузинских солдат и пограничные службы. В 1999

году были также подписаны соглашения о военном сотрудничестве. Согласно данному соглашению, турецкая сторона обязалась оказать финансовое и техническое содействие грузинской военной части в течение пяти лет, а также провести обучение грузинских военных в Турции. Турция также помогла грузинской стороне модернизировать вооруженные силы учебных заведения. При поддержке Турции была открыта новая военная школа в Тбилиси и созданы новые учебные центры в различных городах Грузии [5]. Турция играет очень важную роль в укреплении вооруженных сил Грузии путем их обучения, а также как путем проведения совместных военных учений. Важно также выделить то, что турецкий импорт в Грузию достаточно высок, по которому можно сделать вывод, что Турция относится к Грузии как расширенный потребительский рынок, и посредством капиталовложений стремится обеспечить свой контроль над жизненно важными отраслями страны. Все эти процессы показывают, что грузино-турецкие отношения привели как я уже ранее сказала, к их экономической взаимозависимости друг от друга. Благодаря открытой грузинской и турецкой активной внешней политики друг другу, страны преобразовали себя из соседей в стратегических и экономических партнеров. Таким образом, распад СССР и окончание холодной войны позволили Грузии активизировать отношения со своим южным соседом. С 1990-х годов Турция и Грузия установили очень тесные экономические и политические связи и начали активно сотрудничать друг с другом во многих областях. Совместные проекты повысили стратегическое значение Грузии и Турции, а железнодорожный проект Баку-Тбилиси-Карс стал вкладом в расширение экономических и культурных отношений между Грузией и тюркскими странами.

Южный Кавказ остается одним из важных центров политических интересов Турции. В современных политических условиях Грузия является важной частью южнокавказской политики Турции, как было ранее подтверждено, что Грузия является важной составляющей, представляя собой коридор между Турцией и тюркоязычными странами Центральной Азии и Южного Кавказа. Благодаря политике «мягкой силы» Турция все больше распространяет свое влияние на культуру, образование, военная и политическую жизнь Грузии. Турецко-грузинские тесные отношения и положительный имидж Турции в Грузии, создают благоприятные условия для дальнейшей реализации «мягкой силы», в результате которой турецкое влияние в стране будет расти все больше.

Заключение

Подводя итог, нужно подчеркнуть то, само обсуждение теорети-

ческих основ и участия неолиберализма в грузинской политике лучше всего показало важность и противоречия проводимых в Грузии реформ, которые сопровождались неолиберальным формированием вмешательства или регулирования против нынешних процессов в Грузии.

Грузия и Турция являются наглядным примером применения и вовлечения в развитие отношение между странами неолиберализма. Множество проведенных реформ, договоренностей между странами олицетворяют доверие взаимозависимые и главное, выгодные проекты для каждой стороны. Например, так одной из черт неолиберализма в отношениях Грузии и Турции можно проследить в военно-оборонной безопасности, в которой применяется взаимопомощь в выстраивании сильной и надежной оборонной системы в странах, а также, в обучении военных и подготовке квалифицированных кадров для работы в своей стране или в стране-соседа. Грузино-турецкие отношения на данный момент развиваются в своем стабильно-прогрессивном темпе, что дает повод для еще большего тесного сотрудничества и реализации новейших партнёрских соглашения.

Посткоммунистическая Грузия пережила серьезную перестройку своей экономической и социальной политики после «революции роз» 2003 года. Эта трансформация была предпринята бывшим президентом Михаилом Саакашвили. Реформы, проводимые правительством, не вызывало сомнений о полном соответствий руководящим принципам экономического неолиберализма. Грузинская версия неолиберализма имела свои черты – это устойчивый рост экономики, низкая инфляция, и низкий государственный долг – но они компенсировались неудовлетворительными рыночными и социальными показателями, включая проблему сокращения населения. Смена режима в 2012 году в социал-демократическом направлении привела к некоторым изменениям, особенно в сфере социальной защиты, но ключевые аспекты периода «радикальных быстрых реформ», проводимых прошлым правительством в целом, остались нетронутыми и развиваются по сей день.

Литература и источники

1. Harvey, D. (2005). A brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press. მოკვებულობა. URL: <http://www.scielo.br/pdf/rsocp/v23n55/0104-4478-rsocp-23-55-0011.pdf> - დაბ. 30 მისობი 2018 წ.
2. Современные теории международных отношений: учебник / под ред. В. Н. Конищева, А. А. Сергунина. М.: Проспект, 2013. С. 118.
3. Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 213
4. Арунова, М.Р. Турция–Грузия: сотрудничество и проблемы, Retrieved from

/ URL: <http://www.iimes.ru/?p=7629#more-7629>

5. Мгалоблишвили В. И. Основные направления современной внешней политики Республики Грузия: дис. канд. историч. наук: 23.00.04. –Пятигорск: ПГЛУ, 2016 – С. 82
6. Дарчиашвили Д., Возвращение в Европу? Некоторые аспекты ориентации системы безопасности Грузии. Центральная Азия и Кавказ. №1(13). 2001; Информационная программа «Курьер», 19 ноября 1999.
7. Арунова, М.Р. Турция–Грузия: сотрудничество и проблемы, Retrieved from / URL: <http://www.iimes.ru/?p=7629#more-7629>
8. Understanding International Relations, Third Edition - Tabesh University.

ПОБЕГ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ СЫНОВЕЙ ФАБЕРЖЕ ЧЕРЕЗ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКУЮ ГРАНИЦУ

Escape from Soviet Russia by Faberge's sons across the Soviet-Finnish border

Аннотация. В статье предпринята попытка уточнить неизвестные стороны перехода сыновей Карла Фаберже – Евгения, Агафона и Александра – через советско-финляндскую границу в 1918, 1920 и 1927 гг.

Ключевые слова: *российско-финляндская граница, Финский залив, семья Фаберже.*

Abstract. *The article attempts to clarify the unknown aspects of the passage of the sons of Carl Fabergé - Eugene, Agathon and Alexander - across the Soviet-Finnish border in 1918, 1920 and 1927.*

Keywords: *Russian-Finnish border, Gulf of Finland, Faberge family.*

Братья Фаберже – Евгений, Агафон и Александр – в разное время, в 1918, 1920 и 1927 гг. преодолели советско-финляндскую границу без разрешительных документов. Наиболее подробно описан переход через границу Агафона Фаберже в книге «Агафон Фаберже в Красном Петрограде». При этом, надо отметить, что попытка Агафона преодолеть границу глубокой осенью 1918 г. потерпела неудачу. Агафон вместе с домашним учителем должны были встретиться с женой Лидией Александровной и четырьмя сыновьями в условленном месте в лесу. Однако Агафона и домашнего учителя детей Константина Венцлавовича задержал красноармеец. Беглецы заплатили ему 1000 руб. и он отпустил их обратно в Петроград.

Лидию Александровну с детьми также остановил красноармеец, как рассказывала мне Татьяна Федоровна Фаберже (а ей рассказывал отец, которому было 14 с половиной лет), Лидия Агафоновна смело пошла навстречу красноармейцу и сняла с пальца кольцо с большим аквамарином и бриллиантами. Красноармеец посмотрел ювелирное изделие и сказал им: «Проходите». В конце 1919 г. это было частое явление, граница еще не охранялась строго. Контрабандисты через верных людей ходили ежедневно за продуктами в Финляндию. Обратного в Финляндию переводили людей, представителей привилегированных сословий.

В 1925-м Фаберже пытался получить официальное разрешение на временное проживание с семьей в Финляндии. Несомненно, по-

мощь в организации эмиграции оказывали многочисленные иностранные друзья Агафона Карловича в дипломатической сфере. Однако советское правительство отказало в выдаче выездной визы. В 1926 – 1927 гг., летом, Агафон снимал дачу в Лисьем Носу у рыбака Андерсона. В августе 1927 г. Агафон замыслил побег по Финскому заливу. Была куплена лодка на деньги ювелира Виктора Аарне, бывшего сотрудника фирмы. Лодка была спрятана в камышах недалеко от Лисьего Носа. Но пограничники обнаружили лодку и побег не состоялся.

Бежать получилось в декабре 1927 года. Фаберже заблаговременно покинул Ленинград и отправился с семьёй в Детское (Царское) Село, чтобы избежать подозрений, Фаберже не обменивал валюту. Даже оплату операции он осуществлял финскими марками не сам, а главное — не в Ленинграде. О материальном благосостоянии Агафон Карлович тоже позаботился: имущество было заблаговременно перевезено в финское генеральное консульство, что удалось благодаря подкупу сотрудника спецслужб. Перед самым отъездом Фаберже договорился со своим товарищем Константином Меликовым переночевать с семьёй в его квартире. Оттуда через деревню Дубки при помощи Александра Михайловича Андерсона они направились на встречу с финскими контрабандистами.

После прибытия Агафона Карловича в Финляндию, за ним бдительно следили финские спецслужбы. У Агафона Карловича был большой опыт, и он быстро адаптировался к жизни в Финляндии, приобрёл землю и построил четырёхэтажный дом в Хельсинки. На излёте жизни дом был продан. Взамен была куплена небольшая квартирка. С первой женой Лидией Александровной Агафон полностью прекратил переписку. А.К. Фаберже умер 20 октября 1951 года в Хельсинки, похоронен на православном кладбище.

В ночь на 11 декабря 1927 года Агафон Фаберже вместе с женой Марией Алексеевной Борзовой и сыном Олегом (1923 – 1990) перешел границу по льду Финского залива в районе Морских Дубков в Лисьем Носу. Им помогали на финских санях местный рыбак Андерсон и его три старших сына. По ним стреляли патрули из Кронштадта. Что касается двух других братьев, про их упереход советско-финляндской границы известно меньше. Николай, четвертый из сыновей Карла Фаберже, с 1900 года, в основном жил за границей, но несколько раз (летом) приезжал в Россию. С 1906 года Николай был одним из руководителей Лондонского магазина фирмы Фаберже.

После Февральской революции 1917 года император Николай II, носивший также титул Великий князь финляндский, отрёкся от престола 2 (15) марта 1917. А после Октябрьского переворота 1917 г. пар-

ламент Великого княжества провозгласил независимость Финляндии. 31 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина признал независимость Финляндской республики. Финляндия стала независимой, со всеми атрибутами независимости, включая государственную границу.

Евгений Карлович Фаберже.

Учился в Петришуле в Санкт-Петербурге. Учился на ювелирном отделении Академии художеств в Ханау (Германия) и в рисовальных классах С.М. Зейденберга в Российской столице.

С 1894 участвовал в делах фирмы Фаберже. По доверенности отца неоднократно встречался с императором Николаем II. Разрабатывал ювелирные изделия и создавал для них миниатюрные портреты. Писал акварельные портреты, преимущественно женские. Награжден офицерским знаком Французской Академии искусств (на Всемирной выставке 1900 года в Париже) и болгарским орденом св. Александра. В 1909-1918 – товарищ председателя Русского художественно-промышленного общества, член жюри Конкурса им. К.Г. Фаберже по ювелирному производству (1912).

В 1922 с братом Александром и бывшими сотрудниками фирмы Александром Маркетти и Джулио Гверриери основал компанию «Фаберже и Ко» в Париже. В 1951 был избран в административный совет Российского музыкального общества за рубежом.

Похоронен на кладбище Сент-Уан Паризьен в Париже, рядом с могилой брата Николая.

Как рассказывал Евгений Карлович Фаберже первому биографу семьи и торгового «Дома Фаберже» Генри Чарльзу Бейнбриджу, в декабре 1918 г. Евгений вместе с матерью Августой Богдановной перешел границу в направлении Кексгольма (сейчас – Приозерск). Матери Евгения было уже 66 лет. Как рассказывал Евгений, они перешли границу, продвигаясь по снегу около 20 км, и добрались до Кексгольма, откуда поездом доехали до Терриоки (сейчас – Зеленогорск) и далее – в Выборг. Всех переходивших советскую российскую границу отправляли в лагерь на карантин, пока проверяли документы. Но Евгений и его мать избежали этой участи, благодаря хорошим финским друзьям. Из Выборга путь Евгения с матерью лежал в Гельсинфорс, затем в Стокгольм, где они ждали визу во Францию, куда перебрались только в 1920 году.

Фаберже Александр Петрович (Карлович). 17 декабря 1877 (Санкт-Петербург) – 10 сентября 1952 (Париж). Художник-ювелир, живописец.

Третий сын Карла Густавовича Фаберже (1846–1920), главы крупнейшей в России ювелирной фирмы, брат Евгения (1874–1960), Ага-

фона (1876–1951) и Николая (1884–1939) Фаберже. Принял отчество Петрович по второму имени отца, чтобы его в аббревиатуре не путали с братом Агафоном (1876–1951). Учился в Петришуле в Санкт-Петербурге. В 1899–1904 учился в ЦУТР, затем – под руководством живописца Кашо в Женеве и в Строгановском училище в Москве. В 1906 изучал эмальерное искусство в Париже.

В 1904 женился на Иоанне Таммерман (1882–1929), в 1912 родился сын Александр, в будущем ученый-биолог, профессор, доктор наук.

Был руководителем и художником Московского отделения фирмы Фаберже. Писал пейзажи, участвовал в групповых выставках. Входил в московские художественные объединения «Общество искусств» (с 1913) и «Свободное искусство» (1912–1920).

В 1918–1919 работал экспертом Наркомпроса по искусству Востока. Был одним из основателей Музея восточного искусства в Москве. Участвовал в 1-й и 2-й выставках картин Профессионального союза художников (1918), 3-й Государственной выставке картин (1919) и Выставке Союза деятелей прикладного искусства и художественной промышленности (1919). Осенью 1919 подвергся аресту, как участник антибольшевистского офицерского заговора.

В апреле 1920 нелегально перешел финскую границу (с осени 1918 за рубежом, в Англии находились его жена и сын). Жил в Париже. Вместе с братом Евгением основал фирму «Фаберже и Ко». Разрабатывал и изготавливал ювелирные изделия, создавал фигурки животных из камня. Надгробие выполнено по эскизу Альберта Александровича Бенуа. Похоронен вместе с женой Ниной Фаберже (урожденной Белишевой, 1889–1971) на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа).

Фаберже Николай Карлович.

9 мая 1884 (Санкт-Петербург) – 17 марта 1939 (Париж). Художник-ювелир, живописец и фотограф. Младший сын Карла Густавовича Фаберже (Окончил Петришуле в Санкт-Петербурге. В 1900 изучал ювелирное дело в Лейпциге, затем работал художником в фирме Фаберже.

С 1902 жил в Европе, с 1906 – в Англии, где служил в лондонском магазине фирмы. Занимался живописью под руководством Дж. Сарджента и фотографией. Последние годы жизни провел в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Уан Паризьен, рядом с могилой брата Евгения.

Литература и источники

1. Bainbridge H.Ch. Peter Carl Faberge. Goldsmith and jeweller to the Russian Imperial Court. His Life and Work. London. New York. Sidney. Toronto. 1949. – P. 36
2. Агафон Фаберже в красном Петрограде. Научно-иллюстрированное изда-

- ние / Сост. А. И. Рупасов, В. В. Скурлов, Т. Ф. Фаберже, С. К. Бернев. СПб., 2012 (Указ.).
3. Bainbridge H.Ch. Peter Carl Faberge. Goldsmith and jeweller to the Russian Imperial Court. His Life and Work. London. New York. Sidney. Toronto.1949. – 170 pp.
 4. Фаберже О.А. Блестки. – М.: Россия. 1994. – С. 75.

В. А. Шорохов, Н. В. Белов
V. A. Shorokhov, N. V. Belov

**«ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ИРАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
В 30-40-Е ГГ. XVII В.: ОСТРОВА СОКРОВИЩ,
СЕЛИТРЯНИЦЫ, КАБАКИ И «ВОРОВСКИЕ» ЛЮДИ»¹**

*Features of the Russo-Iranian borderland in the 30-40s of 17th century:
treasure islands, saltpetre composts, strongholds and “renegade’ people”²*

Аннотация. В статье кратко характеризуются наиболее значимые особенности русско-иранского пограничья второй четверти XVII века, выявленные в ходе работы с материалами из фонда 77 Российского государственного архива древних актов.

Ключевые слова: *Российское царство, Сефевидская держава, пограничье, первая четверть XVII в.*

Abstract. *The paper examines key features of the Russo-Iranian borderland in the 30-40s of 17th century, discovered during studies of the fund 77 of the of the Russian State Archive of Ancient Acts.*

Keywords: *Russian Tsardom, Safavide Empire, borderland, the 30-40s of 17th century*

Во второй четверти XVII столетия Восточный Кавказ являлся крайне оживленной контактной зоной между двумя «пороховыми империями» эпохи преמודерна – Российским царством и державой Сефевидов. Само русско-иранское пограничье совершенно не напоминало классический межгосударственный рубеж из числа тех, что сформировались во всем мире в течение следующих трех веков. Между крайними точками уверенного контроля русских и кызылбашей (Терским городом и Дербентом) простирался обширный регион, политики которого были связаны со своими большими соседями хрупкими и изменчивыми отношениями вассалитета, реальное значение которых было невелико. Но даже внутри управляемых чиновниками царей и шахов пограничных регионов власть «центров» была довольно зыбкой и подверженной постоянному влиянию конъюнктуры. Раскрытие некоторых ярких элементов этой исторической мозаики является темой представляемого доклада.

Отдельные явления и процессы, определявшие характер отношений Москвы и Исфахана, а также политический и экономический «пейзаж» русско-иранского пограничья, неоднократно рассматривались в историографии.

Немало внимания уделено действиям в этом регионе «воровских»

казаков. Отдельные грабительские рейды казаков на Нижнюю Волгу и в Прикаспий, совершенные во второй четверти и середине XVII в., упоминаются в научной литературе, главным образом, в контексте изучения отношений донской вольницы с правительством России [1, С. 165–167], [2, С. 131–132, 151–160, 213], [3, С. 147, 384–385]. Повышенный интерес историков к каспийским грабежам разинского, времени, а также весьма скудное освещение ими влияния, которое оказывали «воровские» казаки на русско-иранские связи 1630–1640-х гг., обусловлено концентрацией исследовательского внимания на событиях Азовского «осадного сидения» (1637–1642) и движения Разина (1667–1671). До недавнего времени счастливым исключением из общего правила составляли работы Н. А. Мининкова. В них затрагивался широкий круг проблем, относящихся к организации охраны русско-иранской торговли на Каспии [2, С. 154], устройению казачьих островных зимовий в этом регионе [2, С. 154–155] и т. п. Ценно наблюдение Мининкова о снижении интенсивности казачьих походов на Каспийское море в 1640–1650-х гг. по сравнению с периодом 1620–1630-х гг., что связывается ученым с ослаблением казаков по результатам Азовской эпопеи [2, С. 160]. В последние годы освещению деятельности «воровских» казаков в русско-иранской пограничной зоне 1620–1630-х гг. посвящены специальные публикации В. А. Шорохова, А. А. Андреева и Д. Д. Копаневой [4], [5], [6]. Основанные на посольских материалах фонда 77 «Сношения России с Персией» РГАДА, они показывают наличие общей политики Романовых и Сефевидов, направленной на решение казачьего вопроса.

Изучению другого важного фактора, борьбы России и Ирана за влияние над «транзитными» землями Северного Кавказа, отведено немало места в монографических трудах [7, С. 308–315, 322–323], [8, С. 33–37], [9, С. 86–104], однако некоторые неочевидные стороны противостояния на Кавказе, к примеру, стремление Москвы обзавестись здесь стратегически важным селитряным производством [10], оказались в фокусе внимания историков совсем недавно, либо почти не получали освещения в литературе.

Итак, изучение архивных материалов позволило авторам доклада выделить ряд важных особенностей русско-иранского пограничья в 30–40-е гг. XVII в.:

1. Сравнительно стабильное функционирование контактной зоны, обеспеченное относительным благополучием обеих стран и наличием... Каспийского моря. С 1612–1615 гг. Романовы и Сефевиды установили общий контроль над прибрежными территориями, а также связывавшими их коммуникациями. Несмотря на это, дагестанские

правители, калмыки, ногаи, туркмены, элиты Азербайджана и Гиляна активно балансировали между формальными сюзеренами, соседями и ситуативными внешними угрозами вроде османов, крымцев и хивинцев, часто беззащитно грабя не только русских и иранских торговцев, но и дипломатов обеих империй [11, С. 47–51, 58–61]. Однако наличие двух морских маршрутов вдоль западного и восточного берега Каспия позволяло демпфировать военно-политическую турбулентность.

Единственной экзистенциальной угрозой морской торговле и политическим связям Романовых и Сефевидов оставались казаки, чьи действия, в итоге, стали одной из главных причин конфликта 1650–1653 г.

2. Очень высокие интенсивность и степень диверсификации экономических, политических и технологических связей с явной тенденцией к их углублению.

Так, за пятнадцать лет правления шаха Сефи I (1629–1642) из Исфахана в Москву были направлены два «болших» посольства (еще одно прошло через Россию транзитом в Голштинию), восемь торговых миссий и три гонца [12, С. 5–6]. Следующий шах Аббас II (1642–1667) направил в Россию две миссии высшего ранга за первые восемь лет своего пребывания на престоле.

Что касается двусторонней торговли, то ее масштабы становятся известны только сейчас, по мере изучения фонда 77 РГАДА. В частности, были выявлены примеры поставки друг другу Романовыми и Сефевидами стратегических товаров – тысяча верблюдов для иранской армии (август 1634 г.) [13, С. 612] и 4 тысячи батманов селитры для русских пороховых производств (начало 1650 г.) [14, Л. 168].

3. Выдающаяся роль казаков в качестве дестабилизирующего фактора в регионе. Общее представление об этом было ранее характерно, в большей степени, для российской историографии [15, С. 26], [16, С. 150], [17, С. 38], тогда как в иранской до сих пор превалирует точка зрения, что причины конфронтации крылись, в основном, в экспансии России в Закавказье в конце 1640-х и попытках грузинских правительств выйти из-под влияния Ирана [18, с. 155], [19, с. 297], [20, с. 521].

Изучение материалов посольства Хаджи-бека (1634–1635), миссии купчины Биджан-бека 1637–1639 [4, С. 35–37], и ультиматума беглербега Ширвана Хосров-хана астраханским воеводам (ок. 1647 г.) [21] позволили не только понять масштаб казачьих атак на караваны, но и места сокрытия награбленного (Тюленьи острова у входа в Мангышлакский залив и близ западного берега Каспия). Кроме того, стало понятно, что грабежу подвергались шахские торговые экспедиции, что

не могло не влиять на двусторонние отношения.

4. Обусловленность попыток России закрепиться на восточном Кавказе неполитическими факторами. В частности, нами был введен в научный оборот документ 1648 г., свидетельствующий о планах Московь развернуть производство селитры на территории Эндиреевского княжества в северном Дагестане, враждовавшего с шамхальством Тарковским, придерживавшимся иранской ориентации [10].

Сделанные нами выводы основаны на изучении большей части документов фонда 77 РГАДА, относящихся к 30-м–40-м годам XVII столетия. Однако богатство указанного собрания вкупе с ограниченностью возможностей небольшого исследовательского коллектива позволяют надеяться на то, что продолжение источниковедческих штудий позволит выявить новые подробности русско-иранских отношений эпохи первых Романовых.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>

² The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10037 <https://rscf.ru/en/project/23-78-10037/>

Литература и источники

1. Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978. 186 с.
2. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 510 с.
3. Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637-1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 456, [8] с.
4. Шорохов В. А. «...И они добра никакова не делают кроме дурна»: «Воровские» казаки в русско-сефевидских отношениях 1620–1630-х годов // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 28–41.
5. Andreev A.A., Kopaneva D.D. Paradoxes and Realities of the Iranian Politics of the First Romanovs // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2021. Vol. 66. Issue 1. P. 5–18. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.101>
6. Шорохов В. А., Копанева Д. Д. Из истории «воровских» казаков Прикаспия в первой трети XVII в.: материалы допроса Герасима Степанова и Пронки Микифорова // Клио. 2021. № 5 (173). С. 20–25.
7. Кушьева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI - 30-е годы XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 371 с.
8. Боцадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских взаимоотношениях XVI-XVIII веков. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 106 с.
9. Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. -Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. 174,[1] с.
10. Шорохов В. А., Рыбар Л. Соглашение между Русским царством и сефевидским подданным Мурзой Шахсенатовым о производстве селитры на территории Эндиреевского княжества и ее поставках (от 9 марта 1648 г.) // Вопросы

истории. 2023. № 2 (2). С. 26–31.

11. Павлова И.К. Хроника времен Сефевидов (Сочинение Мухаммад-Масума Исфাহани «Хуласат ас-сийар»). М.: Наука, 1993. 120 с.

12. Персидские дипломатические документы времен шаха Сафи I из собрания Российского государственного архива древних актов. СПб.: Наука, 2021. 303 с.

13. Shorokhov V. A. Materials of the Russian Diplomatic Mission to Iran by Islen'ev and Griazev // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2022. Vol. 67. Issue 2. P. 599–615.

14. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1650 г. Д.1. Приезд в Москву персидского посла Мармет Кули-бека, купчины Бежим-бека и с ними от Шемахинского Хусрев хана человека Кушчи Худай берды бека. 761 л.

15. Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. №8. Вып. 4. 1929. 32 с.

16. Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран по страницам истории отношений: XVI-начало XX в. // Христианское чтение. 2011. №2 (37). С.139-185.

17. Кораев Т.К. Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI-XVII вв: Соседство, соперничество, сосуществование // Исторический вестник. 2015. №11 (158). С. 6-51.

18. Amir Khusein Barazesh. *Ravabit-i siyasi-diplamatik-i Iran va dzhakhan dar akhd-i safaviia*. [Politic and Diplomatic Relations between Iran and the World during the Safavid Era]. Tehran: Muassisa-ii intisharat-i Amir Kabir Publ., 1392. 1296 p. (In Persian)

19. Nadzhafkuli-ii Khisam Mu'izi. *Tarikh-i ravabit-i siyasi-ii Iran ba dunia. Az Khakhamanishi ta takhavvulat-i akhir. Dzhild-i avval* [The History of the Relations between Iran and the World. From Achaemenids to the Present. Part 1]. Tehran: Chapkhana-ii ilmi Publ., 1324. 452 p. (In Persian)

20. Siiid Mukhammad 'Ali Dzhamalzada. *Tarikh-i ravabit-i rus va Iran*. [The History of Russo-Iranian Relations]. Tehran: Sukhan Publ., 1384. 249 p. (In Persian)

21. Андреев А. А. Резван М. Е. Первый ультиматум Хосров-хана астраханским и терским воеводам // Клио. 2022. № 6 (186). С. 18-22.

Список участников LV Международной научной конференции

- 1. Алексеев Виктор Владимирович** — кандидат исторических наук, доцент, доцент Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: morehod800@mail.ru
- 2. Апраксина Татьяна Игоревна** — художник, гл. редактор журнала «Апраксин блюз» (Калифорния, США), E-mail: apraksinblues@gmail.com
- 3. Баканов Александр Владимирович** — историк, независимый исследователь (Махачкала), E-mail: mr.bakanov85@mail.ru
- 4. Баранов Андрей Владимирович** — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар), E-mail: baranovandrew@mail.ru
- 5. Баркова Ольга Николаевна** — доцент, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы государственного аудит МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: olgabarkova@list.ru
- 6. Беркутов С.М.** — аспирант, ИРИ РАН (Москва), E-mail: berkstep@gmail.com
- 7. Белов Никита Васильевич** — лаборант-исследователь Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: st047088@student.spbu.ru
- 8. Барышников Михаил Николаевич** — orcid.org/0000-0002-0636-8864, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена — РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), E-mail: barmini@list.ru
- 9. Бенда Владимир Николаевич** — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: bvn.1962@mail.ru
- 10. Вялых Павел Викторович** — руководитель Поморского землячества в Санкт-Петербурге «Архангельская губерния», Санкт-Петербургская коллегия адвокатов «Триумф» (Санкт-Петербург), E-mail: vyalder@gmail.com
- 11. Гехт Антон Борисович** — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург), E-mail: a.geht@yandex.ru
- 12. Гуркин Андрей Борисович** — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург), E-mail: abgur313@mail.ru
- 13. Гуркина Нина Константиновна** — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления (РАНХиГС) (Санкт-Петербург), E-mail: nina-gurkina@yandex.ru
- 14. Долгова Анжела Валерьевна** — кандидат исторических наук, доцент Кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва), E-mail: angela_dol@mail.ru
- 15. Дианова Елена Васильевна** — доктор исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ), Институт истории, политических и социальных наук (ИИСПН), доцент кафедры Отечественной истории (Петрозаводск), E-mail: elena-dianowa@yandex.ru

- 16. Ерошкина Ольга Николаевна** — кандидат исторических наук, доцент, СПбГУ, факультет Международных отношений, доцент кафедры Международных гуманитарных связей (Санкт-Петербург), E-mail: o.eroshkina@mail.ru
- 17. Ершова Эльвира Борисовна** — доктор исторических наук, профессор, действительный член АГН, академик, Женщина мира 2005 года (Москва), E-mail: elvira40@inbox.ru
- 18. Жукова Наталья Александровна** — преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи (Санкт-Петербург), E-mail: vas@mil.ru
- 19. Зотова Анастасия Валерьевна** — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета, академик РАН (Санкт-Петербург), E-mail: anastasiyazotova@mail.ru
- 20. Иванова Наталья Михайловна** — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург), E-mail: i-natalii@yandex.ru
- 21. Ильченко Мария Александровна** — ассистент кафедры философии, ПГУТИ (Самара), E-mail: strays885@yandex.ru
- 22. Ипполитов Георгий Михайлович** — доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: lppo1953@yandex.ru
- 23. Калашева Мадонна Михайловна** — студент 1 курса магистратуры факультета Высшая школа государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: elladajetta@rambler.ru
- 24. Кандаурова Татьяна Николаевна** — Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), доцент, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва), E-mail: tanikand@mail.ru
- 25. Капьятец Дмитрий Петрович** — Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород), E-mail: kapyatets@yandex.ru
- 26. Климов Владислав Дмитриевич** — курсант, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России (Владивосток), E-mail: aw.ar.13@mail.ru
- 27. Кузнецова Марина Викторовна** — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, E-mail: marinahistory@yandex.ru
- 28. Леонов Евгений Александрович** — аспирант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), E-mail: e.leonoff@mail.ru
- 29. Малахова Серафима Игоревна** — аспирант 2 года, исторический факультет МГУ им. Ломоносова (Москва), E-mail: serafimasoma@mail.ru
- 30. Мантет Джеймс** — литератор, переводчик, редактор по переводу журнала «Апраксин блюз», редакционный советник Mundus Artium Press (Калифорния, США). E-mail: apraksinblues@gmail.com
- 31. Овчарова Екатерина Эдуардовна** — кандидат экономических наук, доцент; независимый исследователь, писатель, переводчик (Санкт-Петербург), E-mail: ekbs@yandex.ru
- 32. Окуджава Анна Элгуджаевна** — студент 2 курса магистратуры ФМО Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), E-mail: annaokudjava@mail.ru

- 33. Павлова Ольга Константиновна** — профессор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт, Высшая школа международных отношений (Санкт-Петербург), E-mail: pavlovaok55@mail.ru
- 34. Петрова Агнета Валерьевна** — студент 4 курса бакалавриата факультета СЦТ Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург), E-mail: aggneta@mail.ru
- 35. Петрова Елена Евгеньевна** — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), E-mail: petrovaelena70@mail.ru
- 36. Повелица Анжелика Дмитриевна** — студент СПбПУ Петра Великого, ИПМЭиТ (Санкт-Петербург), E-mail: lika.povelitsa@mail.ru
- 37. Позднякова Валентина Игоревна** — старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России (Владивосток), E-mail: anitnelav1711@mail.ru
- 38. Полторац Сергей Николаевич** — доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» (Санкт-Петербург), E-mail: poltorak2006@yandex.ru
- 39. Руденко Владислав Эдуардович** — курсовой офицер, Михайловская военная артиллерийская академия (Санкт-Петербург), E-mail: v.rudenko@science-mvaa.ru
- 40. Свенцицкая Юлия Анатольевна** — кандидат психологических наук, доцент. В настоящее время внештатный экскурсовод ГМЗ «Петергоф» (Санкт-Петербург), E-mail: yuliasven@yahoo.com
- 41. Сивкина Наталья Юрьевна** — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород; старший научный сотрудник научно-образовательного центра НГЛУ им. Н.А. Добролюбова «Славяно-греко-латинский кабинет» (Нижний Новгород), E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru
- 42. Скурлов Валентин Васильевич** — кандидат искусствоведения, эксперт Министерства культуры РФ, ученый секретарь Мемориального Фонда Фаберже (Санкт-Петербург), E-mail: valentinskurlov@mail.ru
- 43. Смирнова Тамара Михайловна** — доктор исторических наук, профессор, профессор каф. истории и философии Гос. ун-та аэрокосмического приборостроения (ГУАП) (Санкт-Петербург), E-mail: mokva@inbox.ru
- 44. Сомов Владимир Александрович** — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права, государства и судебной власти, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород); Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории и теории международных отношений (Нижний Новгород), E-mail: somoff33@yandex.ru
- 45. Станкевич Кирилл Максимович** — аспирант 1 года, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: pinkmartini16@yandex.ru
- 46. Степанов Никита Сергеевич** — курсант, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России (Владивосток), E-mail: garikgonchar@gmail.com

- 47. Тихомиров Артем Валдекович** — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи (Санкт-Петербург), E-mail: vas@mil.ru
- 48. Трей Тим Исмаатович** — аспирант III курса кафедры истории государственного и муниципального управления ФГУ МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), E-mail: timur173rus@yandex.ru
- 49. Усов Алексей Вячеславович** — кандидат исторических наук, доцент, доцент Центра общеуниверситетских дисциплин Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) (Москва), E-mail: epronhist@ya.ru
- 50. Федулов Сергей Валентинович** — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург), E-mail: serg.val.fed.661000@yandex.ru
- 51. Филатов Тимур Валентинович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Поволжской государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: tfilatoff1960@mail.ru
- 52. Фруменкова Татьяна Георгиевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории XIX – XXI вв., почетный доцент РГПУ им. А.И. Герцена, РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург), E-mail: frumentat@yandex.ru
- 53. Хавкин Борис Львович** — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (Москва), E-mail: novistor@mail.ru
- 54. Халин Алексей Алексеевич** — доктор исторических наук, профессор, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы; заведующий кафедрой истории и теории государства и права (Нижний Новгород), E-mail: khalin-aa@ranepa.ru
- 55. Шестопалов Павел Игоревич** — старший преподаватель, кандидат исторических наук, Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (Санкт-Петербург), E-mail: picassopavel@mail.ru
- 56. Ширин Елизавета Сергеевна** — курсант, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России (Владивосток), E-mail: elizaveta02@inbox.ru
- 57. Шорохов Владимир Андреевич** — кандидат исторических наук, доцент Института теологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: helveticw@bk.ru
- 58. Штефан Александр Николаевич** — заместитель директора, кандидат философских наук, доцент, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Нижний Новгород), E-mail: khalin-aa@ranepa.ru

Содержание

<i>Апраксина Т.И.</i> К вопросу о границах культуры и культур	3
<i>Ипполитов Г.М.</i> Язык историко-психологических исследований: где граница между строго научным и художественными стилями?	7
<i>Беркутов С.М.</i> Безграничность исторической закономерности: общность эволюции республиканского строя у разных народов	12
<i>Филатов Т.В.</i> К вопросу об интерпретации понятия границы в отечественной постсоветской философии	17
<i>Баранов А.В.</i> Разграничение русской и украинской идентичностей на Украине: от «Оранжевой революции» до Майдана (по социологическим опросам)	22
<i>Мантет Дж.</i> Границы безграничности: К 25-летию «Калифорнийских псалмов»	27
<i>Сивкина Н.Ю.</i> К вопросу о нападении Филиппа V на Киос: история и интерпретация события	35
<i>Малахова С.И.</i> Границы дозволенного во время Фронды: бунт аристократов во Франции	40
<i>Бенда В.Н.</i> К вопросу о деятельности генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса	45
<i>Фруменкова Т.Г.</i> Образование питомцев столичных воспитательных домов: возможности и границы (вторая половина XVIII – начало XX в.)	50
<i>Вялых П.В.</i> «У Лукоморья дуб зелёный»: историко-психологическое исследование границ Лукоморья	59
<i>Овчарова Е.Э.</i> К вопросу о приемлемых границах для поведения ученой женщины в обществе (по материалам переписки Жозефа де Местра с дочерьми)	76
<i>Гехт А.Б.</i> Приближая дальние рубежи: роль финансово-промышленной группы семьи Валленберг в развитии транспортной инфраструктуры Швеции в 1880-1900-х гг.	82

Трей Т.И. Причины роста частной благотворительности в России на рубеже XIX – начала XX веков.....	88
Леонов Е.А. Мобилизованные части приграничных восточных военных округов и их роль в Русско-японской войне 1904 – 1905 гг.	92
Баканов А.В. Транспортные ресурсы западного побережья Каспия, как фактор расширения границ России	98
Барышников М.Н. Судходные рейсы в Персидский залив в планах правительства и Русского общества пароходства и торговли (1914 – 1915 гг.)	102
Шестопалов П.И. Император и гвардия в рамках революционных событий в России (от первой русской революции к Февралю 1917 г.)	108
Иванова Н.М. Нравственные и материальные границы благотворительности в период Первой мировой войны	113
Ширина Е.С. К вопросу о формировании дореволюционного и советского законодательства об ответственности за контрабанду морских биоресурсов.....	118
Долгова А.В. «Да здравствует товарищ Ленин и Троцкий!» - предсмертные записки военнослужащих в годы Гражданской войны.....	123
Ильченко М.А. Нравственные границы историка в исследовании исторических персоналий на примере личности и судьбы А.В. Колчака.....	128
Кузенкова М.В. Проблема изменения границ и территорий Южного Кавказа в 20-е гг. XX века	133
Гуркина Н.К., Гуркин А.Б. «Граница на замке» (литература и искусство 30-х годов о границе и пограничниках).....	138
Алексеев В.В. Морально-психологическое состояние советских пограничников во время присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии (1939 г.), Бессарабии и Северной Буковины (1940 г.).....	145
Хавкин Б.Л. Советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. в исторической памяти.....	151

Смирнова Т.М. Встреча с цивилизацией: первые впечатления студентов Института народов Севера	157
Зотова А.В., Сидненко Т.И. Полное снятие блокады и мечты ленинградцев о развитии города	161
Капьятец Д.П. Производство легкого танка Т-70 на Горьковском автомобильном заводе	167
Свенцицкая Ю.А. Вопрос личной границы в работе С.Л. Рубинштейна «Человек и мир»	173
Калашева М.М. Граница как механизм сохранения национальной идентичности в странах Балканского полуострова.....	176
Ерошкина О.Н. Российская «дипломатия наследия» на границе двух миропорядков	182
Баркова О.Н. Путешествие за границу как новая форма культурной практики в России.....	187
Федулов С.В., Руденко В.Э. Психология принятия решений руководством страны в пограничном состоянии войны и мира в области военно-технического сотрудничества.....	192
Петрова А.В. На стыке интересов: геополитические реалии и пограничное взаимодействие Китая и Индии в контексте российско-украинского конфликта	195
Повелица А.Д. Анализ влияния общественных отношений на границе между государствами на примере государственной границы России и Украины.....	200
Позднякова В.И. По ком звонит колокол специальной военной операции, или «Рубикон» будущего человечества	204
Зотова А.В., Полторак С.Н. Современные проблемы постсоветского пограничья	209
Климов В.Д. Трансграничное сотрудничество правоохранительных органов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона на рубеже XX-XXI веков	214
Жукова Н.А., Тихомиров А.В. Мероприятия по случаю юбилея Ленинградского Дома Красной Армии и Флота значительно расширили границы интересов жителей Санкт-Петербурга к деятельности Дома офицеров	

Ленинградского военного округа	218
<i>Халин А.А., Штефан А.Н.</i> Курс «Основы российской государственности» и проблемы нравственности.....	224
<i>Окуджава А.Э.</i> Неолиберализм и лимитация государственной границы: из опыта отношений Грузии и Турции.....	228
<i>Скурлов В. В.</i> Побег из Советской России сыновей Фаберже через советско-финляндскую границу	237
<i>Шорохов В. А., Белов Н. В.</i> Особенности русско-иранского пограничья в 30-40-е гг. XVII в.: острова сокровищ, селитряницы, кабаки и «воровские» люди	242

«Граница как историко-психологическое явление»
Материалы
LV Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г.

Издательство «Полтораk».
195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11.
Телефон (факс): +7(950)0241405.
E-mail: poltorak2006@yandex.ru
<http://clioscience.com/>

Подписано в печать 04.05.2024
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Объем 12 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 21378

